
ВЕЛИЧАЙШЕЕ ШОУ
ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ЗЕМЛИ
РОБЕРТ РЭНКИН

Величайшее шоу за пределами Земли

Роберт Рэнкин

The Greatest Show Off Earth

Оглавление

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 1

Как Рэймонд познакомился с летающей морской звездой с Урана. И как эта самая летающая морская звезда объяснила ему истинное значение слова «остолоп».

* * *

Если вы въезжаете в деревню со стороны пастбищ, поверните налево на кольцевой развязке — той самой, через которую все привыкли проскакивать насквозь. Затем сверните направо у большого дома, в котором вечно идет ремонт, — и вот вы уже на Кинг Нептун Роуд.

Проезжайте по ней старых добрых полмили. Минуйте заросшую игровую площадку; молодежный клуб, где по понедельникам гремит музыка; паб «Веселые садовники», где музыка под строжайшим запретом; улицу, на которой живет Саймон; и большой зеленый ангар из гофролиста, принадлежащий Винни Строителю.

«Переулок, что не смеет назвать свое имя» притаился слева, на самом верху холма.

Вам придется ехать по нему крайне осторожно, потому что он сплошь усеян выбоинами, за которые никто не хочет нести ответственность. Но если вы благополучно доберетесь до конца, то заметите несколько притаившихся там домов.

Ужасный новострой со спутниковой тарелкой и тремя злющими псами; гордое здание на углу, облицованное красной черепицей, где обитает сумасшедший старый майор. А чуть выше, на пригорке, — маленький викторианский коттедж с чугунной калиткой.

Это и есть дом Рэймонда.

Разумеется, если вы вдруг вздумаете въехать в деревню с другой стороны, всё может стать куда как запутаннее.

Поэтому лучше всего остановиться и спросить дорогу на почте. Но если уж пришлось спрашивать на почте, то обращайтесь либо к даме с крашеными светлыми волосами, либо к её помощнице с милыми голубыми глазками. Не вздумайте спрашивать лысого почтмейстера, который «тот еще фрукт», или древнюю старушку, которая вечно сидит и вяжет. Оба они Рэймонда терпеть не могут, поэтому, скорее всего, укажут вам неверную дорогу.

Ах да, и если вы окажетесь там в любой теплый весенний вечер после шести, Рэймонда дома вы всё равно не застанете. Он будет на своем огороде. А как туда добраться — одному Богу известно.

* * *

Разумеется, сам Рэймонд дорогу к огороду знал прекрасно. Знал он и короткий путь. Впрочем, в этой деревне он знал каждый закоулок. Он прожил здесь всю свою жизнь и знал всё, что только следовало знать.

Он знал, куда податься по понедельникам за громкой музыкой. И где выпивать в остаток недели, если хочется тишины. Он знал, что не стоит и пытаться достать очередной теннисный мяч из сада того ужасного новостроя со спутниковой тарелкой. И он отлично знал, что выбоины в «Переулке, что не смеет назвать свое имя» — не его зона ответственности.

Рэймонду было двадцать три. Глаза голубые, волосы каштановые. Рост — чуть меньше шести футов, а размер ноги — чуть больше сорок третьего. Он работал на Винни Строителя в том самом огромном доме, где вечно шел ремонт. И когда Рэймонд не работал, не слушал громкую музыку, не проводил время за выпивкой в тишине и не открещивался от ответственности за выбоины на дороге — и если на дворе стоял теплый весенний вечер после шести, как сейчас, — его вернее всего можно было застать за перекапыванием своего огорода.

В основном Рэймонд там именно копал. Садоводческие аспекты — посадка, уход и сбор урожая — пока оставались для него terra incognita. Он выписал по почте пособие по садоводству, но книга не пришла в обещанный двадцатитрехдневный срок. Рэймонд позвонил издателям, и те заверили его, что всё отправили. Позже он устроил разнос лысому почтмейстеру, который клялся и божился, что заказ доставлен. Дело кончилось криками и взаимными оскорблениями, и в итоге Рэймонду запретили появляться на деревенской почте.

На самом деле пособие и правда доставили, но по ошибке — в тот ужасный новострой со спутниковой тарелкой. А обитатель того дома ненавидел Рэймонда, потому что однажды Рэймонд засадил теннисным мячом в крышу его оранжереи, а затем, спасаясь от трех злобных псов, перетоптал кучу призовых цветов.

Поэтому владелец ужасного новостроя со спутниковой тарелкой решил оставить пособие себе и вырастить овощи на тех голых клочках земли, где были загублены цветы.

Так что пока Рэймонду оставалось только копать. Зачастую в одной майке и громко насвистывая, что до крайности раздражало прочих владельцев участков. И в этот конкретный теплый весенний вечер он трудился в полном одиночестве.

Его коллеги-огородники довольно быстро утомились от звуков свиста и вида его подмышек и ретировались в паб «Веселые садовники», где свистеть запрещалось, а майки не приветствовались. Рэймонд же готовил яму под яблоню. «Грэнни Смит» или, быть может, «Кокс Оранж Пипин»? Торопиться с выбором не стоило, ведь яблони лучше всего сажать в ноябре.

Лопата звякнула о светло-коричневый камень, и Рэймонд наклонился его поднять. Он с интересом разглядывал находку, как раз когда мимо проходил его лучший друг Саймон.

Саймон был чуть старше Рэймонда, но ничуть не мудрее. Он пользовался благосклонностью местных дам и с самого выпуска из школы работал на мистера Хилсэвиза, садовника, про которого многие говорили, будто он в сговоре с дьяволом. У Саймона были темные волосы, темные глаза и великолепные зубы, стоившие ему целого состояния.

— Вечер добрый, Рэй, — сказал Саймон, сверкнув улыбкой. — Дыру копаешь?

Рэймонд оторвался от своего занятия.
— Добрый вечер, Саймон, — ответил он. — Новая шляпа?

Саймон, который никогда их не носил, даже зимой, покачал головой: — Да вот думаю отрастить бороду. Но пока это только на стадии идеи. Что это у тебя в руке?

Рэймонд провел слюнявым пальцем по находке.

— Это либо камень, который жаждет стать картофелиной, либо картофелина, совершившая на редкость успешное преображение в камень.

— Может, это окаменелая картофелина?

— Или симулякр.

— Вполне возможно. — Саймон сделал себе мысленную пометку разузнать значение этого слова, как только вернется домой. — Ты же читал на днях статью в газете? — спросил он.

— Нет, — ответил Рэймонд. — Ты, должно быть, меня с кем-то путаешь.

— Похоже, — продолжал Саймон, — русские все таки пробурили эту дыру.

— Нет, — Рэймонд качнул головой. — Эту дыру выкопал я.

— Да нет же, — Саймон тоже покачал головой. — Я не про эту дыру. Та дыра в Сибири. Русские ученые пробурили её, чтобы изучать движение тектонических плит. — Саймон сделал паузу в надежде, что Рэй спросит, что это вообще такое — тектонические плиты. Но тот не спросил, и Саймон продолжил: — Они углубились на двадцать три мили. Прошли сквозь твердую коренную породу, и вдруг бур пробил свод какой-то колоссальной пещеры. Они подняли его и опустили вниз специальный микрофон на очень длинном кабеле. И ты ни за что не догадаешься, что они услышали.

Рэймонд привалился к черенку лопаты, которая с момента появления Саймона не выкопала ни грамма земли.

— Неужто звуки миллионов душ, вопящих в вечной агонии? — поинтересовался он.

— Именно так в газете и написали.

— Понятно. — Рэймонд сунул свой камень (или картофелину) в карман, выбрался из ямы и принялся закапывать её обратно. — Хочешь чашечку кофе? — спросил он Саймона.

— Да, будь добр.

— От кофе и я бы не отказался. Но у меня только чай.

В сарайчике на участке Рэймонд откупорил термос и разлил по чашкам обжигающе горячий чай. Один с сахаром, другой без.

— Жаль, что это не кофе, — печально произнес он. — Терпеть не могу чай.

— Так попроси маму, пусть заваривает тебе кофе вместо чая.

— Если бы всё было так просто, — вздохнул Рэймонд. — Но термос я всегда наполняю сам.

Саймон прихлебывал предложенный чай.

— Меня всегда ставили в тупик термосы, — произнес он между глотками.

— Это почему же?

— Ну смотри: наливаешь туда горячее — оно остается горячим. Наливаешь холодное — оно остается холодным.

Рэймонд задумчиво кивнул.

— Ну и вот. Откуда он знает?

Рэймонд растянул губы в той самой улыбке, которую ему обеспечила бесплатная медицина, и постарался прояснить ситуацию: — На самом деле, он этого и не знает. Видишь ли, термос состоит из двух стеклянных колб, одна в другой. А между ними — четверть дюйма вакуума. А тепло не может проходить сквозь вакуум.

— Да брось, — отозвался Саймон. — Значит, тепло не может пройти сквозь вакуум?

— В точку.

Саймон почесал свою густую темную шевелюру.

— Тогда скажи мне вот что: если тепло не может преодолеть четверть дюйма вакуума, как же тогда солнечное тепло

преодолевает девяносто шесть миллионов миль вакуума и достигает Земли?

Рэймонд заглянул в дымящееся стеклянное горлышко термоса.

— Пожалуй, он все-таки знает, — прошептал он с благоговейным трепетом.

— Есть над чем задуматься, — сказал Саймон. — Кстати, что это за жуткая вонь?

Рэймонд принюхался.

— Полагаю, ты опять наступил в собачье дерьмо.

— Нет, не в этом дело.

Рэймонд снова шмыгнул носом.

— Пахнет рыбой. Ты что, наступил на рыбу?

— Не будь остолопом, — отрезал Саймон. Он выудил это словечко из словаря, когда искал значение слова «тектонический», и с нетерпением ждал случая его применить.

Рэймонд уже собирался спросить, что значит «остолоп», но тут оглушительный взрыв, грохнувший совсем рядом, заставил его выпустить термос и нырнуть в укрытие.

— Что это было? — спросил Саймон, присоединяясь к нему на высоте пола. — Мы что, воюем?

— Нет, мы еще даже не разругались, — Рэймонд перевернулся на спину и приложился затылком о половинку мешка с засохшим цементом. — Иди посмотри, что случилось.

Саймон потрогал свои зубы.

— А ты бы пошел на моем месте?

Раздался второй взрыв, чуть громче и ближе первого.

— Бежим! — завопил Рэймонд, вскакивая на ноги.

Последовала весьма нелепая давка — двое молодых людей пытались одновременно протиснуться в узкий дверной проем. Но когда с этим было покончено и они, тяжело дыша, выбрались обратно в теплый весенний вечер, одно стало очевидно сразу: на садовых участках ровным счетом ничего не изменилось.

— Не вижу воронок от снарядов, — сказал Саймон, приглаживая волосы и отряхивая джинсы. — Да и вообще никаких дыр не вижу.

— У меня в переулке их полно, — заметил Рэймонд. — Но я за них не в ответе. Интересно, что это за бабахи?

— Ты когда-нибудь слышал о «пушках Барисала»?

Рэймонд покачал головой, осыпав плечи цементной пылью.

— Полагаю, сейчас я о них услышу?

— Это может быть весьма релевантно нашей ситуации.

— Релевантно?

— Именно. — Саймон зацепился большими пальцами за шлевки джинсов и принялся расхаживать кругами. — Я читал о них в книге про необъяснимые явления, которую получил по почте.

— Я тоже заказывал такую, — мечтательно сказал Рэймонд. — Но моя так и не пришла.

— Жаль. Так вот, в этой книге есть статья о «пушках Барисала». Это звуки, напоминающие пушечную пальбу, которые регулярно слышны в окрестностях деревушки под названием — вот уж совпадение — Барисал. Это где-то в дельте Ганга. Но это не пушки, и никто не знает, откуда они берутся. Считается, что они имеют атмосферную природу и звучат как… Ой, мой нос!

— В таком случае в твоей книге наверняка опечатка.

— Нет, это «ой, мой нос»! — Саймон зашатался, хватаясь за лицо.

— Не совсем улавливаю твою мысль, — сказал Рэймонд.

— Да я нос себе разбил, черт возьми, — гнусаво заныл Саймон.

— Обо что?

— Не знаю. Обо что-то. Обо что-то здесь. — Саймон неопределенно махнул рукой в ту сторону, где якобы произошло столкновение. Рэймонд шагнул вперед, чтобы посмотреть, что там такое.

Но смотреть было не на что.

Зато можно было почувствовать.

— Овцы Шивы! — воскликнул Рэймонд. — Я тоже расшиб нос. В придачу еще и палец на ноге отшиб. — Он вытянул руку и нащупал холодную, твердую и совершенно невидимую стену. — Это стекло, — констатировал он.

— Стекло? — Саймон, потирая нос, подошел ближе. — Профиль не испортил? — поинтересовался он. — И покажи мне это стекло.

— Вот оно. — Рэймонд постучал костяшками: тук-тук-тук.

Саймон протянул руку и тоже постучал.

— Чистейшее стекло, — сказал он, — раз его совсем не видно. И очень холодное, и... — Он поднес постукивавший палец к носу. — Сильно воняет рыбой.

Рэймонд понюхал свои костяшки.

— Может, из вторсырья, — предположил он. — Но кто его здесь поставил и, если уж на то пошло, — он начал простукивать пространство вокруг себя, — какое оно в длину?

— Давай выясним. Ты иди в ту сторону, а я в эту.

Они разошлись, вытягивая руки, наклоняясь и простукивая пустоту, выделывая ладонями те самые пассы, которыми мимы не устают донимать публику. Вскоре они обнаружили, что снова стоят рядом. С другой стороны хижины Рэймонда.

— М-да, — сказал хозяин участка.

— М-да уж, — отозвался его спутник. — Похоже, нас окружили. Плохо дело, верно?

Рэймонд почесал затылок. И Саймон тоже.

— Будь добр, перестань чесать мне голову, — попросил Рэймонд. — И помоги пробить выход.

— Хорошая мысль. — Саймон схватил лопату Рэймонда, а тот принялся искать кирку, которую его когда-то уговорил купить человек с серьгой в ухе, заправлявший скобяной лавкой на Хай-стрит.

Они били и колотили. Лупили и долбили. Терзали, крушили, дубасили и колошматили всеми правдами и неправдами. Из уст вырывались дикие проклятия, костяшки пальцев были содраны в кровь. Но всё без толку. Невидимая стена не поддавалась. Ни трещинки, ни скола, ни царапины. Стояла намертво.

В какой-то момент кирка Рэймонда развалилась: железка соскочила с рукояти и едва не выбила ему глаз. Он отшвырнул обломок и рухнул на колени в грязь. Саймон опустился рядом.

— Как у тебя с криками о помощи? — спросил Рэймонд, когда немного отдышался.

— Помогите! — закричал Саймон.

— Неплохо, — оценил Рэймонд. — Помоги-и-и-и-те!

* * *

Солнце как раз начало клониться к закату, скрываясь за величественными старыми дубами, что росли по краям садовых

участков. Горло у «крикунов» уже окончательно саднило, когда Саймона осенило.

— Можно развести костер, — прохрипел он голосом Луи Армстронга. — Навалить всякого хлама к этой невидимой стене и поджечь. Проплавим себе выход.

— Думаешь, сработает?

— А ты слышал о пятом постулате Евклида?

— Нет, — отрезал Рэймонд. — И сейчас слышать не желаю.

— Можем сжечь рукоятку от кирки. Что еще у тебя есть?

Рэймонд с тревогой покосился на свой славный деревянный сарайчик.

* * *

Костер они развели знатный. Отступили на шаг и полюбовались делом рук своих. Грели ладони и ворошили угли палками. Кидали в пламя всякую всячину и вообще вели себя с той детской безответственностью, которая овладевает всеми мужчинами при виде большого костра.

— Как думаешь, начало уже плавиться? — поинтересовался наконец Рэймонд.

— Должно. — Саймон помахал ладонью перед лицом и зашелся в приступе кашля. — Дыма что-то многовато, — заметил он.

— Ужасно много. — Рэймонд тоже зашелся кашлем. — Послушай. Глянь вверх.

— Куда?

— Туда. — Рэймонд указал в зенит.

Дым густел и скапливался совсем низко, упершись в невидимый потолок прямо над ними.

— Кажется, я начинаю задыхаться, — выдавил Саймон.

— Гаси огонь! — прохрипел Рэймонд.

* * *

Дым висел в ловушке под огромным прозрачным и, по-видимому, непроницаемым куполом, который накрыл большую часть участка Рэймонда. Рэймонд сидел на полупустом мешке с цементом, на том самом бетонном пятачке, где еще недавно стоял его славный деревянный сарайчик. Саймон сидел рядом. Оба начали задыхаться.

— Не хочу быть паникером, — сказал Рэймонд, — но если помощь не придет в самом скором времени, боюсь, мы умрем.

Саймон хмуро уставился в бетон.

— Это всё твоя вина. Мне вообще не стоило сюда приходить.

— Моя вина? Ну надо же! Я себе спокойно копал яму, никого не трогал, пока не заявился ты. Это всё ты навлек на наши головы. Готов поспорить, ты не поладил с мистером Хилсэвизом, которого многие считают приспешником дьявола.

— Вовсе нет. — Саймон шмыгнул носом, который начал предательски течь. — Я не хочу умирать, — пожаловался он. — Я молод, хорош собой, и я выложил целое состояние за эти зубы.

— Опять ты со своими чертовыми зубами, — сказал Рэймонд.

— Гигиена полости рта очень важна. К тридцати годам у тебя одни десны останутся.

— Я и до двадцати четырех не доживу, если отсюда не выберусь. Полагаю, ты не собираешься прогрызть нам путь на волю?

Саймон приподнялся, сделал вялый замах в сторону Рэймонда и тут же повалился обратно.

— Остолоп, — выдохнул он, теряя сознание.

Рэймонд сидел, обхватив колени руками. Все это было крайне прискорбно. Вечер, начавшийся так удачно, превратился в сущий кошмар. Похоже, он и в самом деле сейчас умрет.

Рэймонд никогда прежде не задумывался о смерти. И теперь ему пришло в голову, что это было некоторым упущением с его стороны. Думал ли он о спасении души? Улыбнется ли ему добрый Господь? Был ли он «хорошим» человеком? Он был уверен, что плохим точно не был. Но достаточно ли этого? Ждут ли его небесные хоры или же его отправят к вопящим грешникам Сибири? Если так, он уж точно будет поглядывать по сторонам в поисках свисающего микрофона.

Голова у Рэймонда пошла кругом, мысли спутались. Он нетвердо поднялся на ноги и зашатался, хватаясь за горло и жадно глотая воздух. А затем споткнулся о собственную лопату и рухнул плашмя.

И в этот последний, отчаянный миг его осенило.

* * *

Солнце уже почти скрылось за прекрасными старыми дубами на лугу, и на смену ему поднималась луна. Птицы на участках желали друг другу спокойной ночи, осторожными кругами облетая большой серый купол, наполненный дымом и запахом рыбы. Когда с наступлением темноты воцарилась тишина и зажглись звезды, земля вдруг зашевелилась. Неужели крот?

Всего в футе от края огромного серого задымленного купола ком земли приподнялся и отвалился в сторону. На поверхности показалось начищенное лезвие лопаты Рэймонда.

Затем последовали возня и барахтанье: показались рука, плечо и голова. Рэймонд вдохнул живительный свежий воздух и с трудом выбрался наружу. Его тело покинуло лаз со звуком, напоминающим вылетающую из бутылки пробку. Ночной воздух

устремился вниз по туннелю, ворвавшись в ужасный купол. Рэймонд не стал терять времени даром.

Спустя несколько минут они с Саймоном лежали бок о бок, глядя в свободное небо. Точнее, глядел Рэймонд. Саймон всё еще был в глубоком отрубе.

— Фу-ух, — выдохнул Рэймонд. — Вот уж точно, фу-ух. — Он грубо потряс Саймона за плечо. — Слышишь, фу-ух!

Саймон беспокойно заворочался.

— Уберите руки, мистер Хилсэвиз, — пробормотал он. — Всё не так, как вы думаете. Я едва знаком с вашей дочерью.

— Негодяй, — сказал Рэймонд, давая приятелю подзатыльник.

— А-а-а, о-о-ох... — Саймон пришел в себя. — Кажется, меня сейчас вырвет.

— Ты спасен, — сообщил ему Рэймонд. — Каково, а?

Саймона тут же стошнило.

— Ну и благодарность, — сказал Рэймонд.

И тут...

— Поздравляю, землянин, — раздался голос с небес. — Ты прошел испытание.

* * *

Рэймонд снова поднял глаза к небесам и с ужасом обнаружил, что добрую порцию неба теперь заслоняет нечто крайне тревожное. Огромная звездчатая штуковина. Бугристая и раздутая. На пяти чудовищных отростках мерцали крошечные цветные сферы. Из нездоровой средней части, сплошь состоящей из мясистых складок и жующих челюстей, пульсировал свет. Густой рыбный смрад, бросающий вызов стойкости бывалого

тральщика из Гримсби, окутал садовый участок болезнетворными миазмами.

Саймон воспользовался случаем и выдал еще одну порцию рвоты.

Рэймонд зажал нос руками и принялся делать упражнения по поверхностному дыханию.

— Я — Абдулла, — провозгласило звездчатое нечто. — Я представляю Божественный Совет Космических Сверхсуществ. И мне приятно сообщить тебе, что ты прошел испытание на инициативность, назначенное его величеством Султаном Урана.

— Я всю грудь себе заляпал, — Саймон брезгливо оттянул рубашку. — Эта вонь. Этот голос. Что вообще происходит?

— Пришельцы, — пропыхтел Рэймонд сквозь пальцы. — С Урана.

— С Урана? В задницу их! — Саймон вскочил на ноги с поразительной для его плачевного состояния прытью, припустил во всю прыть и скрылся с территории участков.

Рэймонд печально смотрел, как его друг исчезает в темноте.

— Ну, спасибо и на этом, — проговорил он во второй раз за нынешний вечер.

Летающая морская звезда по имени Абдулла пошевелила чудовищными отростками.

— Зубы у твоего дружка что надо, — изрек он. — А вот кишка тонка.

— Э?

— Не то что ты, — неблагообразная середина существа пульсировала и вздрагивала. — Ты — герой.

— Спасибо, — Рэймонд с трудом поднялся, крепко держась за собственный нос.

— Итак, — продолжал Абдулла, — поскольку ты прошел испытание на инициативность, ты имеешь право занять место на Большом межпланетном съезде. Он пройдет на Венере.

— На Венере?

— На Венере. Ну, что скажешь?

Рэймонд совершенно не знал, что тут сказать. Всё это было так... ну, так неожиданно.

— Можно мне пару минут подумать? — спросил он.

— Нет, — отрезал Абдулла. — Нельзя.

— Оу. Ну, тогда, полагаю, ответ — «да». Ладно.

— Вот и чудно! — Невзрачное брюхо Абдуллы угрожающе вздулось, и из него высунулось непристойно выглядящее щупальце с большой розовой присоской на конце. Оно прилепилось прямо к макушке Рэймонда. Из него в его тело хлынули некие химикаты.

Рэймонд почувствовал, как в ушах щелкнуло, а во рту появился металлический привкус. Глаза съехались к переносице, сфинктер сжался. Сознание покинуло его.

Когда он очнулся, то первым делом обнаружил, что больше не находится на огородах. А когда голова прояснилась и чувства вернулись — что он больше не на родной планете. Перспектива казалась в корне неправильной, а небо приобрело оттенок мутной зелени. К тому же было холодно.

Рэймонд потер руки. Затем посмотрел на них. И на ноги. На нем не было ни лоскутка. Он был совершенно голым.

Он попытался встать, но ударился головой и снова сел. Его опять заперли, на этот раз внутри полой сферы. Здесь было подобие крошечного сиденья. А это еще что?

Рэймонд поднял бирку, висевшую на шнурке у него на шее. И прочел вслух напечатанные на ней слова:

ВЕЛИКИЙ МЕЖПЛАНЕТНЫЙ СЪЕЗД
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ АУКЦИОН.
ЛОТ 23, ОБРАЗЕЦ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ. САМЕЦ.

— Так вот, — произнес Рэймонд. — Вот оно, истинное значение слова «остолоп».

Глава 2

* * *

Саймон довольно долго пролежал в высокой траве под старыми, раскидистыми дубами, росшими по краю огородов. Он видел всё своими глазами. Слышал разговор Рэймонда с Абдуллой и с изумлением наблюдал, как его приятеля втянуло в недра летающей морской звезды и унесло в глубины космоса.

И вот он остался один-одинешенек, гадая, что же делать дальше.

Он ведь не собирался так позорно сбегать. Не поблагодарив Рэймонда за спасение собственной жизни и всё такое. Но у него, по правде говоря, не было выбора.

Саймон как-то вычитал в медицинском журнале про некое особое химическое вещество в мозгу. В моменты серьезных личных кризисов, например, при угрозе рукоприкладства, этот химикат мгновенно взвешивает все «за» и «против» и решает: стоять ли тебе на своем, и защищаться, или сжать булки и бежать

без оглядки. В случае с Саймоном химикат безошибочно выбирал второе.

Так что вовсе он не трус. О нет. Это всё химия. Саймон был уверен, что Рэймонд не затаит на него обиду, когда вернется с Венеры, окутанный славой.

— Надеюсь, он привезет мне какой-нибудь сувенир, — пробормотал Саймон. — Интересно, что они там пьют, на Венере?

Думы о венерианских напитках напомнили ему о земных. И о том, что если поспешить, то можно успеть пропустить пинту-другую в «Веселых садовниках» до закрытия.

— Бум-шанка, — произнес зубастый парень, поднимаясь со своего травяного гнезда и салютуя ночному небу. — Красава, Рэймонд, надеюсь, скоро увидимся.

После чего Саймон отправился домой — быстро сменить рубашку и в паб.

* * *

Вообще, в каждой деревне, как и в любом городе, есть пабы, а есть "пабы". Они охватывают весь спектр питейных заведений: от дешевых зассаных забегаловок с опилками на полу до пафосных лощеных баров с изысканными коктейлями.

На «инфракрасном» конце этого спектра обитают здоровенные пузатые мерзавцы, твердой рукой вершащие свой буйный произвол в прокуренных пивнушках, где фанаты враждующих спортивных брендов колотят друг друга бильярдными киями под грохот Faith No More из музыкального автомата.

На другом, «ультрафиолетовом» краю, расположились благообразные заведения в духе «милочка, вообще-то мы скорее приют для усталых путников, нежели обычный кабак». Здесь невысокие ухоженные дамы средних лет с высокими прическами

и блеском на губах проводят время между походами в спортзал и художественной раскладкой подставок под пиво. Они восседают на высоких барных стульях, в то время как их мужья по имени Кит или Тревор пожирают глазами молоденьких барменш, а те без конца опустошают пепельницы и терзают столешницы пахучими тряпками. Кассета с «фоновой музыкой», привезённая хозяйкой из отпуска в Бенидорме, назойливо зудит, доносясь из спрятанных под потолком колонок.

«Веселые садовники» занимали уютную середину между этими крайностями. Энди, хозяин заведения, наливал честную пинту по честной цене, улыбался всем посетителям и приговаривал «Вот и чудно!», когда это было уместно. Обладая тихим, но властным голосом, он сумел завоевать уважение завсегдатаев. Более того, он взрастил в них такой дух товарищества, что в тот единственный раз, когда в пабе чуть не вспыхнула драка, зачинщик под тяжелыми, полными презрения взглядами окружающих мгновенно осознал, что совершил непростительную оплошность, и поспешил ретироваться, чтобы больше никогда не возвращаться.

Под мягким правлением Энди «Веселые садовники» наконец-то начали процветать. Впервые за свою долгую и насыщенную историю паб стал приносить реальную прибыль.

Предыдущий хозяин, исчезнувший в ясную полночь, по мнению местных, происходил из династии потомственных отравителей колодцев. И в итоге, как гласят местные легенды, с ним приключился печальный инцидент, в котором фигурировали цемент и глубокая вода.

Пивоварня сделала на Энди ставку. И он не собирался их подводить.

* * *

Впрочем, справедливости ради стоит отметить: при всей безупречности нынешнего управления, само здание «Веселых

садовников» отнюдь не являлось воплощением красоты и вечной радости.

О, нет, нет и нет.

С точки зрения тех, кто придерживается немодного ныне убеждения, что одни вещи всё же лучше других, а также тех немногих, кто еще способен уловить разницу, золотой век британского паба, похоже, скончался вместе с королевой Викторией.

Среди множества книг, которым никогда не суждено увидеть свет, есть и труд под названием «Великие пабы двадцатого века». Её напишет человек, помешанный на стиле «под Тюдоров».

Псевдо-Тюдор!

Бесспорно, всё пошло наперекосяк именно со смертью королевы Виктории. История учит нас: когда бездарные архитекторы пасуют перед неопределенностью настоящего, они неизменно ищут спасения в грезах о прошлом. Именно так и поступали архитекторы эдвардианской эпохи, нанятые пивоварнями.

Псевдо-Тюдор!

«Веселые садовники» были как раз таким «псевдотюдоровским» заведением. Пабу слегка «подтянули фасад» вскоре после Первой мировой войны.

Реновация заключалась в том, чтобы выкорчевать все панели красного дерева и перегородки из травленого стекла, а всё пространство вдоль, поперек и по диагонали зашить просмоленными железнодорожными шпалами. Ходили даже слухи, что заведение хотели переименовать в «Дик Турпин».

Но всё это дела давно минувших дней. Мало кто из ныне живущих помнил паб в его прежнем обличии. Завсегдатаи принимали его таким, какой он есть: тихой гаванью с отменным элем, доброй компанией, душевными беседами и полным

отсутствием музыки. Собственно, большего и не требовалось. На эстетику им было наплевать.

* * *

Саймон был завсегдатаем «Веселых садовников», и на эстетику ему тем более было плевать. Он выбрался из переулка, ведущего от огородов и его дома, пересек Кинг Нептун Роуд и подошел к пабу.

Просмоленные шпалы, облупившаяся штукатурка, дряхлые каретные фонари и вывеска, державшаяся на одной петле.

— Дом, милый дом, — произнес Саймон.

Он вошел через распашные двери, пригнул голову под «балкой-о-которую-чужаки-разбивают-черепа» и бочком двинулся к стойке.

Завсегдатаи, увлеченные веселой беседой, на мгновение умолкли, чтобы насладиться походкой Саймона. Просмаковав это зрелище и найдя его весьма занятным, они вернулись к своим дискуссиям, обменявшись мнениями: мол, зубы у парня, может, и добрые, а вот походка — вихлявая. А вихлявая походка у столь юного создания, по правде сказать, зрелище не из приятных.

Саймон перестал пробираться бочком и взгромоздился на свой любимый барный стул. Энди улыбнулся Саймону, и тот ответил трактирщику тем же.

Энди был среднего роста — что бы это ни значило. Выглядел он щеголем: отглаженная рубашка, безупречные стрелки. Голова древнегреческого бога на теле молодого британского бизнесмена. Сплошные вопросы без ответов. И борода.

— Добрый вечер, Саймон, — сказал Энди. — Новый парик?

— Нет, спасибо. Просто пинту «обычного», пожалуйста.

— Пинту «обычного». Хорошая мысль. — Энди задумчиво оглядел ряд пивных кранов. — Ты сказал пинту «обычного»?

— Именно.

— Давай-ка уточним. Это то «обычное», которое ты заказываешь первым делом? Или то «дорогое обычное», когда за тебя платит кто-то другой? Или дешевая «Смерть от сидра», которой ты надираешься под конец вечера, когда деньги на исходе?

— То «обычное», которое я обычно заказываю, как только прихожу.

— Но ты обычно не приходишь так поздно.

Саймон погладил свой мужественный подбородок. — Понимаю, к чему ты клонишь. Знаешь что? Пожалуй, выберу «дорогое обычное», которое я заказываю, когда меня угощают.

— Точно уверен? — Энди приподнял бровь.

— Абсолютно.

— Боюсь, оно закончилось, — сказал Энди.

— Тогда дешевую «Смерть от сидра».

— Тоже закончилась.

— А как насчет того «обычного», которое я обычно заказываю, когда только прихожу?

— Это есть.

— Тогда пинту его, пожалуйста.

— Вот и чудно. — Энди подставил стакан под кран помпы и налил добрую полную пинту. — Не видел сегодня Рэймонда? — спросил он Саймона.

— Нет, сегодня не видел. — Солгав, Саймон украдкой глянул в зеркало за стойкой: не стала ли и его улыбка вихлявой. Нет, зубы стояли ровно.

— Жаль. — Энди пододвинул Саймону пинту. — Просто сегодня утром на его имя по ошибке пришла посылка. Я подумал, может, ты передашь.

— С удовольствием. — Саймон выудил пятифунтовую купюру.

Энди ловко выхватил ее. — Вот и молодец. Видишь ли, жена приняла доставку, а на посылке не было марок, пришлось заплатить почтальону. Я вычту расходы из этих денег, а ты заберешь их у Рэймонда, когда отдашь сверток. Твое здоровье!

— Твое здоровье. — Саймон пригубил пинту. — Вообще-то я обычно такое не пью, — заметил он.

Энди вернулся от кассы с горстью медяков. — Что-то не так?

— Нет-нет, — отозвался Саймон, — все просто замечательно.

— Вот и чудно. — Энди скрылся где-то под стойкой.

— Вечер добрый, Саймон. — Голос донесся с другого конца бара, от Дика Годольфина. — Новая шляпа?

— Я отсылаю вас к ответу, данному мною ранее, — изрек Саймон сугубо министерским тоном.

Энди снова показался из-за стойки, на этот раз с увесистым свертком в руках. Он водрузил его на стойку рядом с пивом Саймона.

— Прошу.

— Благодарю, — снова отозвался Саймон.

— Вот я всегда гадал, — сказал Энди, — почему оппозиция вечно тратит половину времени, отведенного на вопросы премьер-министру, выясняя его расписание на день?

— А-а. — Саймон блеснул своими безупречными зубами. — У меня есть теория на этот счет. Полагаю, они надеются, что если долбить его одним и тем же вопросом, в один прекрасный день он просто сорвется и ляпнет: «Сегодня утром я совещался с коллегами по кабинету, а в обед мне спустили голую филиппинку в плетеной корзине прямо на мой достопочтенный орган. О черт, что это я? Я подаю в отставку!»

— Думаешь, на то и расчет?

— Вне всяких сомнений. — Саймон допил пиво.

— Повторить? — спросил Энди.

— Кажется, я нынче неплатежеспособен, — сказал Саймон. — У Рэймонда здесь все еще открыт счет?

— Само собой. Буквально вчера полностью рассчитался, так что его кредит снова — двадцать пять фунтов. Это единственный паб в округе, где ему еще оказывают такую честь. Привилегия, которой он, к счастью, пока не додумался злоупотребить.

— Да он бы и не стал. Тогда плесни мне пинту за его счет.

— А вот и не плесну. — Хозяин с профессиональным видом тряхнул седой бородой. — Доверие — это дверь, которая открывается в обе стороны, знаешь ли.

— Еще как знаю. — Саймон притворно отшатнулся. — Но разве я не лучший и преданнейший друг Рэймонда?

— Сдается мне, ты вообще его единственный друг.

— И разве я только что не оплатил почтовые расходы за его посылку — в точности так, как и поступил бы лучший и преданный друг?

Седая борода согласно заходила вверх-вниз.

— То-то и оно. Так что не пытайся вбить клин между закадычными друзьями. Запиши на мой счет и повтори, будь добр.

— Вот и чудно, — сказал Энди, забирая у Саймона стакан. — Кстати, что ты там пил?

— Я возьму «Смерть от сидра», — встрял Дик Годольфин, внезапно возникший у Саймона под боком. — Раз уж мой дружище угощает.

— Если бы я только мог, — отозвался обладатель свежеиспеченного кредита в двадцать пять фунтов. — Но даже если б и мог — черта с два бы угостил.

Годольфин пробормотал пару цыганских проклятий и приготовился в очередной раз платить за себя сам.

Дик был штатным брэмфилдским цыганом-браконьером. В каждой деревне должен быть такой. Это традиция, древний устав или просто заезженное клише. Дик был мал, смугл и страшен собой. Он носил вощеную кепку и твидовый пиджак — ансамбль, который вполне соответствовал случаю, чего нельзя было сказать о его физиономии, — и обладал парой глаз, которые, по выражению Лоуренса Аравийского, «зияли чернотой, точно дырки от мочи в сугробе».

У Дика была жена, вечно на сносях, и борзая, которая вечно пыталась оприходовать его ногу.

Он обитал в вампирском мире, что лежит между закрытием паба и рассветом. В эти нечестивые часы он выбирался на промысел со своей борзой на ноге, чтобы собрать кровавую жатву в кроличьих угодьях.

Не обращая внимания ни на время года, ни на погоду, ни на таблички «Посторонним вход воспрещен», Дик, прихрамывая, брел по пустошам и холмам, разгоняя отары овец и вселяя страх божий в создателей кругов на полях. В удачную ночь он мог

принести до четырех жирных кроликов, за каждого из которых можно было выручить около фунта у местного мясника.

Среднестатистическому горожанину такой способ заработка на жизнь показался бы невероятно тяжким. Но что горожане вообще смыслят в сельской жизни?

Да ровным счетом ничего.

Дик был последним из вымирающего племени. Ну, или одним из последних. И он считал своим священным долгом поддерживать старый добрый деревенский уклад, который без таких, как он, сгинул бы навсегда — вместе с ручным плугом, жильем «в придачу к работе» и правом сквайра выбирать себе любую деревенскую девственницу в каждый месяц, в названии которого есть буква «р».

Так и перебивался он своим скромным ремеслом, имея в подспорье лишь фунт за пристреленного кролика, пособие по безработице да увесистую еженедельную стипендию от Общества по сохранению сельских промыслов.

Благослови тебя Господь, Дик Годольфин.

— Отвали, Дик, — сказал Саймон. — И убери свою собаку от моей ноги.

— Фу, Бродяга, — скомандовал Годольфин. — К ноге.

— Держи, — сказал Энди, передавая Саймону очередную пинту. — Распишись-ка вот на этой картонке, будь добр.

— Я распишусь сразу за все двадцать пять фунтов. Не хватало еще завалить всю твою кассу ворохом пивных подставок.

— Вот и чудно! — сказал Энди. — Тебе повторить, Дик?

— Повторить, — ответил Дик.

Саймон пригубил вторую пинту и принялся украдкой коситься по сторонам. Почти все завсегдатаи были в сборе, оккупировав

любимые углы на скамьях в стиле псевдо-Тюдор или низких табуретах с гнутыми ножками «под королеву Анну». Другие выстроились вдоль барной стойки, рассуждая о том о сем. Секс и скандалы. Войны и слухи о войнах. Обо всем и ни о чем — обычное дело для пабов.

Саймон наблюдал за ними. Фермер Долговязый Боб, разводивший кур, чья голова вечно скрывалась за той самой балкой, о которую вечно бьются лбами чужаки, выходя из мужского туалета, оглушительно хохотал в компании музыкантов местной рок-группы «Римская свеча» (имелся в виду нераскрывшийся парашют, а не фейерверк); Дэйв Вояка, служивший по части очистки моторных масел, сгорбился над тройной порцией водки, грезя о гонках в Бруклендсе; Писака, который, судя по всему, зарабатывал на хлеб сочинительством, хотя никто никогда не видел его книг в магазинах; две надушенные кассирши из супермаркета на Хай-стрит. И так далее, и тому подобное.

Саймон знал их всех — многих еще со школьной скамьи. Все те же лица. Все те же шуточки и, на милость Энди, все те же заказы выпивки раз за разом.

Но сам он сидел здесь уже другим. Он видел, как его лучшего друга утянула на Венеру летающая морская звезда. Теперь он уже никогда не станет прежним.

Вот он сидел, потягивал пиво и прикидывал в уме, как бы повыгоднее распорядиться знанием, доступным ему одному. С таким сокровищем нужно было обращаться бережно. Если удастся убедить какую-нибудь воскресную газетенку поверить в его историю, можно сорвать солидный куш. С другой стороны, куда вероятнее было прослыть законченным психом.

Саймон погрузился в глубокие раздумья.

И тут получил увесистую затрещину по уху.

— Ой! — взвизгнул он, сползая на пол.

Внезапная тишина, вызванная столь вопиющим нарушением общественного этикета, столь же быстро сошла на нет, как только стала ясна причина. Это была Лиза, многострадальная подружка Саймона, и поскольку она раздавала ему тумаки более или менее регулярно, даже Энди смотрел на это с безразличием греческой статуи. Впрочем, он все же решил вмешаться, когда она занесла ногу для пинка.

— Девять часов! — взвизгнула Лиза, пока завсегдатаи возвращались к своим веселым беседам. — Ты обещал прийти в девять!

В голове Саймона, прижатой к полу, сладостно отозвалось некое эротическое воспоминание. Но поскольку его лицо в данный момент подвергалось бесцеремонному вниманию ищейки Дика, он был не в том положении, чтобы озвучить красноречивое оправдание.

— Я целый час проторчала в этой чертовой плетеной корзине! Моя задница теперь похожа на бифштекс на гриле!

— Убери пса от моего лица, Дик, — прохрипел Саймон.

— Место, парень, — бросил браконьер. — К ноге.

Саймон с трудом поднялся, расплываясь в виноватой улыбке.

— Лиза, я думал, мы договорились встретиться здесь. Я еще удивлялся, почему ты опаздываешь. Я как раз собирался к тебе.

— Ах ты лживый... — Лиза попыталась замахнуться ногой. — Дик, убери свою чертову псину от моей ноги!

— Лиза, послушай, пожалуйста, — Саймон выплюнул курчавый собачий волос. — Возникли непредвиденные обстоятельства. Мне очень жаль.

— Очень жаль? — Лиза раздула ноздри. Прелестные были ноздри, надо сказать. И располагались они именно там, где им и подобает — под изящным носиком на милом личике,

обрамленном водопадом роскошных каштановых волос. — Что это за вонь? — спросила она.

— Вонь? Какая вонь? — Саймон принялся суетливо обмахивать себя руками.

— От тебя, — отрезала Лиза.

Завсегдатаи у стойки начали принюхиваться. И хотя избиение Саймона само по себе никого особо не впечатлило, упоминание плетеной корзины и задницы уже подогрело интерес. А уж разговор о запахах окончательно их зацепил.

Зацепил, как крючок рыбу.

— Рыба! — воскликнула Лиза. — От тебя разит рыбой!

— Рыбой? — переспросил Саймон. — Вовсе нет.

— Разит, — подтвердил Энди. — Я еще когда ты вошел, заметил. Но я, разумеется, слишком вежлив, чтобы упоминать такое.

— Нюх-нюх-нюх, — пошло по пабу. — Рыба, рыба, рыба, — зашелестели голоса.

— Это не я! — взвыл Саймон. — Это собака Дика!

— Да нет, парень, воняет именно от тебя. — Браконьер наклонился почти вплотную, оценивая густой дух, исходящий от Саймона. — От тебя разит рыбой. За версту.

— Причем свежей, не мороженой, — уточнил хозяин заведения.

— Ах ты грязный извращенец! — Лиза прицелилась и врезала Саймону по голени. Ножка у нее была что надо. Изящная юная ножка, расположенная в положенном ей месте. Обутая в белую кожаную туфельку с острым носком и на трехдюймовой шпильке. Саймон запрыгал на месте, оглашая бар воплями.

— Может, это часть номера Саймона? — предположил Долговязый Боб, птичник, выглядывая из-под балки и ухмыляясь в сторону бара.

— Номера? — слово пошло гулять по бару под аккомпанемент пожиманий плечами.

— Номера? — переспросила Лиза громче остальных. — Что это еще за номер?

— Тот самый, который они с Рэймондом репетировали, когда я проходил мимо огородов. Ну, та дрянь, которой мимы вечно докучают публике. Знаете же, о чем я. — И Долговязый Боб принялся изображать означенную пантомиму.

— Недурно, — отозвался один из «Римских свечей». — А можешь показать ту, где вроде как идешь, но остаешься на месте?

— О, это я могу, — откликнулся кто-то еще. — Проще простого.

— А я умею жонглировать тремя дохлыми кроликами, — сообщил Дик Лизе. — И при этом балансировать пинтой лагера на конце своего чле...

— Саймон! — взвизгнула Лиза. — САЙМОН!

Но Саймона и след простыл. Особое химическое вещество в его мозгу приняло очередное молниеносное решение.

Посылка Рэймонда исчезла с барной стойки, и всё, что теперь напоминало о недавнем присутствии Саймона, — это недопитая пинта, долговая расписка, разъяренная подружка с ищейкой, снова пристроившейся к её ноге, полдюжины взрослых мужиков, пытающихся выбраться из воображаемых телефонных будок, и въедливый запах рыбы.

Что, если вдуматься, было совсем немало.

Глава 3

Рэймонд был унылым и жалким остолопом.

Он сидел, сгорбившись, в своем мерзком маленьком пузыре и злобно взирал на просторы Венеры. Видно ее было неважно, но всё, что он мог разглядеть, вызывало у него одну лишь ненависть.

Его пузырь покоился на прочном треножнике посреди унылой серой площади, окруженной низкими, скучными, безрадостными и такими же серыми зданиями, явно промышленного назначения. Поворачиваясь на своем крошечном сиденье, Рэймонд мог разглядеть множество других пузырей, подобных его собственному. Они были самых разных размеров — от крошечных до исполинских — и вмещали в себя поразительное разнообразие того, что можно было охарактеризовать лишь как «всякая всячина». Некоторые обитатели метались и бились в своих прозрачных клетках, другие же просто сидели, погруженные в отчаяние, до боли напоминавшее состояние самого Рэймонда.

Похищен инопланетянами! Хуже и быть не могло. Оказаться в заложниках у каких-нибудь ближневосточных маньяков —

удовольствие сомнительное, но на Земле хотя бы теплилась надежда на освобождение.

У Саймона была теория: когда террористы берут тебя в заложники, они всегда заключают сделку с каким-нибудь лондонским издательством, чтобы получить долю от продаж бестселлера, который ты просто обязан будешь написать после освобождения. Саймон клялся, что даже видел «утекшую» служебную записку на этот счет. А еще он утверждал, что большинство похищений рассчитаны ровно на месяц, и всё затягивается только из-за того, что литературные агенты возятся с оформлением договоров.

Рэймонд был куда менее циничен, чем его приятель. Хотя его всегда занимал вопрос: почему похищают именно тех журналистов, которые умеют хорошо писать?

Но это была Венера. О господи.

Рэймонд шмыгнул носом. Если не считать пузырей, площадь была совершенно пуста. Где же все покупатели? И как они выглядят? Он еще раз изучил бирку, висевшую на шнурке у него на шее. Текст был напечатан по-английски. Значит, венерианцы наверняка владеют английским. И он дышит, а значит, они, похоже, тоже дышат воздухом. Но кто они такие? Без сомнения, какая-то высшая раса. Скорее всего, его собираются продать в качестве домашнего питомца. В этом даже были свои плюсы. Особенно если его купят для дальнейшего разведения.

В животе у Рэймонда заурчало. Парень задрожал — ему было очень холодно. Могли бы хоть белье оставить. Выставили на всеобщее обозрение в чем мать родила. Стыд-то какой. Позор на весь космос. Наверняка все ради «племенных» целей, внушал себе Рэймонд. Вот почему без трусов. Хотя, учитывая холод и прочие обстоятельства...

И.

И...

О господи.

Рэймонд внезапно самым бесстыдным образом схватился за причинное место и ударил другим кулаком себя по лицу. Приспичило. Нужда подкрадывалась незаметно, и вот — настигла.

Катастрофа!

Может, под этим крошечным сиденьем спрятан горшок? Рэймонд принялся дергать его рукой, не занятой пахом. Сиденье не поддалось.

Что же делать? Что делать?

Найти дыру. Да, это казалось разумным. В конце концов, воздух должен же откуда-то поступать. Руки Рэймонда в панике зашарили по внутренней стороне пузыря.

— Держись, только держись, — твердил он себе. — Еще секундочку. О боже правый. Господи помилуй. Боже.

Один из пальцев, исследующих пространство, наконец наткнулся на выход.

Прямо под сиденьем обнаружилось маленькое круглое отверстие. Рэймонд тщательно прицелился.

— О боже. Да! Хвала небесам!

Он обмяк на сиденье. Жалкий нагой остолоп с теплой мокрой ступней и совершенно идиотской улыбкой на лице.

— Пожалуй, достаточно, лот номер двадцать три, — Голос зазвучал с пугающей внезапностью.

— А-а-а! — взвизгнул Рэймонд. — Туалетной бумаги, пожалуйста!

— Ну же, успокойтесь.

Рэймонд съежился, всмотрелся и мгновенно преисполнился благоговения. На него с улыбкой смотрело прекрасное существо.

Человек — и всё же не совсем. Нечто гораздо более совершенное. Своего рода идеализированная версия того, каким человек должен быть. Ростом выше двух метров, одетое в тогу до пят. Существо подняло руку, призывая к спокойствию.

И оно было полностью серебряным.

За исключением глаз. Золотые глаза смотрели с лица, выражавшего мудрость, спокойствие и сострадание.

Ангел? Ангел с канцелярским планшетом?

— Как вы себя чувствуете? — спросило видение.

Рэймонд попытался что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов?

Рэймонд покачал головой.

— Просто кивайте или качайте головой. О, вы уже начали? Великолепно. Особь земной формы жизни. Мужского пола. Верно?

Рэймонд выдавил невнятное: «Да».

— Блестяще. И, смею заметить, весьма недурной экземпляр.

— О, — только и смог выдавить Рэймонд.

— Имя? — спросило существо.

— Рэймонд, — ответил Рэймонд.

— Джордж, — сказало существо.

— Привет, Джордж, — Рэймонд глупо пошевелил пальцами в знак приветствия.

— Я не Джордж. Вы — Джордж, — пояснило существо.

— Я — Рэймонд, — возразил Рэймонд. — В смысле, меня зовут Рэймонд.

— Что ж, если кто спросит, говорите, что вы Джордж. Так будет гораздо проще для всех.

— Но я же Рэймонд!

Существо заглянуло в свой планшет. — Боюсь, здесь вы записаны как Джордж.

— Значит, это ошибка! — Рэймонд внезапно просиял. Ну конечно, всё это просто недоразумение, иначе и быть не могло.

— Ошибка? — ласково переспросило существо.

— Да! — Рэймонд часто закивал. — Понимаете, я был у себя на огороде, потом появилась эта летающая морская звезда по имени Абдулла, и я прошел тест на находчивость, который устроил султан Урана для Божественного Совета Космических Сверхсуществ.

— Сертификат получили?

— Нет, — ответил Рэймонд. — Сертификата у меня нет.

— Как обычно, — существо пролистало записи на планшете. — В этот раз кто-то явно напортачил.

— Так это все-таки ошибка? — Рэймонд жалобно заломил руки в умоляющем жесте.

— Вот что я вам скажу, — существо улыбнулось Рэймонду так тепло, что тот на мгновение почувствовал себя согретым с головы до самых кончиков голых пальцев ног. — Доверите мне во всем разобраться?

— Да, конечно! — голова Рэймонда заходила ходуном вверх-вниз.

— Ну вот и славно, а теперь просто отдохните. Поспите немного, и я всё улажу в мгновение ока. Договорились?

Золотые глаза пристально вгляделись в глаза Рэймонда. — Засыпайте, и всё будет хорошо.

— Засыпаю. Да. Спасибо. — Юноша в пузыре улыбнулся своему серебряному спасителю. Веки налились свинцом, голова поникла. Всё будет хорошо.

— Приятных снов.

И Рэймонд наверняка провалился бы в мягкий серебристый сон, если бы каким-то чудом не умудрился застрять большим пальцем ноги в крошечном вентиляционном отверстии под сиденьем.

— Ой! — вскрикнул Рэймонд, вскакивая, чтобы высвободиться.

— Ай! — снова вскрикнул он, когда голова врезалась в купол пузыря.

— А-а-а-а-й! — взвыл Рэймонд, когда резкая боль подсказала ему, что он только что с размаху приземлился на те две сферические части своего тела, на которые приземляться не стоит ни при каких обстоятельствах.

Согнувшись пополам от приступа боли и выпучив глаза, Рэймонд попытался воззвать к серебряному существу. Но существо уже удалялось прочь.

И оно не слушало. На самом деле существо смеялось. Во весь голос. И сквозь раскаты хохота Рэймонд расслышал лишь два слова. Одно было «сертификат», а другое — «остолоп».

— Ах ты, грязный, паршивый уб... — Рэймонд сжал кулаки, но тут же разжал их и замер, онемев от изумления. Произошло нечто совершенно невероятное.

Смеющееся, шагающее прочь серебряное существо словно подернулось рябью, и прямо на ходу, не сбиваясь с ритма, совершило ошеломляющую трансформацию. Больше не было гладкого, сияющего сверхчеловека — теперь прочь шагало нечто, сплошь покрытое космами, шипами и свисающими складками кожи. Но оно по-прежнему держало в руках планшет.

Рэймонд протер глаза, позабыв о боли. Он ведь правда это видел? Существо только что провернуло самый ловкий фокус с переодеванием по эту сторону… чего? Очевидно, этого места. Рэймонд смотрел на происходящее с удвоенным благоговением.

В новом облике существо остановилось рядом с другим пузырем. Внутри что-то металось. Нечто, сплошь покрытое космами, шипами и дергающимися складками кожи. Существо что-то сказало, и обитатель пузыря затих, оседая на дно. Затем существо зашагало дальше.

Рэймонд наблюдал, как оно снова изменилось, чтобы в точности скопировать существо в следующем пузыре. Он видел, как оно менялось еще дважды, прежде чем скрылось из виду.

— Разрази меня гром! — выругался Рэймонд. Вот это трюк, ничего не скажешь — ловко сработано. Явиться пленнику в идеализированном обличье, подлить патоки, чтобы усыпить бдительность, а дальше что? А дальше — гипнотический сон.

Рэймонд осторожно потер ушибленные места. Если бы не застрявший палец, он бы сейчас дрейфовал в забытии вместе с остальными.

«Интересно, как этот тип выглядит без спецэффектов, — подумал Рэймонд. — И что мне теперь делать? Пожалуй, лучше всего прикинуться спящим и посмотреть, что будет дальше».

Так он и поступил.

В животе у него заурчало — как-то очень тоскливо и утробно. Рэймонд замерз, проголодался, да к тому же всё тело ныло от боли. Товарищи по несчастью продолжали спать вокруг него. Наверное, они тоже замерзли и хотели есть. Скорее всего. Будь Рэймонд способен взглянуть на ситуацию отстраненно, он бы наверняка восхитился изобретательностью этого венерианского оборотня. Никаких трат на корм для «товара» до момента продажи. Никаких воплей, отпугивающих покупателей. Чертовски умно.

Но Рэймонд был совсем не в том настроении, чтобы проявлять хоть какую-то отстраненность, поэтому он просто сидел, хмурился и дрожал.

Вскоре вдалеке завыла сирена, и в поле зрения медленно потянулась вереница машин. Огромные и пузатые, совсем не похожие на те, на которых Дэн Дэйр рассекал на страницах комиксов. Выглядели они тяжеловесно и сугубо утилитарно. Эти машины всем своим видом говорили: «Мы рождены для дела, а не для красоты. Нас водят люди, которые ценят низкий расход топлива выше эстетических капризов».

Скучные машины для скучных людей.

Рэймонд притворился спящим и подглядывал сквозь пальцы за приближающимися машинами.

Автомобили припарковались ровными рядами, словно на плацу.

А затем из них вышли пассажиры.

— О господи, — пробормотал Рэймонд про себя. — Так вот вы какие на самом деле.

Видок у них был препротивный. Передвигались они на двух ногах, снабженных ступнями, и рук у них было столько же, с кистями на концах. Но во всем остальном... Тела их по форме напоминали яйца. Животы бесшовно переходили в головы — ни подбородков, ни шей. Широкие плоские лица были тускло-серого цвета.

Они напомнили Рэймонду те наборы «Мистер Картофельная Голова», что он частенько находил в рождественском чулке в детстве. Поиграть с ними удавалось от силы пару раз, прежде чем мама, устав от разбросанных повсюду деталей картофелин, тихонько отправляла их в мусорное ведро.

Только те картофельные головы хотя бы были забавными. Эти же выглядели форменными исчадиями ада. К тому же

большинство из них, судя по всему, предпочитали носить венерианский аналог шуршащих спортивных костюмов 80-х.

Рэймонд возненавидел их с первого взгляда. И сила этой ненависти — для которой он не мог найти никакой иной причины, кроме их отвратительного облика, — поразила его самого.

Ведь Рэймонд не был расистом.

В детстве его очень занимал вопрос расовой нетерпимости, и однажды он даже спросил об этом отца, который ненадолго заглянул домой в перерыве между визитами к букмекеру.

Старик отложил в сторону газету «Спортинг Лайф» и на мгновение задумался.

— Сынок, — изрек он, — в каждой расе есть как хорошие люди, так и плохие.

Юный Рэймонд, довольный чистотой этой незатейливой мысли, побежал играть дальше.

— Но вот что я хотел бы знать, — добавил отец, снова уткнувшись в газету, — какого черта все плохие обязательно селятся именно на моей улице?

Мальчик этой реплики не услышал, а потому с того дня и до сего момента свято верил, что его папаша — этот узколобый старый хрен — был великим гуманистом.

Только сейчас это не помогало.

Рэймонд продолжал украдкой подглядывать сквозь пальцы.

— Ненавижу этих ублюдков, — пробормотал он себе под нос.

Картофельноголовые шаркали между «пузырями», сверяясь с аукционными списками, тыча пальцами и что-то оживленно обсуждая друг с другом.

Рэймонд прислушался. Английский. Все они говорили по-английски. К его персональной тюрьме приблизилась группа.

Судя по виду, типичное семейство: мать, отец и пара детишек — мальчик и девочка. Все как один в спортивных костюмах. Вылитые Шалтаи-Болтаи.

— Это еще что? — спросила младшая из отвратительных отпрысков, дочка.

Папаша Шалтай, прищурив глазки-пуговки, сверился с аукционным списком.

— Лот двадцать три. Образец земной фауны. Самец.

— Фу-у, — скривилась дочка. — Ну и страшилищще, да?

Страшилище? Рэймонд прикусил губу, стараясь сохранять невозмутимый вид.

— А можно его разбудить? — второй «картофельный» отпрыск принялся колотить по стенке пузыря.

— Я бы предпочел, чтобы вы этого не делали, если не возражаете. — Рэймонд узнал голос, хотя пока не видел его обладателя. Мистер Хамелеон, серебристый пройдоха с планшетом. — Отличный экземпляр, не находите, сэр?

Картофельноголовые закивали всем своим яйцеобразным естеством.

— Весьма недурно, — согласился папаша Шалтай.

— А у него есть имя? — поинтересовалась дражайшая дочурка.

— Разумеется. Его зовут Джордж.

Рэймонд стиснул зубы.

— Всех земных самцов зовут Джорджами, — продолжил мистер Хамелеон.

— Это что, традиция, какой-то древний устав или что-то в этом роде? — спросил папаша.

— Нет. Просто потому что они тупые.

Рэймонд сжал челюсти еще сильнее.

— Если всех земных самцов зовут Джорджами, — подала голос миссис Шалтай, — то как же зовут самок?

— Милдред, — последовал ответ.

— Мамочка, я хочу Джорджа! — заканючила дочурка.

— Нет, милая. Мы сегодня пришли за клингоном.

— Но я хочу Джорджа! Не хочу клингона. Хочу Джорджа! — Рэймонд наблюдал, как рожица мелкой гадины исказилась, а мелкие ножки перешли в неистовый топот.

— Как думаете, во сколько обойдется этот Джордж? — спросил папаша Шалтай.

— Сейчас взгляну. — В поле зрения Рэймонда наконец-то появился мистер Хамелеон. И надо же, он тоже оказался картофелеголовым. К тому же весьма низкорослым.

Он полистал бумаги на планшете коротким толстым пальцем.

— Стартовая цена — пять фунтов, сэр, — объявил он.

Пять фунтов? Рэймонд с огромным трудом подавил приступ ярости. Пять фунтов? Конечно, венерианская «пятерка»,вероятно, совсем не то же самое, что земная. Наверняка она стоит гораздо, гораздо больше. Непременно. Должна стоить.

— Пять фунтов? — Папаша Шалтай замялся. Его дочь уже начала багроветь, повторяя фразу «Я хочу Джорджа» всё выше и выше, пока та не превратилась в визг.

— Конечно, милая, конечно. Пожалуйста, успокойся.

— Значит мне купят Джорджа?

— Ну...

— Посмотрите, какое крепкое телосложение, сэр, — встрял мистер Хамелеон. — Экземпляр в отличной физической форме. Он будет весьма полезен.

Полезен? Рэймонд задумался над этим «полезен». Полезен в смысле работы? Значит, рабство? Или «полезен» в каком-то ином смысле? Например, в разведении? Работа на племенной ферме? Что ж, он был бы не против попробовать себя в этой роли.

— А эти «Джорджи» всегда такого неприятного синего цвета? — поинтересовалась миссис Шалтай.

— О нет, мадам. Только пока вы их не разогреете. Тогда они становятся нежно-розовыми.

— Как мило, розовые. Я люблю розовый. А как их лучше всего разогревать?

— На медленном огне, на углях, — ответил мистер Хамелеон. — Разумеется, лучше всего готовить их живыми. С заклеенным ртом и перцем чили в заднице для пикантности.

Рэймонд с такой силой стиснул челюсти, что сломал пломбу.

* * *

Весь аукцион он просидел тише воды, ниже травы. О венерианском укладе жизни он узнал немного. Все было как на обычном земном аукционе. Скажем, как на торгах скотом или там, где поросят продают на убой.

Мистер Хамелеон расписывал достоинства каждого лота: вкус, нежность мяса, особенности нарезки. У Рэймонда кровь стыла в жилах. Он узнал, что в венерианском фунте миллион пенни, но понятия не имел, сколько этот пенни стоит. Да его это, собственно, и не волновало.

Единственное, что его заботило — как сбежать с этой мрачной планеты целым и невредимым. И желательно до того, как в ход пойдет перец чили.

— Ну вот, забирайте, сэр. — Рэймонд снова осторожно глянул сквозь пальцы. Аукцион закончился. Проклятое семейство Шалтаев прибрало его к рукам, причем со скидкой? за 4,999999 фунта.

— Носильщик докатит сферу с содержимым до вашей машины, — мистер Хамелеон расплылся в улыбке. — Обращайтесь с ней бережно. Как вам известно, изнутри сферы практически неразрушимы, но от резкого удара снаружи разлетаются вдребезги. Наденьте перчатки, мы бы не хотели, чтобы вы порезались.

— Папочка, а можно я отрежу Джорджу яйца? — спросила прелестная дочурка.

— Конечно, милая, — ответил любящий папаша. — Только брось их на гриль, пусть зажарятся вместе с Джорджем. Сырыми они на вкус так себе.

«Как же я ненавижу этих ублюдков, — пробормотал Рэймонд. — По крайней мере, теперь я точно знаю, за что именно.»

Глава 4

Саймон проснулся рано и снова полез в душ. Хотя накануне вечером он мылся дважды, его не покидало ощущение, что тошнотворное амбре летающей морской звезды прилипло к нему, словно заплесневелое трико.

Впрочем, как ни странно, этот запах его даже успокаивал. Без него Саймон наверняка легко убедил бы себя, что вся история с Рэймондом — не более чем плод его чересчур разыгравшегося воображения.

Саймон вспомнил статью, которую как-то читал в приемной стоматолога. То был фрагмент самодельной брошюрки, изданной организацией с загадочной аббревиатурой З.В.Е.Р.И., где рассказывалось о том, как человеческий мозг склонен отфильтровывать события, не вписывающиеся в рамки повседневности. Скажем, встреча с призраком. Ты видишь его, будучи абсолютно трезвым, и твердо уверен в увиденном. Но на следующий день память начинает тускнеть, и не успеешь

оглянуться, как уже сам себя убеждаешь, что на самом деле тебе всё причудилось.

В статье содержался мрачный намек на то, что на разум человека воздействуют некие тайные силы извне. Источником мог быть сам призрак, НЛО или любая иная чертовщина. Всё это было частью некой ментальной дымовой завесы, призванной не дать человечеству узнать страшную истину.

Саймону статья показалась крайне любопытной, но дочитать её он не успел: его вызвали в кабинет на установку коронок. А когда он пришел к стоматологу в следующий раз, брошюрки и след простыл.

Может, он ее просто вообразил?

Но в том, что Абдулла, эта летающая морская звезда, ему не привиделся, Саймон был уверен на все сто.

Драя зубы в сотый раз за утро, он гадал, чем сейчас занят Рэймонд.

— Наверняка пирует во дворце какого-нибудь венерианского монарха, — пробормотал Саймон сквозь зубную пену. — Вот везучий сукин сын.

Завершив утренний туалет и щедро сдобрив лосьоном даже самые интимные места, Саймон отправился навстречу новому дню.

Поскольку Саймон был Саймоном, вечер не стал для него полным провалом. Сбежав из «Веселых садовников», он случайно наткнулся на хозяйку гостиницы «Медвежья берлога», которая пыталась пробить заложенный нос вечерней пробежкой. Ее муж Кит (или, возможно, Тревор) уехал в Пендж на конференцию по закускам для пабов. Саймона пригласили зайти на стаканчик «Кампари» с содовой после закрытия. Это привело, как Саймон и надеялся, к нескольким часам неистовых сексуальных упражнений, кульминацией которых стал устный контракт:

Саймону поручили ухаживать за подвесными цветочными корзинами заведения в течение всего лета.

Стоит заметить: когда у хозяйки наконец прочистился нос, а муж вернулся с конференции, оба они были в равной степени озадачены стойким запахом рыбы, тянущимся из бара вверх по лестнице прямо в супружескую спальню.

Вся эта неделя у Саймона ушла на покос. Мистер Хилсэвиз за долгие годы упорного труда — и благодаря удачному, хоть и загадочному краху всех прочих садоводческих фирм в округе — нажил огромную клиентуру. А поскольку Саймон был его единственным работником, без дела он не сидел никогда.

Сегодня Саймону предстояло выкатить большую «Косу Аллена» и подравнять луг у птицефермы Долговязого Боба.

Саймон обожал эту старую косилку. Мощная, громоздкая, родом из пятидесятых, вся ярко-зеленая и блестящая. Массивные литые колеса, обутые в старомодные гоночные шины, а спереди — гигантское устройство, напоминающее машинку для стрижки волос.

Стоило ее подкачать и хитростью пробудить к жизни, как она начинала выдавать на редкость лихую прыть. Мало что, кроме разве что бетонных столбов, могло устоять перед мощью старины «Аллена».

Саймон сдал задом на своем «Транзите» к воротам луга и заглушил мотор. Распахнул ворота, откинул задний борт фургона, приладил пару досок и осторожно спустил косилку на землю.

День благоухал. Солнце припекало вовсю, птицы перемывали друг другу косточки, нарциссы гордо задрали головы. А все те кролики, что накануне вечером ускользнули от Дика и его собаки, резвились вокруг — так, как умеют только кролики.

Сущая благодать.

Саймон как раз возился с карбюратором, готовясь дернуть за шнур стартера, когда до его ушей донесся отдаленный барабанный бой.

— Опаньки, — пробормотал Саймон, как и полагается в таких случаях. — Это еще что такое?

В амбаре Долговязого Боба репетировали «Римские свечи». Но это не было похоже на барабаны в стиле Rage Against the Machine. Скорее в этом слышалось что-то военное. Тот самый ритм, под который крестьянское пушечное мясо марширует прямиком в пасть смерти. В такой день это звучало совершенно неуместно.

Саймон воровато огляделся по сторонам, вытер замасленные пальцы о тряпицу, припасенную для этой цели, и снова пустился пробираться бочком. На сей раз он двигался пригнувшись, ныряя от одного дерева к другому. Крался, полз и перемещался самым подозрительным образом (что, собственно, и означает «пробираться бочком» в истинном смысле этого слова).

Он взобрался на откос у нижней границы фермы Долговязого Боба и выглянул из высокой травы, которую его прислали скосить. То, что он увидел, заставило его замереть от изумления.

Долговязый Боб стоял посреди своего двора. А двор у него был что надо — самый что ни на есть традиционный! В нем имелось все, что положено иметь приличному традиционному фермерскому двору: трактор без колес, два разбитых корыта неопределенного возраста, куча листов кровельного железа, насквозь проеденных ржавчиной, и еще целые горы полиэтиленовых мешков из-под удобрений.

И куры.

Долговязый Боб стоял в окружении своих подопечных, как и подобает заправскому птицеводу. Так что удивило Саймона вовсе не это. Удивил его облик Долговязого Боба.

Тот был облачен в один из тех списанных армейских комбинезонов на молнии, к которому он приладил пару самодельных погон, сооруженных из золотистой фольги от молочных бутылок и рождественской мишуры. На вытянутом черепе красовалась старая каска, к которой были приклеены куриные крылышки.

Долговязый Боб усердно выбивал дробь на маленьком жестяном барабане.

Саймон наблюдал за ним. Если уж странный вид фермера вызывал изумление, то что и говорить о поведении его кур?

И в самом деле, что?

Уж в курах-то Саймон разбирался. Трудно жить в деревне и не разбираться в них. Повадки кур — вещь деревенскому жителю прекрасно известная.

Куриные интересы не простираются дальше клевания зерна, высиживания яиц, гибели от ночных визитов лисиц и, в редких случаях, беготни по двору с отрубленной головой.

Но здесь явно творилось что-то другое.

Куры Долговязого Боба и не думали предаваться обычным куриным заботам. Они стояли смирно и тихо, во все глаза уставившись на хозяина. Фермер выдал очередную дробь.

— Смир-р... но! — рявкнул он.

Куры не шелохнулись.

— Смир-р-но! Ну же, вы же можете.

Если куры и могли, то явно не желали.

— Да ну же. Смирно.

Куры продолжали сверлить его взглядом. А потом, поодиночке и парами, перестали. Головы их задергались, когти

заскребли по земле, клювы принялись клевать зерно. Вскоре вся стая привычно засуетилась, копаясь в пыли и поклевывая корм.

— Да чтоб вас! — Боб сорвал с себя барабан и швырнул его на землю.

Он выкрикнул еще пару ласковых, но их проглотил общий куриный гвалт. Саймон проводил его взглядом: фермер топал к дому, направо и налево пиная птиц.

Ну и дела.

Саймон покинул своей наблюдательный пункт и вернулся к «Аллену», качая головой и цокая своими дорогущими зубами. У Долговязого Боба в гнезде явно пары яиц не хватало. Но эти куры… Казалось, они и вправду слушали. Что это вообще было?

Саймон еще раз покачал головой. Рано или поздно он во всем разберется, в этом он не сомневался. А когда разберется, то сумеет извлечь выгоду. В этом он был уверен не меньше.

— Бум-шанка, — пробормотал парень. — Бум-шанка-бум.

К обеду он закончил с лугом. Затащил тяжелую косилку в кузов грузовика, забросил следом доски-сходни, запер задний борт, вынул из кармана белоснежный льняной платок и отер с лица пот честного труда.

Небо сияло синевой. Солнце стояло высоко. Паб манил к себе.

Но не «Веселые садовники».

И не «Медвежья берлога».

Саймон въехал в деревню и оставил свой «Транзит» на парковке для покупателей за супермаркетом. Сегодня он решил рискнуть и заглянуть в «Брэмфилд Армз» на «Обед работяги» и пинту «Мутного».

Он был уже на середине «зебры» у аптеки, когда от обочины внезапно рванул блестящий серый фургон и едва его не снес. Саймон отпрыгнул, спасая жизнь.

Он ловко кувыркнулся в сточную канаву, откуда несколько местных дам (одну из которых по чистому совпадению звали Милдред) помогли ему подняться, подняв вокруг невообразимую суету. Дамы праведно сокрушались о необходимости объездной дороги и «лежачих полицейских», попутно ощупывая его со всех сторон на предмет сломанных костей.

Саймон поблагодарил их за заботу и заверил, что цел и невредим. Он аккуратно отцепил руку одной леди, которую недавно познал (в библейском смысле), отклонил предложение выпить чашечку доброго чая или чего-нибудь «покрепче» для нервов, и юркнул в «Брэмфилд Армз».

Конечно, переход с залитой солнцем улицы в темный зал бара это лишь маленький шаг для человека, но для неосторожного путника это гигантский прыжок в омут с головой.

«Брэмфилд Армз» не спешил оказывать гостю радушный прием. В камине не пылал уютный огонь, а румяная деревенская красавица не строила глазки из-за стойки, наливая домашний сидр и отрезая кусок вишневого пирога. О нет. Боже упаси.

Здесь, в подводном полумраке, расцвеченном лишь всполохами «глубинных бомб» от игровых автоматов, Блэк Джек Вулер — пузатый мерзавец и владыка этого подводного царства — развалился за стойкой, словно огромная раздутая щука.

Воздух в помещении казался густым, почти жидким. Стоило войти в бар, как ты словно шел ко дну. Жуть, да и только!

В бильярдной, в самом тылу паба, из музыкального автомата орали Faith No More, а юные адепты спортивных костюмов дубасили друг друга киями. Но звуки их веселья едва достигали зала. Они тонули со всей командой, исчезая в темных ледяных глубинах. Бр-р!

Саймону показалось, что в баре не хватает посетителей. Впрочем, именно так Блэк Джек и любил проводить обеденное время. Саймон поморгал и, щурясь, уставился сквозь муть на хозяина. Блэк Джек окинул его рыбьим глазом и пошевелил безрадостной пастью.

— Сними-ка свою шляпу. В моем заведении шастать в головных уборах не положено, — изрек он.

Помощник садовника ослепительно улыбнулся, осветив пятачок у стойки жемчужной белизной зубов, и почесал непокрытую голову.

— Доброго вам утра, владыка бара! Приветствую достойного мужа!

Блэк Джек скрежетнул почерневшими пеньками зубов и харкнул в дальний угол — вылетевший комок слизи был размером с лягушку. Плевок приземлился где-то в темноте с глухим хлюпающим звуком.

Саймон взял на заметку, что садиться в той стороне не стоит.

Он подошел к стойке пружинистой походкой, хотя внутренне весь сжался.

— Пинту «Мутного» и «Обед работяги», если вас не затруднит.

Блэк Джек нахмурился, подставил кружку под кран и наполнил его элем.

— Плати сейчас, а жрачку принесу, как только соизволю.

— Весьма любезно с вашей стороны, благодарю. — Саймон расплатился, подхватил пинту и зашагал по прожженному окурками линолеуму к месту у окна.

— И поосторожнее с моей роскошной обстановкой! — взревел трактирный лорд.

— Буду беречь её как свою собственную.

— Черта с два! Это бар, а не притон какой-нибудь!

— И то верно. — Саймон примостился на диване, какой обычно ожидаешь увидеть на свалке стройматериалов, и попытался разглядеть жизнь за немытым стеклом. Десятилетний слой грязи ставил крест на этой затее, так что ему пришлось послюнявить палец и потереть стекло. Не без труда он проковырял маленькое смотровое отверстие.

Солнечный свет хлынул внутрь, и парень выглянул наружу.

Мир под названием Брэмфилд жил своим чередом. Обычная обеденная суета. Саймон потягивал эль и оценивал прохожих дам, многие из которых были весьма недурны собой. Саймон всегда одним из первых готов был восхититься округлостями чужой жены. И даже в такой крохотной деревушке разнообразия хватало. Казалось, каждый здесь «крутил» с кем угодно, кроме того, с кем следовало бы по закону. Хитросплетения любовных уз, адюльтеры, интрижки, юные любовники, бесконечные походы «налево» и «направо» казались Саймону возмутительно… обыкновенными. В конце концов, он здесь вырос. Такой ведь и была жизнь, верно? Ну конечно. Везде одно и то же, по-другому не бывает.

Блэк Джек внезапно вынырнул из темноты и швырнул на стол Саймону пирог со свининой.

— Держи, подонок, — буркнул он.

— Это не «Обед работяги», — заметил Саймон.

— Для того, кто зашел сюда пожрать, сойдет и это! — Блэк Джек скорчил донельзя угрожающую рожу.

— Ням-ням-ням, — отозвался Саймон.

— И убери свои грязные лапы от моего окна. Ты мне озоновый слой впускаешь.

— Виноват. — Саймон ткнул пальцем в пирог. Тот был подозрительно твердым и словно предупреждал: «Только рискни».

Глыбоподобный бармен тряхнул мощными брылями и отчалил обратно, чтобы вновь осесть за стойкой.

Саймон сделал еще глоток. Что вообще дернуло его прийти сюда обедать? Тяга к саморазрушению?

Саймон вздохнул и снова приник к смотровому отверстию. Обзор был перекрыт. Снаружи, наполовину заехав на тротуар, припарковался блестящий серый фургон.

Саймон всмотрелся в него. Что-то знакомое. Очень знакомое. Да это же тот самый фургон, который чуть не раскатал его на «зебре»!

Из него выходили субъекты. Унылые типы с поджатыми губами, в скучных узкоплечих костюмах. Костюмы точь-в-точь одинаковые. Одинаковые очки в серой оправе, линзы тоже серые. Как и рубашки, галстуки, ботинки и носки этих типов. Трое в сером. Серые во всем. Трижды серые.

И, судя по их виду, они направлялись прямиком в паб.

Саймон отставил свою пинту, а Блэк Джек, нахмурившись, оторвался от ковыряния в носу, когда в дверях, подсвеченные ярким солнечным светом, возникли трое серых мужчин.

Саймон поудобнее устроился на своем трухлявом диване. Ему не требовались специальные химикаты в мозгу, чтобы внять голосу осторожности. И хотя эти типы выглядели тщедушными и задохликами, их все равно было трое, а он один. Упоминать о том, как они едва не лишили его жизни, Саймон не собирался. Зато он с удовольствием предвкушал расправу, которую Блэк Джек наверняка решит на них обрушить. Ибо Блэк Джек ненавидел чужаков. А чужаков в костюмах — особенно. Однажды он вышвырнул торгового представителя компании по продаже

чипсов на другую сторону улицы только потому, что костюм того не гармонировал с мишенью для дартса. Притом что в «Брэмфилд Армз» никакой мишени сроду не было.

— Задай им жару, жирный ты мерзавец, — прошептал Саймон своему элю.

Трое серых мужчин подошли к стойке. Руки в карманах.

— Эй, хозяин! — бросил один из них. Саймон вздрогнул.

— Добрый день, джентльмены, — отозвался Блэк Джек, осклабив свои пеньки и вытирая огромные жирные ручищи о фартук. — Чем могу служить?

— Чего? — буркнул Саймон. — Послышалось, что ли?

— Три пинты твоего лучшего, — сказал один из серых.

— Разумеется, сэр. Если вы с вашими спутниками соблаговолите присесть, я сейчас же подам напитки прямо к столу.

Саймон почесал голову, которая никогда не знала шляп. Блэк Джек явно затевал что-то особенное. Может, решил окатить их пивом прямо за столиком?

Трое в сером уселись за соседний столик. Солнцезащитные очки они так и не сняли. Саймон недоумевал, как они вообще ориентируются в пространстве. Блэк Джек нацедил три пинты.

А потом принес их.

На подносе!

— Будет что-нибудь еще, джентльмены? — осведомился он с елейным подобострастием.

— Еды, — бросил первый серый.

— И чтобы вкусная, — добавил второй.

— И поживее, не то пожалеешь, — отрезал третий.

У Саймона отвисла челюсть. «Поживее, не то пожалеешь»? Ого, ну теперь-то им точно несдобровать. Ой-ой-ой. Он осторожно переставил пинту со стола в безопасное место под диван. Не хватало еще, чтобы ее опрокинули ему на колени, когда кого-то из этих серых запустят в его сторону.

— Я постараюсь закончить как можно скорее. Отдыхайте, — хозяин заведения вежливо поклонился и поспешил (поспешил?) прочь.

Саймон припрятал в карман свой пирог со свининой. Пожалуй, самое время и ему поспешить отсюда. Было более чем вероятно, что Блэк Джек вернется в компании либо дробовика, либо своего питбультерьера. Куда приятнее прочитать о кровавой бане в местной газете, чем наблюдать за ней воочию.

Куда приятнее.

— Эй, ты! — один из серых резко обернулся к Саймону.

— Я? — Саймон ткнул пальцем себе в грудь, как это обычно делают в таких случаях.

— Да, ты, топоголовый в новой шляпе. Ты здесь местный?

— Я? — Саймон покачал головой — головой, которая была какой угодно, но только не дубовой, и по-прежнему решительно отказывалась носить всякие шляпы. — Э-э, нет. Я просто турист. А что?

— Тогда неважно. Спи дальше, — серый отвернулся к своим приятелям, и они дружно заржали.

«А впрочем, — подумал Саймон, чьи мысли совершили резкий кувырок, — пожалуй, я останусь и посмотрю на это побоище. И, возможно, даже разок-другой пну кого-нибудь, когда они будут валяться на полу».

Он нащупал свою пинту, но в ней уже успела завестись паутина. Поэтому он просто откинулся на спинку дивана и стал слушать разговор серых.

— Терпеть не могу работать в этой глухомани, — проворчал первый серый, прикладываясь к элю. — Вечно какая-нибудь мелочь да останется.

— Сколько еще точек зачистить на этой неделе? — спросил второй.

— Только эту, да еще одну в пяти милях отсюда, в Биллингтоне.

Третий серый потер руки.

— Значит, на следующей неделе я в отпуск. Пора бы уже.

— Не видать тебе отпуска с таким количеством внеплановых заказов, — осадил его первый.

— А вот и видать. Паспорт прочекали, документы в порядке. Через месяц отправляюсь наверх.

— Наверх, говоришь? — Первый расхохотался. — Единственный способ для тебя попасть наверх — это в маринаде.

— Или в консервной банке, — поддакнул второй, присоединяясь к шутке, смысл которой совершенно ускользал от Саймона.

— Или в пузырьках! — закончил первый под общий хохот.

— А я говорю — отправлюсь. У меня всё забронировано. Может, даже пристроюсь там на какую-нибудь должность. Охота снова увидеть звезды.

Саймон пригладил волосы. О чем, черт возьми, болтают эти придурки? Маринад, консервы, пузырьки? Явно какие-то коммивояжеры. Снова увидеть звезды? Отпуск в Голливуде?

Неужели это яппи? Саймон всегда гадал, как они выглядят. А потом восьмидесятые кончились, и яппи исчезли. Ну конечно, так и есть. Они самые. Вот почему такие хамы. А он-то как раз собрался стать свидетелем окончательного вымирания этой породы.

Дверь за стойкой с грохотом распахнулась.

— Жратва готова! — гаркнул Блэк Джек, пробираясь сквозь полумрак.

Жратва готова? Саймон вжался в диван. Это что, эвфемизм для «сейчас выпущу вам кишки»?

— Наше лучшее местное угощение, — объявил хозяин бара, нацепив поварской колпак. Он нес серебряный поднос. — Картофель отварной, брюссельская капуста, стручковая фасоль, бараньи отбивные с подливкой. Надеюсь, все придется вам по вкусу.

У Саймона отвисла челюсть. Он так и застыл с открытым ртом.

Жена Блэк Джека, которая в жизни не заходила в бар, несла чистую льняную скатерть. Его сын, Грязнуля, держал начищенные ножи, вилки и серебряный набор для специй. Дочь Джека, Толстуха-Бегемотиха Вуллер, прижимала к пышной груди ведерко со льдом. Из ведерка высунуло свой золотой нос шампанское.

В мгновение ока стол людей в сером был накрыт. По бару поплыли аппетитные ароматы. Саймон с лязгом захлопнул рот. Но тут же снова открыл его.

— Если понадобится что-то еще, не стесняйтесь, просите, — Блэк Джек низко поклонился, так что его колпак свалился. Он подхватил его и запихнул в карман фартука.

— Еще три пива, — бросил первый серый.

— И принеси пикантного соуса, — добавил второй.

— И поживее, не то пожалеешь, — подытожил третий.

Блэк Джек поспешно уковылял прочь, а следом за ним — всё его семейство.

Саймон снова тряхнул головой. Значит, не яппи? Полицейские? Мафия? Бандиты? Кто же тогда? Блэк Джек обхаживал их как королей. Неужели особы королевской крови?

Саймон принес свой затянутый паутиной стакан к стойке. Блэк Джек возился у крана. На глазах у Саймона он налил пинту поразительной чистоты.

— Эти типы — твои приятели, что ли? — спросил Саймон.

— Не приятели они мне. — Хозяин бара покачал массивной лысой головой, и в этот момент капля пота сорвалась с кончика его носа и упала прямо в пинту, которую он наливал. Саймон усмехнулся: ну, хоть что-то осталось прежним.

Хозяин бара в ужасе уставился на пиво. Затем он вылил его прямо в раковину и взял другой стакан рукой, которая заметно дрожала. Саймон изумился. Насколько он знал, Блэк Джек не боялся ни души на свете, кроме мистера Хилсэвиза, про которого многие говорили, что он в сговоре с дьяволом.

— Да что здесь творится? — спросил Саймон. — Кто эти мерзкие придурки?

— Потише. А лучше проваливай. Просто убирайся.

— Где наше пиво? — раздался голос первого серого.

— Иду, сэр! Сию минуту, сэр!

Саймон облокотился на стойку и наблюдал, как Блэк Джек мучается с напитками. Всё это было как-то неправильно. Хозяин заведения был тем еще подонком, это знали все. «Душа настолько черная, что затмит мрак преисподней», — как любил говаривать Энди. Но то, как эти серые типы заставляли его лебезить и

пресмыкаться… Это было неправильно. В корне неправильно. Этому нужно положить конец. Прямо сейчас.

— Пошевеливайся, толстяк, — рявкнул первый серый.

Правая рука Саймона украдкой потянулась за стойку, туда, где, как он знал, Блэк Джек держал свою увесистую дубинку.

— У нас нет времени тут рассиживаться, — процедил второй. — Двигай своей жирной задницей.

Пальцы Саймона нащупали дубинку. «Ну же, врежь одному из них», — мысленно призывал он хозяина, — «я тут же впишусь за тебя. Обещаю».

Никогда не стоит давать обещаний, которые не сможешь сдержать. Но Саймон чувствовал, что это он сдержит. Он ощутил странное родство с Блэк Джеком. Почти так, будто они с Джеком объединились против общего врага. По сути, так оно и было, но совсем не так, как представлял Саймон.

— Живо, живо! — третий серый поднял руку и зловеще пошевелил пальцами. — Мы ведь не хотим докладывать Большому Абдулле, что ты нас задержал, верно?

— Нет, сэр, ни в коем случае, — хозяин бара поставил пиво. — Только не Большому Абдулле, нет.

— Большому Абдулле? — Саймон отпустил дубинку и вцепился в край стойки. — Большому Абдулле? — В мозгу Саймона что-то щелкнуло. О чем они только что толковали? О «хвостах» и зачистке территории. О дополнительных «заказах». О выходе «наверх». О том, чтобы кого-то замариновать, закатать в банки или заключить в пузыри. О том, чтобы снова увидеть звезды. Большой Абдулла!

В голове Саймона защелкало, застучало, и ударила волна особого химического соединения.

Саймон вышел из паба «Брэмфилд Армс» и, пошатываясь, зажмурился на солнце: грохот машин, мамаши с колясками... Дама с приятными голубыми глазами, работавшая на почте, улыбнулась ему. Саймон, спотыкаясь, побрел по главной улице. Трое в сером, которые подчищают грязь за Большим Абдуллой. Люди в сером. Как «Люди в черном»?

Он читал про «Людей в черном». Они заметали следы после приземлений НЛО в пятидесятых и шестидесятых. Значит, эти - модели девяностых. И Блэк Джек знал, кто они такие.

А кто еще знал?

Саймон опасливо озирался на ходу. Кто еще может быть в курсе? Избранные? Или вообще все?

Знакомые лица теперь казались странными. Чужими.

«Надо убираться отсюда». Саймон прибавил шагу в сторону своего «Транзита». Свалить из этой деревни и всё обдумать.

Нет, не то. Не сейчас. Саймон перестал бежать. Он пересмотрел достаточно старой кинофантастики, чтобы понимать: если он попытается скрыться, всё превратится в фильм о погоне, где он — дичь. Нужно быть хитрее. Серые не знают, что он всё слышал. Никто не знает. Только Рэймонд. А где Рэймонд? «Наверху», замаринован или закатан в банку?

— Так, — сказал Саймон. — Что делать? Проследить за ними. Вот что. Лучше быть преследователем, чем преследуемым. Они пришли зачищать концы, значит, направляются к огородам. Надо идти за ними и посмотреть, что они затевают.

А еще лучше — прийти первым. Затаиться. Так гораздо вернее.

Саймон трусцой вбежал на парковку для посетителей за супермаркетом.

И замер.

И разинул рот. Челюсть снова отвисла до предела.

«Транзит» выглядел совсем не так, как Саймон его оставил.

Задний борт был откинут. На асфальте валялась одинокая доска.

Газонокосилку украли.

Но и это было еще не всё…

Далеко не всё…

На колесе «Транзита» красовался блокиратор!

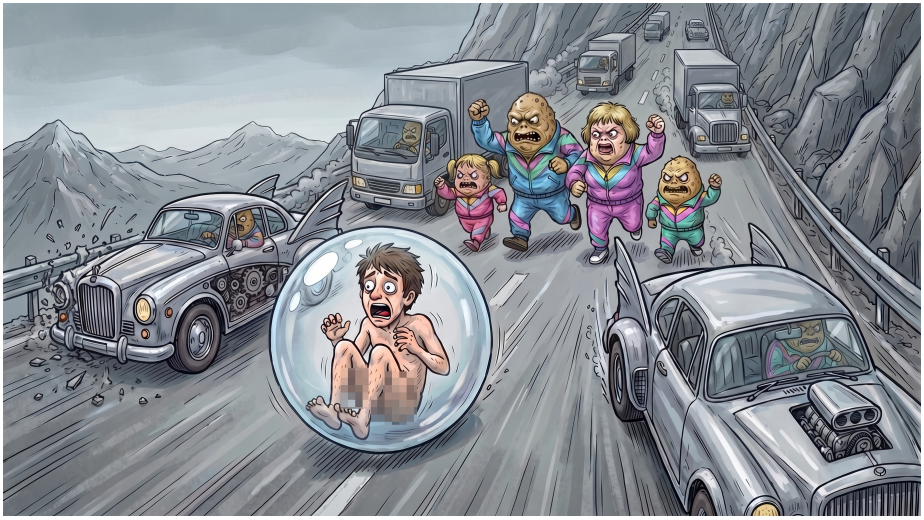
— О боже, — выдохнул Саймон. — О боже, боже, боже.

— Эй, ты! — окликнул его голос. Саймон обернулся. К нему рысцой бежал человек в сером. — Да, ты. Мне нужно с тобой поговорить.

— Мамочки! — Саймон глянул на пустой кузов, на заблокированное колесо, на мужчину в сером костюме и темных очках.

И Саймон припустил так, что пятки засверкали. В этот раз — по-настоящему.

Глава 5

На Венере дела у Рэймонда шли неважно. У Шалтаев был грузовичок с бортовой платформой. Не слишком отличавшийся от того, что сейчас стоял с заблокированным колесом на парковке для клиентов за супермаркетом в Брэмфилде. Разве что чуть пониже, пошире, да двери побольше. Но в целом — очень похоже.

Рэймонд лежал в кузове. Вверх тормашками и всё еще запертый в своем пузыре. Проплывающие мимо пейзажи его не радовали. Впрочем, и пейзажи, честно говоря, были так себе.

Вокруг тянулись сплошные пригороды. И всё до боли напоминало Землю. Жилые кварталы — разве что дома пониже, приземистее, да дверные проемы пошире. Висели даже спутниковые тарелки. И стояли садовые гномы.

— Ненавижу этих ублюдков, — проворчал Рэймонд.

Грузовик проехал вдоль высокой и солидной кирпичной стены, над которой гигантский рекламный щит переливался эффектной голограммой, возвещая о приезде цирка.

Рэймонда это не впечатлило.

Из кабины донесся голос драгоценного чада:

— Папочка, а можно нам в цирк?

— Нет, дорогая, не думаю, — ответил папаша Шалтай. Он повернул налево, и грузовик начал карабкаться по длинному крутому склону.

— Но почему, папочка?

— Потому что, — объяснила миссис Шалтай, — цирк — это для простолюдинов. А не для таких благовоспитанных юных леди, как ты.

— Но я хочу в цирк! Мне нужно в цирк!

Рэймонд не видел паршивку, но легко мог представить её лицо.

— Я тоже хочу! — поддакнул Шалтай-младший.

— Помолчите и дайте отцу сосредоточиться на дороге. Это очень опасный подъем.

— Но я должна попасть в цирк! — завизжала дочурка. — Должна! Должна! Должна!

— Тс-с, — приструнила её миссис Ш. — Если будете вести себя тихо до самого дома, я устрою вам сюрприз.

— Какой? — хором спросили мелкие тираны.

— Ну... — миссис Ш. задумалась. — Можете поиграть с Джорджем.

— А можно нам вытащить Джорджа и поиграть с ним?

— Ладно. Только придется перебить ему лодыжки молотком. Мы же не хотим, чтобы он убежал, верно?

— А можно я? Можно я ударю молотком? — взмолилась папина дочка. — Ну пожалуйста, мамочка, пожалуйста!

— К черту всё это. — Рэймонд кое-как принял вертикальное положение. — Надо выбираться отсюда прямо сейчас.

Вопрос был в том — как.

Рэймонд вспомнил замечание мистера Хамелеона, адресованное клиентам: «Как вы знаете, изнутри сферы практически неразрушимы, но от легкого удара снаружи они разлетаются вдребезги».

«Если мне удастся как-то вывалить этот пузырь из кузова, — подумал Рэймонд, — при ударе о дорогу он наверняка лопнет, и тогда я буду свободен».

Правда, насчет того, распространяется ли словарное определение «свободы» на «беготню нагишом по враждебной планете», Рэймонд уверен не был. Но выбраться из мерзкого пузыря — это в любом случае шаг в верном направлении.

Итак, с чего начать?

Рэймонд задумчиво посмотрел вниз, под уклон. В ответ ему ярко сиял гигантский голографический щит цирка.

И тут его осенило.

Идея была не совсем его. Смутное воспоминание: Саймон рассказывал об этом всего пару дней назад, хотя сейчас казалось — в прошлой жизни.

Саймон читал книгу о цирках, и его впечатлил викторианский артист по фамилии Ля Рош. Этот Ля Рош придумал невероятный номер: он забирался в металлическую сферу диаметром всего в два фута и умудрялся закатывать её по спиральному пандусу высотой футов в двадцать четыре.

Что ж. Если какой-то викторианский француз смог провернуть такой трюк...

Рэймонд просунул палец в вентиляционное отверстие, оказавшееся прямо над головой, и крепко в него вцепился. А затем принялся переносить вес тела из стороны в сторону. Раскачаться поначалу было трудно, да и поймать ритм — задача не из легких. Но Рэймонд взялся за дело так, как привык браться за всё остальное.

Со всем рвением.

Рэймонд принялся изо всех сил швырять свое тело от стенки к стенке. Плечи уже ныли от ушибов, голый зад окончательно онемел, но злосчастный пузырь начал раскачиваться. Вперед-назад. Вперед-назад.

Рэймонд удвоил усилия. Пот катил градом, а так как палец намертво застрял в отверстии, дышать скоро стало нечем. Собравшись с духом и совершив тот самый «невероятный рывок», о которых пишут в романах про героические подвиги, Рэймонд со всей дури бросился вперед.

Пузырь вылетел из кузова и грохнулся на дорогу.

И одним махом…

Наш герой не освободился!

Пузырь не лопнул. Ударился о дорогу, но уцелел.

Он закрутился на асфальте и по инерции проехал еще несколько ярдов вверх по склону. Но так и не разбился.

В грузовике семейства Шалтаев воцарился хаос. Папаша увидел в зеркало заднего вида отбытие Рэймонда и ударил по тормозам. Грузовик резко вильнул к обочине, сбросив всё семейство с сидений. Сфера Рэймонда пролетела в считанных дюймах от бампера и замерла.

Рэймонд схватился за гудящую голову.

— Я не на свободе, — констатировал он. А затем: — Спасите!

Шалтаи уже выбирались из машины, горя желанием вернуть свою покупку. Они неуклюже засуетились вокруг сферы.

— Выпустите меня! — вопил Рэймонд. — Я не хочу умирать, отпустите меня!

— Ах ты, гадкий Джордж! — Внутрь заглянуло сердитое личико любимой дочурки. Теперь Рэймонд во всех подробностях разглядел, какие у нее острые, как иглы, зубки.

— Надо убрать Джорджа с дороги, пока в него кто-нибудь не врезался. Ну же, подтолкните. Ой…

«Ой!» — выдохнула мамаша Шалтай, и оба сорванца Шалтай вслед за ней.

Потому что пузырь Рэймонда больше не стоял на месте. Он подчинился закону всемирного тяготения, который на Венере работал точно так же, как и на Земле. Сфера Рэймонда начала медленно откатываться назад, вниз по склону.

— Стой! — заорал папаша. — Стой, кому говорю!

Он заскреб ногтями по блестящей поверхности, но так и не смог за нее зацепиться. Когда Рэймонд снова полетел кубарем, его сердце наполнилось ликованием: он видел, как семейство Шалтаев разлетается в стороны, словно кегли под ударом шара для боулинга.

— Ха-ха-ха! — заливался Рэймонд. — Попались, сволочи! Ой, нет…

Слова папаши Шалтая о том, что надо убраться с дороги, не были пустой болтовней. Движение было плотным. Машины ехали и вниз, и вверх.

Особенно те, что вверх. И теперь Рэймонд катился прямиком навстречу потоку.

— Побереги-и-и-ись!

Картофельные физиономии застыли над рулями. Грузовики шарахались в разные стороны, пропуская летящий на них пузырь.

— Верните мне Джорджа! — взвизгнул тонкий писклявый голос, но Рэймонд его уже не слышал.

* * *

Очень большой грузовик свернул налево у высокой кирпичной стены под голографической цирковой афишей и с грохотом пополз в гору. Это был действительно очень большой грузовик. И за рулем этого очень большого грузовика сидел не кто иной, как сам мистер Хамелеон.

Его аукционный дом всегда предоставлял услуги спецдоставки для всех фешенебельных венерианских рестораторов, закупавшихся оптом. И сегодня в кузове очень большого грузовика мистера Хамелеона было аккуратно сложено не меньше пятидесяти пузырей. Их обитатели нежились в гипнотическом сне, блаженно не ведая, какая участь им уготована.

Мистер Хамелеон насвистывал. День выдался на редкость удачным. И всё шло с той механической точностью, что отличала пять поколений его предков, превративших этот аукционный дом в самый модный на всей Венере.

Аукционист переключил передачу, очень большой грузовик прибавил ходу и попер вверх. Вдруг аукционист оборвал свою веселую мелодию, и на его широком лице отразилось крайнее недоумение. Машины впереди шарахались в стороны. А это еще что? Навстречу ему с холма что-то неслось. Что-то, набиравшее скорость в добрый десяток венерианских узлов.

И это «что-то» было…

— ДЖОРДЖ! — взвизгнул аукционист, выкручивая руль вправо и вбивая педаль тормоза в пол.

Рэймонд не заметил очень большой грузовик. Он несся слишком быстро. Он не увидел ужаса на лице мистера Хамелеона, а жаль — это зрелище доставило бы ему истинное удовольствие. Он также не заметил, как эффектно занесло грузовик и он перевернулся, высыпая груз. А значит, пропустил и то, как все пятьдесят пузырей разлетелись вдребезги. Вопли и рев разъяренных тварей, бесцеремонно разбуженных ударом, тоже прошли мимо него.

Рэймонд просто катился дальше.

Пока голова его кружилась, а мозги внутри нее кувыркались, Рэймонд припомнил еще кое-что из того, что Саймон недавно ему рассказывал. Речь шла об эксперименте, который когда-то провел один француз (нет, не месье Ля Рош). Этот француз сбросил пенни (а может, франк) с вершины Эйфелевой башни, и монетка ушла в тротуар (или в бульвар) на целых два дюйма (ну, или на четыре сантиметра).

Но каковы бы ни были детали, суть сводилась к тому, что чем дальше падает предмет, тем больше массы он набирает и тем громче получается «бум», когда он наконец врезается во что-то твердое.

И теперь в затуманенном сознании Рэймонда возник очень четкий образ высокой кирпичной стены у подножия холма. Той самой, с голографической вывеской. И Рэймонда теперь — в некотором роде мимоходом — терзали сомнения: а так ли уж правильно он поступил, решив выпихнуть пузырь из кузова грузовика картофелеголовых в тот самый момент, когда они тащились в такую крутую гору?

Он пришел к выводу, что, пожалуй, нет.

—

П-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-мо-о-о-о-о-о-о-о-о-гите-е-е-е! — завопил Рэймонд, демонстрируя на практике эффект Доплера любому, кто был в настроении его оценить.

Но желающих, по-видимому, не нашлось. У всех были дела поважней. Например, как не попасть под горячую руку воющей и визжащей лавине голодных аукционных лотов, которые уже вовсю сеяли хаос.

Зажатый в обломках кабины мистер Хамелеон в ужасе наблюдал, как свирепое существо — сплошь торчащие шипы и колышущиеся складки кожи — лезет сквозь разбитое лобовое стекло. Вид у него был очень сердитый. И очень голодный.

А Рэймонд катился дальше. — По-о-о-о-о-о-мо-о-о-о-гите, о-о-о, по-о-о-мо-о-о-гите! — взывал он, пока машины, грузовики и нелепые венерианские мотороллеры шарахались из стороны в сторону и врезались друг в друга. — ПОМОГИТЕ!

Громадная кирпичная стена неслась прямо на Рэймонда (в полном соответствии с теорией относительности Эйнштейна). Внутри бешено вращающегося пузыря бедный голый остолоп изо всех сил пытался осенить себя крестным знамением и замолвить за себя словечко перед Создателем, готовясь к грядущему сокрушительному финалу.

И финал последовал. Хотя и не совсем так, как он ожидал.

Хотя Рэймонд и заметил мельком большую кирпичную стену, он не обратил ни малейшего внимания (да и с чего бы?) на высоту бордюров. А любой, кто посвятил жизнь изучению бордюрного камня [1], скажет вам, что у подножия крутых холмов эти изделия неизбежно выше обычного, так как в них монтируют ливневые стоки. Именно к такому стоку и летел сейчас пузырь Рэймонда.

Раздался тошнотворный треск, когда он врезался в препятствие.

— О-о-о-о-о-о-о-о-о, — взвыл Рэймонд, продолжая движение, правда, теперь уже вперед и вверх. Окруженный вихрем осколков, он пронесся над бордюром в паре дюймов, а над краем кирпичной стены — в считанных сантиметрах. Но вот голографическую

цирковую вывеску миновать не удалось. В нее он впечатался со всей пролетарской ненавистью.

Для тех картофелеголовых, кто пропустил демонстрацию эффекта Доплера и не был занят выползанием из искореженных авто или спасением от «Мести тварей из пузырей», эффектный взрыв, устроенный летящим остолопом при прорыве сквозь паутину электроники, питавшую голографический щит, станет темой для светских бесед за барбекю на многие месяцы вперед.

Рэймонд влетел в щит белым сверкающим снарядом. Вылетел он с другой стороны, всё еще вращаясь, но уже в значительно более темных тонах. И оставляя за собой шлейф дыма.

В прыжках с парашютом нагишом можно найти массу экзотических удовольствий, но Рэймонду не удалось испытать ни одного из них.

Он падал с небес, оглашая окрестности непрерывным воплем.

А потом врезался в купол циркового шатра.

Пробил его насквозь и устремился ниже, прямо к арене.

И тут, к великому сожалению, нам придется оставить Рэймонда. Застывшего, словно по нажатию небесной кнопки «пауза», аккурат посередине между куполом и ареной. Согласимся, что обычно так дела не делаются. Но в данный конкретный момент необходимо вернуться на Землю, чтобы разузнать, как успехи у Саймона. Почему? Потому что Саймон вот-вот совершит открытие. И немалое. Открытие, которое предстоит сделать Саймону, будет поистине грандиозным. Оно касается того, что станется с Рэймондом после падения сквозь купол цирка, и того, как это событие повлечет за собой цепочку других, кульминацией которых станет великая услуга, оказанная Рэймондом всему человечеству.

А именно — спасение его от неминуемого уничтожения. Ну и всё такое прочее.

* * *

Саймон захлопнул входную дверь, задвинул все засовы и накинул цепочку. После чего рухнул прямо на задницу, шумно и судорожно ловя ртом воздух.

Он влип, и прекрасно это понимал. Причем это были неприятности не из разряда «обиженный муж жаждет мести». Совсем другой калибр. И что хуже всего — он был ни в чем не виноват.

Во всем был виноват Рэймонд.

По логике Саймона, не согласись Рэймонд пойти с Абдуллой, тот, скорее всего, улетел бы в какую-нибудь другую деревню и сцапал другого остолопа. И тогда серые люди никогда бы не явились в Брэмфилд и не охотились бы за ним теперь, чтобы «подчистить концы».

Безоговорочно — во всем виноват Рэймонд. Не он.

— Чертов Рэймонд, — пробурчал Саймон.

На четвереньках он прополз по коридору в гостиную и пробрался к окну. Там приподнял уголок тюля и осторожно выглянул на улицу.

Серого человека не было. Он оторвался от преследователя.

Саймон не стал тратить время на вздох облегчения. Спасаться здесь было негде. Блэк Джек знал, где он живет, и вряд ли стал бы скрывать эту информацию.

— Пожалуй, пора мне в отпуск, — решил Саймон. — В Новую Зеландию или на Огненную Землю.

Он отпрянул от окна и поспешил вверх по лестнице.

Разумеется, когда собираешься в отпуск, приходится принимать массу решений, и вопрос «что паковать?» — пожалуй, самый важный из всех.

В этом деле, как и в любом другом, есть свои тонкости. Какую одежду взять? С каким «фактором защиты» нужен крем от загара? Большой надувной матрас или поменьше? Взять прошлогодние вьетнамки или разориться на новую пару?

И, конечно, каковы нынче модные сексуальные практики в тех краях, куда вы собрались, и какие приспособления стоит простерилизовать? Нет никакого смысла тащиться с чемоданом, набитым стандартными грузиками для мошонки, расширителями и лабретами, только чтобы обнаружить, что в этом сезоне в фаворе тоннели, зажимы для сосков и штанги со стременами, а все ваше добро осталось дома в холодильнике. Подобная осечка может напрочь испортить паломнический уик-энд в Лурде. С каждым из нас такое бывало.

Так что тут целое искусство. Нужно быть дотошным и точным. Нет смысла действовать на полшишечки. Всегда стоит потратить лишние пару часов, чтобы сделать всё как надо.

— Паспорт, — перечислял Саймон. — Чековая книжка, кредитки, зубная щетка. Всё собрано.

Всё собрано?

— Всё собрано! Ну, если я, конечно, сумею найти этот чертов паспорт. Помню, я убрал его в надежное место, когда вернулся после того безумного уик-энда в Лурде. Ах да, верхний левый ящик комода, рядом с вибратором «Ринтинтин» и садомазо утварью.

На комоде лежал сверток от Рэймонда.

Саймон еще не успел его открыть, и теперь уставился на сверток с такой ненавистью, какой не заслуживала ни одна посылка, разве что в ней была бомба или расчлененное тело молодой женщины. Он схватил ее с комода и швырнул на ковер, где она с треском лопнула, извергнув содержимое.

Саймон принялся рыться в верхнем левом ящике.

Паспорт не обявился.

— Проклятье, — буркнул Саймон, принимаясь за правый ящик.

Снова пусто. Саймон обругал комод, выдрал оба ящика и запустил ими в ковер. Затем переключился на те, что ниже.

Паспорта не было.

— Черт, черт, черт!

Саймон принялся мерить спальню шагами, распахивая шкафы, вытряхивая их содержимое, пиная вещи и не переставая чертыхаться.

В какой-то момент он споткнулся о содержимое посылки Рэймонда и растянулся на полу.

— Ой! — вырвалось у него, а следом: — Это еще что такое?

Это была книга. Увесистый том в глянцевом твердом переплете. Саймон уставился на суперобложку. С нее на него смотрело лицо Рэймонда. Саймон вслух прочитал заголовок:

«Величайшее шоу за пределами Земли
Неофициальная биография РЭЙМОНДА
Спасителя Человечества»

— Спасителя человечества? — Саймон повертел книгу в руках. Имя автора не указано. Только издательство: «З.В.Е.Р.И.». Где-то он это уже видел. Ну конечно, та брошюра в приемной у зубного. Она тоже была выпущена издательством «З.В.Е.Р.И.».

— Спасителя человечества? — Саймон раскрыл книгу. Наверняка какая-то изощренная мистификация. Рэймонд решил его подколоть, и Энди, небось, тоже в доле. Поддельная обложка, натянутая на библиотечную книгу, или типа того.

Саймон изучил титульный лист. «Величайшее шоу за пределами Земли». Снова то же название. Весьма трудозатратный розыгрыш.

Саймон пробежал глазами первую главу. Там был полный отчет о том, через что они с Рэймондом прошли на садовом участке прошлой ночью.

— Как, черт возьми?.. — Саймон пролистнул несколько глав и прочел вслух:

«На колесе «Транзита» красовался блокиратор!
— О боже, — выдохнул Саймон. — О боже, боже, боже.
— Эй, ты! — окликнул его голос. Саймон обернулся. К нему рысцой бежал человек в сером».

— Овцы Шивы! — Саймон уставился на страницу, не веря своим глазам. — Это же случилось всего несколько минут назад. Но посылка у меня со вчерашнего вечера. Это невозможно. Если только... — Дикая мысль пришла ему в голову. Да не может быть... Или может?

Он пролистал назад, к началу книги, и уставился на дату выпуска. Ровно год от сегодняшнего числа. Эта книга была написана в будущем.

В будущем!

Саймон лихорадочно листал страницы. И да, вот же он. Прямо здесь и сейчас, ищет свой паспорт, чтобы сбежать на Огненную Землю.

Саймон пробежал глазами вверх и вниз по странице. Но там не было ни слова о том, что он нашел эту книгу. А это значило... Мысли Саймона резонно спутались. Что это значило? Что автор книги так и не узнал, что Саймон нашел ее и прочитал. Вот что. Нашел и прочитал до того, как она была написана. Прежде чем события в ней случились на самом деле. Тут крылось нечто глубокое.

Саймон взъерошил свою прекрасную шевелюру. А ведь это гениально! С этой книгой в руках он всегда будет на шаг впереди «серых». На шаг впереди кого угодно. Возможности безграничны. Финансовые возможности. Сексуальные возможности…

— Бум шанка! — воскликнул парень.

Тук-тук-тук — постучали в его входную дверь.

Саймон в ужасе вскинул голову. А затем посмотрел вниз, на открытую страницу:

«В дверь Саймона постучали. К счастью для Саймона, это был всего лишь почтальон».

— Ну, слава богу. — Саймон осторожно положил книгу на кровать и любовно похлопал по обложке. — Прошу меня извинить на секундочку, — обратился он к ней. — Мне нужно сбегать вниз и посмотреть, что там принес почтальон.

С необычайной легкостью в ногах и роем мыслей в голове Саймон отодвинул засовы, снял цепочку и распахнул дверь.

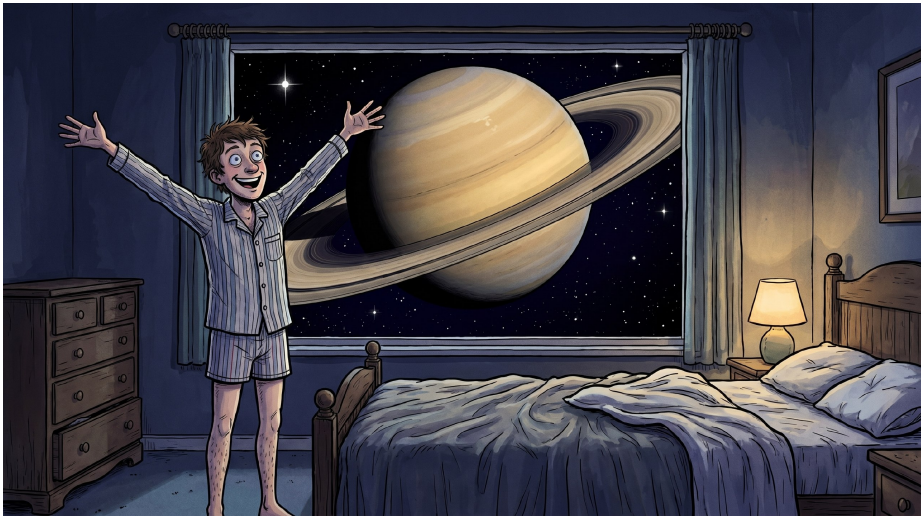
На пороге стоял человек в сером.

Не почтальон.

— Я искал тебя, Саймон, — сказал он.

[1] Доктор Геркулес Давстон из университета Харлеха считается ведущим мировым экспертом по бордюрному камню. Его двадцатитрехтомный труд «Бордюрный камень: деконструктивистский взгляд на социально-политические последствия убийства Джона Кеннеди и печальный закат музыки ду-воп», к сожалению, уже не издается.

Глава 6

Могучий палец отпустил небесную кнопку паузы, и Рэймонд продолжил свой полет к цирковой арене.

У него оставалось времени лишь на короткое «А-а-а!», прежде чем он врезался в опилки с жутким треском ломающихся костей.

А затем с криком проснулся.

Рэймонд подскочил на постели и протер глаза.

Где он? Где?!

В шоке и ужасе, обливаясь холодным потом, Рэймонд боязливо огляделся.

Затем моргнул, снова потер глаза и выдохнул:
— Ох.

И расплылся в улыбке.

Улыбке до ушей, из тех, что делят лицо пополам.

— Я дома, — выдохнул Рэймонд. — Я дома, в своей кровати.

Он ощупал себя: кости целы. Ожоги? Нет. Синяки? Ни единого. И на нем пижама.

— Приснилось. Всё это мне просто приснилось! — Рэймонд вытер лицо рукавом пижамы и победно вскинул кулак к потолку. — Это был сон! Сон! Обычный кошмар!

Рэймонд содрогнулся. — Что же я вчера такое пил? — Он осторожно потрогал лоб. Голова всё-таки побаливала. Должно быть, виновата та самая «Смерть от сидра». Надо с ней завязывать. Кошмары про картофелин-людоедов ему совершенно ни к чему.

А вообще... — Рэймонд задорно прищурился. — Если это записать, вышла бы недурная история. Полно экшена. Правда, концовка подкачала: герой проламывает крышу циркового шатра и просто просыпается в своей постели. Дешевый прием. Может, если прилечь еще на пару часов, удастся досмотреть финал?

— Нет уж, спасибо. — Рэймонд откинул одеяло и опустил босые ноги на ковер. Встал, потянулся, пукнул, вздохнул. Шлёпая босиком, он подошел к зеркалу на комоде. Вгляделся в отражение и улыбнулся. Отталкивающее зрелище. С утра пораньше он, как и любой мужчина, выглядел довольно мерзко.

«И почему так? — подумал Рэймонд. — Почему женщины всегда выглядят так чудесно? Такие взъерошенные, теплые, пахнущие чем-то уютно-щенячьим. Если не считать того, что и так бросается в глаза, я решительно не понимаю, в чем тут секрет».

Рэймонд взглянул на прикроватные часы. 7:30. Он даже на работу сегодня не опоздает. Пара таблеток аспирина, чашка чая — и снова готов зажигать.

Рэймонд прошаркал к окну и раздвинул шторы.

Снаружи небо, усыпанное звездами, на три четверти заслоняла планета Сатурн.

Рэймонд мощно зевнул, сбросил пижамные штаны, пнул их в угол и выдвинул ящик с нижним бельем.

Ну и что у нас сегодня на повестке? Красные лайкровые плавки «Адонис» с мягкой вставкой «для идеального профиля»? Или, может, черные обтягивающие из спандекса с быстросъемными застежками-липучками — «для мужчин, которые вечно спешат»? Что вообще находило на его мать, раз она продолжала покупать ему всё это? И почему, если уж покупала, не клала их сразу в ящик? Рэймонд вечно находил их то под её кроватью, то в корзине для белья. Обычно — вернувшись с ночной рыбалки. Да и с размером она вечно промахивалась. Некоторые были просто огромными.

Рэймонд покачал головой.
— Пожалуй, останусь верен клетчатым боксерам.
Он выудил пару и натянул их.

— Так, а чистая рубашка найдется? — Рэймонд поскреб колючий подбородок. — И если да, то какую выбрать: с длинным рукавом или с коротким? И, кстати, почему у меня за окном Сатурн?

— А-а-а-а-а-а! — заорал он секунду спустя.

— Прошу прощения за это, Рэймонд. — Раздался женский голос. И какой голос — от него по спине побежали мурашки.

— Кто это сказал? — Рэймонд оглянулся на кровать. Пусто. — Кто здесь? Кто?

— Я здесь. И искренне извиняюсь за Сатурн, вы проснулись раньше, чем я успела закончить.

— Где вы прячетесь?

— Здесь. Я здесь, — голос доносился из комода.

— Вы прячетесь в моем комоде?

— Я и есть ваш комод.

Рэймонд прикусил кулак и затрясся всем телом. Это наконец случилось. Он начал сходить с ума (боже правый).

— Я спятил, — пробормотал он. — Совсем кукухой поехал.

— Само собой, нет, — голос звучал ласково. И так сочувственно. Совсем не так, как ожидаешь от какого-то комода. — Профессор решил, что после всего пережитого вам будет уютнее проснуться в привычной обстановке. Поэтому я воссоздала эту комнату из воспоминаний, хранящихся в вашем подсознании. Видите ли, это мой профиль. Мой номер. Я как раз собиралась приняться за вид из окна, когда вы проснулись, и связь с вашей памятью оборвалась. Так что всё довольно просто. Кстати, вы и впрямь носите «Адонис»? Должно быть, они ужасно врезаются, когда вы наклоняетесь завязать шнурки.

— Возьми себя в руки, Рэймонд. — Парень принялся раскачиваться с пятки на носок. — Ну ладно, ты слышишь голоса. Если слышишь голоса, это еще не значит, что ты спятил. Этому должно быть вполне логичное объяснение. Господи помилуй.

Рэймонд рухнул на колени перед комодом и размашисто перекрестился.

— Вы — Пресвятая Дева Мария? — спросил он.

— Пресвятая кто? О, тысяча извинений, я не представилась. Я — Зефир. Не могли бы вы подпрыгнуть, пожалуйста?

— Чего сделать?

— Я больше не могу удерживать комнату. Всего один прыжок!

— Что?

— Простите. Больше не могу.

Внезапно Рэймонд обнаружил, что уже не стоит на коленях, а лежит плашмя на спине. Ковер выдернули из-под него. Пока он хлопал глазами, потолок ухнул следом, прихватив с собой стены, окно, кровать и всё иллюзорное хозяйство. Комната сложилась

внутрь себя, схлопнулась и исчезла в ящике для нижнего белья с неаппетитным хлюпаньем, будто вода в водостоке.

Рэймонд остался один-одинешенек, и только комод высился перед ним.

Совсем один. Но где?

Рэймонд огляделся. Он находился на палубе корабля. Судя по виду — весьма внушительного, хоть и порядком древнего. Выбеленные солью доски палубы были испещрены выбоинами и облеплены морскими уточками. Двери кают пошли ржавчиной. Брезент на спасательных шлюпках выцвел, а краска на рядах шезлонгов облупилась. Судно больше походило на музейный экспонат из сухого дока, чем на океанский лайнер. На спасательном круге неподалеку виднелось название: «Саламандра». В голове у Рэймонда где-то вдалеке отозвался эхом звон корабельного колокола.

На палубе было прохладно. Даже скорее холодно. Особенно если на тебе только рубашка от пижамы да трусы в клеточку. А над головой висел старина Сатурн, занимая добрые три четверти усыпанного звездами иссиня-черного неба.

— А-а-а! — заорал Рэймонд. — Мы в открытом космосе! Я сейчас умру! Задохнусь! У меня глаза лопнут! А-а-а!

— О боже. Прошу прощения. Полагаю, всё это стало для вас шоком.

— Шлюз... — пробормотал Рэймонд, плотно зажимая лицо ладонями.

— Вы не задохнетесь. Здесь полно воздуха.

— Мммф. Уммф?

— Конечно, полно. Поверьте мне.

— Мммф ум ммфумммф ммф мм ммф?

— Я не говорящий комод, я — Зефир. Уберите руки от лица.

— Мм!

— Ну же, смелее.

— Мм! Мм-мфф-м ммф-м!

— Вовсе нет. Я же вижу, как ваша грудь вздымается.

— Мм-мм!

— И вовсе нет!

— Ох, ладно! — Рэймонд отнял руки от лица. Он дышал. Воздух был. — Я дышу, — констатировал он. — Воздух действительно есть.

— Я же говорила.

— Да, но откуда в космосе взяться воздуху?

— Природа не терпит пустоты, — отозвался комод. — И если бы космос не был заполнен воздухом, как бы, по-вашему, солнечное тепло достигало планет? Скажите мне на милость.

— Ну, — замялся Рэймонд. — Полагаю... нет, стойте. Погодите-ка.

— В чем дело?

— Я всё понял. Всё это, — Рэймонд сделал широкий, охватывающий всё вокруг жест. — Вам меня не провести.

— Неужели?

— Именно. Всё это... я ведь просто сплю, так? Я всё еще вижу сон.

— С чего вы это взяли?

— Мелочи выдали, — Рэймонд показал щепотью, насколько эти мелочи ничтожны. — Например, то, что я в данный момент

беседую с комодом на палубе океанского лайнера, дрейфующего на орбите Сатурна.

— И дышите воздухом, — услужливо добавил комод. — Не забывайте про воздух.

— И дышу воздухом, да, спасибо. — Рэймонд самодовольно ухмыльнулся, как он всегда делал в моменты своей правоты. — Видите ли, произошло вот что: я проснулся, но не встал. Наверное, просто перевернулся на другой бок и снова заснул. Так что мне лучше проснуться по-настоящему, а то опоздаю на работу. — Рэймонд закрыл глаза.

— И что именно вы делаете? — поинтересовался комод.

— Просыпаюсь.

— Закрыв глаза?

— Я знаю, что делаю. Если я вижу сон с открытыми глазами, то, стоит мне их закрыть, я просто обязан проснуться.

— Какой же вы странный человек.

— Я — странный? Да во мне нет ничего странного.

— У меня в верхнем ящике полно поношенных мужских трусов, которые с вами бы не согласились.

— Поношенных? — Рэймонд едва не открыл глаза. — Всё, я с вами больше не разговариваю. Вы всего лишь сон.

— И часто вам снится подобное?

— Нет. В основном мне снятся поезда.

— Ну же, Рэймонд. Откройте глаза.

— Нет. — Рэймонд упрямо скрестил руки на груди.

— Оно того стоит. Поверьте мне. Обещаю.

— Нет. Оставьте меня в покое. Я просыпаюсь.

— Но когда вы проснетесь, вам в любом случае придется открыть глаза, разве нет?

Рэймонд задумался.
— Ладно. Сейчас я открою глаза и окажусь дома, в своей постели. Так... внимание... сейчас!

Рэймонд открыл глаза.

Он был не дома и не в постели. Он всё так же стоял на палубе парохода «Саламандра», который всё так же кружил по орбите Сатурна. Но кое-какие мелкие перемены всё же произошли.

Во-первых, на Рэймонде больше не было пижамы и трусов. Теперь он был облачен в по-настоящему пижонский костюм из светлого шелка от Джорджио Армани. Белая льняная рубашка, крепдешиновый галстук, шикарные шерстяные носки, броги от «Хоббс оф Пикадилли». Точно такой же прикид был на Клэптоне, когда тот выступал в «Брайтон-центре». Рэймонд всегда мечтал о подобном прикиде.

— Обалдеть, — выдохнул Рэймонд. — Ну, я имею в виду...

И, во-вторых.

Комод исчез. Но там, где он только что стоял, возникла...

— Привет, Рэймонд. Я Зефир. Зефир Чудотворная.

У Рэймонда отвисла челюсть, а космический воздух застрял в легких. На него, улыбаясь, смотрела самая красивая женщина, которую он видел в своей жизни.

Общепринято — по крайней мере, среди тех, кто привык приходить к согласию в подобных вопросах, — что женская красота есть сумма составляющих её частей. И, по крайней мере в западном обществе, считается, что эти части выглядят лучше, если их слегка утрировать или, наоборот, уменьшить. Законы, определяющие, какой части тела какая участь уготована, довольно строги. Например, большие глаза и крошечные носы пользуются

огромным успехом, а вот обратное сочетание — нет. Длинные ноги предпочтительнее коротких. Тонкая талия — лучше полной. Мода на попы и бюсты то приходит, то уходит, но рты неизменно должны быть широкими.

Всё это, разумеется, в высшей степени сексистски, и стандарты эти неизбежно устанавливаются мужчинами. Впрочем, а кем же еще, верно?

Рэймонд в свое время заглядывался на многих женщин, разыскивая то самое идеальное существо, которому мог бы предложить свою вечную любовь. И в деревне такая женщина действительно существовала. Но только в разобранном виде. Пара длинных ног — у одной, широкий рот — у другой. Уши от одной девицы, ногти — от другой. Проблема заключалась в том, чтобы собрать всё это в одной особе.

У Саймона, впрочем, таких проблем не возникало.

Но Рэймонд не был Саймоном. Рэймонд был романтиком, и когда он наконец встретит мисс Все-Нужные-Выпуклости-И-Впук лости-В-Нужных-Местах-Согласно-Его-Личным-Вкусам, он будет любить её вечно.

Вопиющая нелепость такого убеждения, казалось, совершенно не трогала Рэймонда. Что в один прекрасный день явится сногсшибательная красавица, воплотившая в себе все его самые смелые фантазии о женщине; что она мгновенно влюбится в него и что они будут жить долго и счастливо.

Мечтать-то ему никто не запрещал.

А не спит ли он сейчас?

Рэймонд очень надеялся, что нет.

Перед ним стояла Зефир. И это была она. В ней было всё — абсолютно всё, о чем он мечтал.

У неё были лодыжки кассирши Анджелы, ноги инструкторши по степ-аэробике из спортклуба, торс барменши из «Медвежьего флага», скулы Сью — секретарши из адвокатской конторы; и так далее, и тому подобное. У неё были даже те самые милые голубые глазки, как у дамы с почты.

В ней было всё и сразу. И, разумеется, на ней было маленькое черное платье.

— Я люблю тебя, — выдохнул Рэймонд, падая к её ногам.

Зефир одарила его широкой улыбкой. Рэймонд в ужасе отпрянул. У неё были зубы Саймона.

— Ой, прости, — сказала она и поспешно прикрыла рот, прежде чем улыбнуться снова. На сей раз она продемонстрировала зубы директрисы начальной школы. Рэймонд опустил взгляд. Туфли на ней тоже были от директрисы. Рэймонд вскочил.

— Опять какой-то трюк! — вскричал он, и сердце его оборвалось. — На самом деле ты ведь совсем не так выглядишь, верно?

— Мне очень жаль. Я просто хотела тебя подбодрить.

Рэймонд уставился в пустоту.
— Я ведь правда здесь? Это же не сон?

Зефир покачала своей прелестной головкой. Точь-в-точь как библиотекарша миссис Конан. Рэймонд всегда засыпал её вопросами, когда бывал в библиотеке — ему безумно нравилось, как двигалась её шея, когда она качала головой.

— Прекрати! — отрезал Рэймонд. — Это нечестно.

— Прости, — ответила Зефир. — Оно само так вышло.

— А как же костюм? — Рэймонд прижал свой «Джорджио Армани» к груди. Остаться с разбитым сердцем — это еще полбеды, но лишиться в придачу и костюма он не мог.

— Он твой. Можешь оставить себе. Ты в нём очень милый.

Рэймонд потрогал ткань. На ощупь — идеально. Именно так, как он себе и представлял. Но надолго ли?

— Как долго я смогу его носить? — спросил Рэймонд.

— Сколько захочешь. До тех пор, пока он будет радовать тебя.

— Спасибо. Большое спасибо. А как ты выглядишь на самом деле, Зефир?

Зефир откинула волосы. Густые, каштановые. Прелестная юная головка. Точь-в-точь как у Лизы, подружки Саймона. Рэймонд и не подозревал раньше, как сильно ему нравятся волосы Лизы.

— Пойдешь сейчас знакомиться с профессором? — спросила она.

— С каким профессором?

— С профессором Мерлином. Это, в некотором роде, его корабль. Ты проломил крышу его шатра. Сразу после того, как разнес в щепки его дорогущую голографическую рекламу.

— А, это... Так это всё-таки моих рук дело?

— Боюсь, что так. Но я уверена, ты сможешь всё исправить. Профессор хочет тебя на ужин.

— На ужин? — В своих отлично скроенных «Джекилс» Рэймонд почувствовал, как задрожали коленки. — Опять? Только не на ужин!

Рэймонд огляделся в поисках пути к отступлению. Если всё это наяву, а не дурной сон, то Зефир, скорее всего, сестра-близнец аукциониста мистера Хамелеона.

— Не подходи ко мне! — Рэймонд вскинул кулаки. — Никто не получит меня на ужин!

— Ой, прости! — Зефир примирительно подняла руки. Это были руки Пэт, разносчицы газет. — Я не имела в виду «съесть на ужин», я имела в виду отужинать вместе. Никто не собирается тебя есть, Рэймонд. Ты здесь в полной безопасности.

— Значит, ты не венерианка?

— Венерианка? Разумеется, нет!

— И вы не едите людей?

— Рэймонд, если бы мы хотели тебя съесть, неужели мы стали бы так возиться: лечить тебя после падения и воссоздавать точную копию твоей комнаты, чтобы ты чувствовал себя уютно, когда проснешься?

— Полагаю, нет, но…

— Никаких «но», Рэймонд. Не стали бы. А теперь, я уверена, ты проголодался. Так что пойдем со мной, поужинаешь с профессором, и он тебе всё объяснит.

— Ну… — Рэймонд замялся, пожал плечами и наконец кивнул. Бежать ему было решительно некуда. И хотя теперь он знал, что облик Зефир — не более чем великолепная иллюзия, сотканная из обрывков его собственного подсознания, она не стала от этого менее прекрасной. К тому же всегда оставался шанс, что при ходьбе её зад будет покачиваться точно так же, как у Шейлы из фермерской лавки.

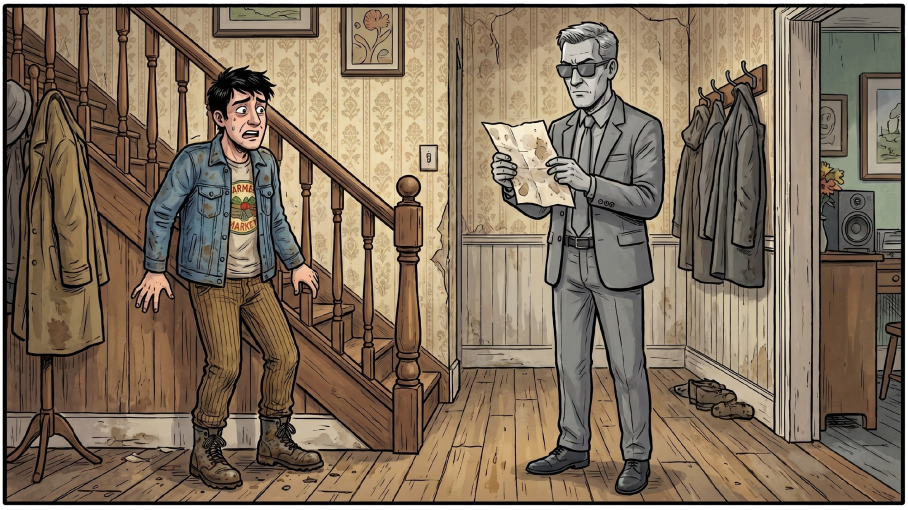
Он последовал за ней.

И именно так оно и вышло.

— Только один вопрос, — сказал Рэймонд. — Этот профессор Мерлин… он, случайно, не венерианин?

Зефир снова тряхнула волосами и лучезарно улыбнулась ему:
— Разумеется, нет. Профессор Мерлин с планеты Земля.

Глава 7

Саймон уставился на человека в сером, стоявшего на пороге.

Серый человек, глядя сквозь дымчатые очки, уставился на него в ответ.

Наступила та самая тишина, которую называют затянувшейся паузой.

Саймон прикусил губу. Этого не должно было случиться! Во всяком случае, не сейчас.

— Могу чем-нибудь помочь? — спросил он настолько уверенно, насколько смог.

Человек в сером криво усмехнулся:
— Это еще предстоит выяснить.

— Вы из «Свидетелей Иеговы»? Кажется, я как-то покупал у вас «Сторожевую башню».

— Я не из «Свидетелей Иеговы». — Кривая ухмылка человека в сером превратилась в злобный оскал. — Я, если угодно, Возмездие Иеговы.

— Я уже скидывался на пожертвования, спасибо. Всего доброго. — Саймон начал закрывать дверь, но человек в сером подставил ногу.

— Кажется, ваша нога мешает мне закрыть дверь.

— Именно. — Серый с силой пнул дверь, так, что та едва не слетела с петель. Саймон отлетел назад и приземлился у подножия лестницы (именно там чаще всего оказываются северяне, застигнутые врасплох).

Человек в сером стремительно вошел в прихожую и захлопнул за собой дверь. Саймон с трудом поднялся на ноги.

— Так, послушайте.. — начал он.

— Нет, приятель, это ты послушай. Я тащился за тобой всю дорогу от «Брэмфилд Армс». Ты ведь удрал оттуда в спешке, а? Услышал то, чего не следовало? Узнал то, чего не следовало знать?

— Я не понимаю, о чём вы. Мне, кажется, уже пора к стоматологу.

— «Кажется», «кажется»... Ты можешь хоть одно предложение закончить без этого своего «кажется»? — Серый человек сделал ещё шаг вперёд. Саймон не отступил.

— У меня тут, кажется, где-то было письмо от врача.

— Письмо? Ты о чём вообще?

— В бумажнике. Кажется. — Саймон выудил кошелек из кармана брюк. — У меня диагноз.

— Да неужели? — Человек в сером уставился на него в упор. Саймон почувствовал его дыхание. Пахло прескверно.

— Сейчас покажу. — Помощник садовника извлёк засаленный, затертый до дыр конверт. Он протянул его, и серый человек выхватил бумагу, обнюхал с подозрением, вскрыл и вытащил мятый листок.

— Это еще что такое? — потребовал он объяснений.

— Прочтите, там всё написано, кажется.

Человек в сером принялся читать: — «Настоящим подтверждается, что Саймон...» — он запнулся и поднял глаза. — Это что, правда твоя фамилия?

Саймон уныло кивнул:
— Я стараюсь о ней не думать.

— Оно и видно. Так... «Настоящим подтверждается, что Саймон (фамилия указана выше) является моим пациентом в течение десяти лет и страдает потерей кратковременной памяти. В связи с чем он освобождается от занятий по физкультуре, а в зимний период ему должно быть обеспечено место у батареи». Что это за чушь?

— Справка от врача. Понимаете, я всё забываю. Постоянно. Вот вы сказали, что я был в «Брэмфилд Армс». Может, и был. Не помню.

Серый человек приподнял бровь точно такого же серого оттенка.

— Это не моя вина. Я не нарочно.

— То есть ты не помнишь, где был, скажем, вчера вечером?

— Вчера вечером... — Саймон поджал губы. — Дайте мне немного времени, и, думаю, я всё вспомню.

— И сколько же времени тебе нужно?

— Доктор сказал — лет пятнадцать.

— Да ты что? И когда же он тебе это сказал?

— Около пятнадцати лет назад, когда он её выписал. Кажется.

Человек в сером окинул Саймона оценивающим взглядом.

— А ты, как я погляжу, придурок, — промолвил он. — Кажется.

Саймон безнадёжно кивнул:

— Пожалуй, так и есть. А вы зачем заходили? Счётчик проверить?

— Да, именно так. Проверить твой счётчик. И я его проверил. — Человек в сером решительно зашагал к выходу и с такой силой распахнул дверь, что чуть не выломал замок. — Всего хорошего, — бросил он.

— Э-э, ещё кое-что.

Человек в сером обернулся.

— Можете вернуть мою справку, пожалуйста?

Человек в сером скомкал листок и швырнул его в Саймона.

— Придурок, — повторил он, выходя на улицу.

Саймон помедлил секунду, после чего поспешил в гостиную и снова приподнял край тюлевой занавески.

На углу улицы стоял блестящий серый фургон. Серые спутники человека в сером лениво подпирали его борта. Незваный гость Саймона подошёл к ним. Они обменялись парой слов. Гость покрутил пальцем у виска и махнул рукой в сторону дома Саймона. Раздался дружный смех. Затем все трое мужчин в сером забрались в фургон и укатили в сторону огородов.

Саймон вернулся в прихожую. Захлопнул дверь и снова накинул цепочку. Он подобрал свою «справку от врача», разгладил свежие помятости, вложил листок в конверт, а конверт — в бумажник. Убрал бумажник в карман и похлопал по нему ладонью, довольно улыбаясь.

Старая «справка» сослужила ему добрую службу. В прошлом она не раз выручала его из скверных переделок, да и в чужие постели приводила частенько. Поразительно, как быстро по деревенским дамским кружкам разлетались слухи о том, что появился симпатичный молодой человек, с которым томящаяся домохозяйка может воплотить свои самые сокровенные фантазии, будучи абсолютно уверенной: на следующее утро он ничего не вспомнит.

— Придурок? — переспросил Саймон. — Как бы не так... — Но тут лицо его омрачилось. — Книга, — произнёс он. — Эта книга...

Саймон вернулся наверх, уселся на кровать и взял в руки злополучную книгу. Он постучал костяшкой пальца по носу Рэймонда.

— Мы не слишком удачно начали, верно? — спросил он.

Книга не ответила.

Саймон снова пролистал её и нашёл нужное место.

* * *

В дверь Саймона постучали.
К счастью для Саймона, это был всего лишь почтальон.
* * *

Саймон щёлкнул зубами.
— Неправильно, — сказал он и продолжил чтение.

* * *

Или Саймону так показалось. Хотя почему он решил именно так — неясно...
* * *

Саймон заскрежетал зубами.

* * *

...особенно учитывая поразительную, некоторые даже назвали бы её сверхъестественной, проницательность, которую он проявит

позднее.
* * *

— Ага, — сказал Саймон. — Вот оно что.

Он продолжил читать. Там было всё. Его встреча с невзрачным типом в сером у двери. Всё сошлось, но было и отличие. Версия в книге выглядела куда эффектнее: в ней Саймон виртуозно выставлял человека в сером дураком, после чего выпроваживал силой в коридор и вышвыривал на улицу.

Саймон задумчиво прикусил ноготь большого пальца. С чего бы это?

— О господи, — пробормотал он. — Кажется, я понял. Должно быть, именно так я и преподнесу это тому, кто напишет книгу. Я просто хотел, чтобы всё было именно так. Проклятье.

Саймон швырнул томик на пол. Какой прок от этой книги, если в ней одни преувеличения и полуправда? Какая жестокая, горькая ирония. Подорвался на собственной мине. И всё в таком духе.

— Погодите-ка. — Саймон подобрал книгу и провел обгрызенным пальцем по глянцевой обложке. — Но теперь-то я об этом знаю! Значит, так. Если я прямо сейчас дам торжественный обет: говорить правду, только правду и ничего, кроме правды любому, кто в будущем решит расспросить меня о случившемся… тогда… — Саймон задумался. — Тогда всё, что написано обо мне в этой книге с этого самого момента, будет чистой истиной. Да. Это должно сработать. Просто обязано!

И это казалось логичным. Ну, настолько логичным, насколько вообще может казаться нечто столь невероятное.

Саймон почесал в затылке. Говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды — задачка не из легких. Но сделать это было необходимо: только так он мог быть абсолютно уверен, что в точности исполнит всё, что предсказано ему в книге.

И прелесть заключалась в том, что если действовать осторожно и читать книгу по чуть-чуть, позволяя реальным событиям настигать прочитанное, он каждый раз будет бить в яблочко. Ведь он заранее будет знать, как поступить — он же только что прочел о том, как сам это сделал. Магия, да и только.

Возможности открывались безграничные.

— Так, надо всё обмозговать, — пробормотал Саймон. — Скажем, к примеру, я хочу завтра сделать ставку на скачках. В данный момент я понятия не имею, какая из лошадей придет первым. Но через полгода, или когда там автор этой книги будет брать у меня интервью, я уже буду это знать. Значит, если я скажу ему, что ставил именно на тех победителей, и прослежу, чтобы он вписал их клички в книгу... тогда я смогу заглянуть в нее прямо сейчас и узнать, кто выиграет завтра. А значит, я ни в чем не совру автору, ведь я действительно выиграю на этой самой ставке.

Саймон принялся потирать руки: в голове уже роились мысли о многомиллионных кушах на фондовой бирже и мировых финансовых рынках. На сей раз он точно напал на золотую жилу. Эта книга — его пропуск в рай.

— Может, пролистать на пару глав вперед и посмотреть, не качаюсь ли я на волнах на собственной роскошной яхте в окружении красоток с обложек журналов?

Искушение было непреодолимым. От одного беглого взгляда хуже ведь не станет, верно?

— О, еще как станет, — Саймон энергично закивал. — Так и с ума сойти недолго. Мне придется соблюдать строжайшую дисциплину. Работать строго по одной странице за раз. Итак, с чего начать? Хм. Что ж, начну с малого. Завтра первым же делом пойду в банк и сниму пятьдесят фунтов. Сверимся с первоисточником? — Саймон воровато поозирался по сторонам и принялся неистово листать книгу.

* * *

В то утро Саймон был первым в очереди у дверей банка. Когда в девять тридцать заведение открылось, он вошел внутрь и снял все свои сбережения. Ровно сто фунтов.

* * *

— Сто фунтов? — Саймон погладил подбородок. — Кругленькая сумма. Ну что ж, пусть будет сто фунтов. А что дальше?

* * *

Затем он направился в букмекерскую контору, где сделал свою ставшую уже легендарной ставку — экспресс на четырех лошадей.

* * *

— Да! — Саймон запрыгал и принялся трясти кулаками над головой. Он целовал обложку книги, приговаривая: «Да, да, да!». Он повалился на кровать и задрыгал ногами в воздухе. — Да! — выкрикивал он. — Да! Да!

На сей раз он точно поймал удачу за хвост, вне всяких сомнений.

— Спасибо, Рэймонд, — Саймон прижал книгу к груди. — Это твоих рук дело, да? Каким-то образом ты прислал мне эту книгу из будущего. Из того будущего, где ты становишься… как там? — Он перечитал заголовок. — Спасителем человечества. Гениально. Похоже, мы оба сорвали куш. Кто нас теперь остановит, а? Серые люди от меня отвязались. Пусть идут копаться на своих грядках. А я «окопаюсь» здесь. В финансовом плане, разумеется. А ты спасешь человечество от чего бы то ни было, от чего его там надо спасать. Гениально. Просто гениально. Да?

* * *

И на этой ноте, к счастью, мы пока оставим Саймона. Лежащим на кровати, прижимающим к груди книгу Рэймонда, болтающим ногами в воздухе и повторяющим слово «Да!».

Зрелище не из приятных. Впрочем, наблюдать за тем, как какой-нибудь безжалостный, черствый, эгоистичный сукин сын идет к своей цели, наплевав на остальных, — удовольствие сомнительное. А что хуже всего в данном конкретном случае, так это то, что наш сукин сын воочию видел, как летающая морская звезда уволокла его лучшего друга в космос; узнал, что подобное случается сплошь и рядом, а специальные команды людей в сером подчищают следы; и что всё это — часть дьявольского заговора, призванного скрыть межпланетную торговлю людьми в маринованном, консервированном или упакованном в пузыри виде.

И что же делает этот сукин сын, обладая столь чудовищными знаниями? Использует ли он книгу из будущего как мощное оружие, чтобы спасти мир от пришельцев, которые втихую охотятся на людей?

Щас, разбежались! Он использует её, чтобы набить себе карманы!

Сукин сын!

* * *

Хотя… может, мы слишком строги к Саймону? В конце концов, волен ли он в своих поступках? Он держит в руках книгу, предрекающую его будущее. Будущее, которое уже предрешено и от которого невозможно уклониться. Подобно тому, как Иуда был с рождения обречен на свое грязное дело, Саймон — жертва предопределенной судьбы. Беспомощный и лишенный какой бы то ни было подлинной свободы воли.

Возможно.

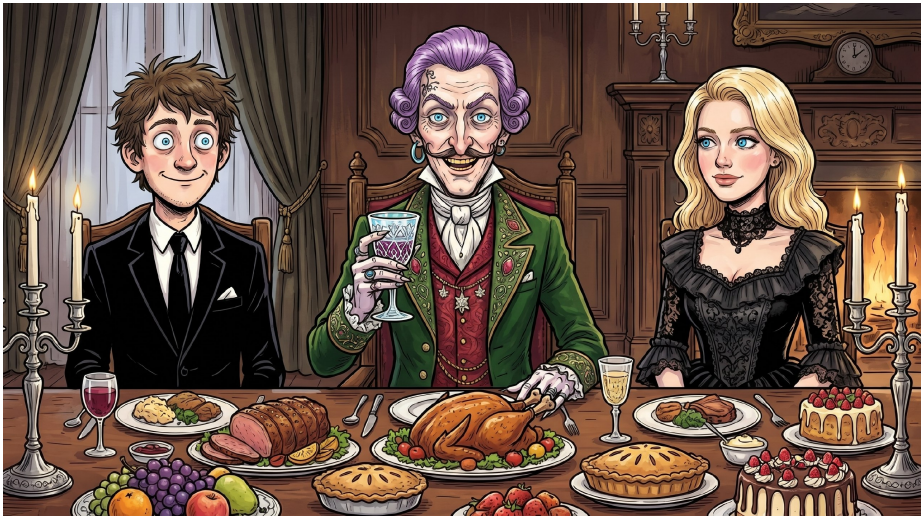
Возможно…

Но как тогда быть с тем, что он обвел вокруг пальца человека в сером при помощи липовой записки от врача? Подобный фокус никому бы не сошел с рук, верно?

А ему сошло.

Вот же сукин сын!

Глава 8

Парадный салон парохода «Саламандра» был просто-напросто великолепен. Настоящий «Тур-де-Франс» в викторианском мавританско-морском стиле, он походил на гарем какого-нибудь великого визиря из сказочного Багдада Шехерезады.

Двадцать три ажурные колонны, покрытые роскошной эмалью и инкрустированные лазуритом, хризопразом и александритом, с энтузиазмом подпирали богато украшенный купол потолка. Потолок был выкрашен в восхитительный нежно-розовый цвет и буквально утопал в мешанине эротических сцен. Совокуплялись там почем зря. Стены парадного салона были расписаны в том же духе, но исполнены с безупречным вкусом. Здесь не было сальной пошлости дешевой порнографии. Это был жизнерадостный и озорной секс в духе Питера Фенди или Томаса Роулендсона. Эдакая комическая Камасутра.

Пространство зала разделяли резные ширмы из гофера, сандала и сикомора, а пол представлял собой чудо мозаичного искусства.

В общем, это было весьма недурное местечко.

Да и история у него имелась примечательная.

Когда Изамбард Кингдом Брюнель проектировал злополучный «Грейт Истерн», он вознамерился создать «плавучий дворец» невиданных доселе масштабов. И действительно, «Грейт Истерн» стал крупнейшим судном, осмелившимся выйти в море со времен легендарного Ноева ковчега.

Мистер Брюнель был человеком широких взглядов. Инженерный гений, во многом определивший облик викторианской эпохи, он верил, что «Грейт Истерн» станет его триумфом. Но корабль стал его погибелью.

Изамбард скончался в возрасте пятидесяти трех лет, совершенно сломленным, всего через несколько дней после спуска судна на воду. Спуск этот откладывали три долгих месяца: застрявший на суше гигант упрямо отказывался покидать док и входить в воды Темзы. Злой рок преследовал корабль с самого начала, когда инженера и его помощника замуровали заживо между двумя слоями корпуса. В первом же рейсе взорвалась одна из труб, погубив нескольких матросов. Затем последовала череда катастроф, преследовавших судно тридцать лет, пока в 1889 году его окончательно не пустили на слом. Его интерьеры так и не были завершены, а само оно стало причиной гибели множества людей. Проклятый корабль и печальное наследие, оставленное Изамбардом после себя.

Но он оставил и еще кое какое наследство. Речь о его нерожденном сыне Колине. История мало что помнит, фактически ровным счетом ничего, о юном Колине. Мальчике, который однажды построит «Саламандру», но так и не получит за

это памятную медаль из рук королевы Виктории. «Саламандру» заказал один восточный властитель. Великий восточный властитель. Подобное созвучие пришлось по душе юному Колину, который не унаследовал от отца ни гениальности, ни даже его фамилии.

Колин появился на свет «не с той стороны одеяла» — от уайтчепельской проститутки, с которой был близок его отец. Этой даме легкого поведения удалось избежать внимания Джека Потрошителя, на которого она наткнулась во время его прощального представления в духе «Гран-Гиньоля» в Миллерс-Корт. Она предъявила ему справку от врача, гласившую, что она страдает провалами в памяти и наутро ни за что не вспомнит, что Джек на самом деле — мистер Гладстон.

На самом деле Колин не проектировал «Саламандру». Ибо, как уже говорилось, отцовского гения он не унаследовал. Колину достался отцовский портфель. Тот самый, который великий мечтатель забыл забрать после ночи страсти, в ходе которой Колин был зачат. В портфеле лежали чертежи «Саламандры» — лайнера настолько грандиозного, что по сравнению с ним «Грейт Истерн» казался жалким буксиром.

А остальное — история неписаная. «Саламандра» была построена. Но не на планете Земля.

Тот великий восточный властитель был властителем ну очень Дальнего Востока.

Он был родом с Урана, и правил там, как султан.

* * *

А поскольку Рэймонду всё вышеизложенное было пока неведомо, он просто стоял в вестибюле парадного салона, озираясь по сторонам с отвисшей челюстью и болтающимися вдоль туловища руками.

Увиденное было непросто переварить. И если сам салон был чудом, достойным восхищения, то что и говорить о банкете, который был в самом разгаре?

Вообще-то, сказать можно было немало. В центре салона, под величественным украшенным куполом, стоял стол поистине героических пропорций, а на нем было разложено угощение, достойное оды.

* * *

Широкие блюда с капустой всех видов.
Бульоны, борщи, бешбармак, буйабес.
Десерты и муссы, солянки, жаркое.
Суфле с вкусом ягод и груши дюшес.

* * *

Рагу, фрикасе, запеканки, салями.
Морская селедка, речная форель.
Черника, малина, крыжовник и клюква.
Моллюски, гуляш, сельдерей и щавель.

* * *

Среди ананасов лежат апельсины.
И персики, сливы, пельмени, маслины.
На что ни посмотришь, всё хочется съесть!
Ириски и вафли, картошка, рулеты,
Похлебки, закуски, гарниры, котлеты.
А к ним ведь еще и напитков не счесть!

Игристые, белые, красные вина!
Мадеры, мускаты, клареты, портвейн!
Бокалы и стопки, стаканы. бутылки,
Ликеры, коньяк, виски, ром и глинтвейн!

* * *

И так далее, и тому подобное. Зрелище было впечатляющим. А желудок у Рэймонда — донельзя пустым.

И если салон был чудом, достойным восхищения, а угощение заслуживало оды, то что сказать о пирующих? О тех, кто восседал за столом героических пропорций в этом дивном зале и вкушал вышеописанные яства?

Кто же они?

Это были артисты цирка профессора Мерлина.

Они с упоением предавались чревоугодию. Смеялись, шутили и вели себя с той непринужденностью, которая доступна лишь закадычным друзьям. И были они самыми невероятными персонажами, которых Рэймонду когда-либо доводилось видеть.

Их было около двадцати, и вместе они представляли собой на редкость пестрое и экстравагантное зрелище.

Для Рэймонда всё это слилось в буйство блесток и мишуры.

Экзотические женщины с раскрашенными лицами и причудливыми прическами, выстриженными и взбитыми, точно павлиньи хвосты, увешанные висюльками и кисточками. Осыпанные драгоценностями: ожерелья из сердолика, кошачьего глаза и турмалина; подвески из гелиотропа, позолоченные кольца в носу, инкрустированные бериллом; шейные обручи из кораллов и нефрита.

Костюмы на них были самые роскошные, какие только можно вообразить, — невероятно изысканные и удивительно им к лицу. Обилие оборок и воланов превращало дам в истинных красавиц, а каскады шифона то и дело дразнили взор, позволяя мельком увидеть надушенную кожу. То мелькнет напудренное плечо, то изящная щиколотка, окольцованная браслетом из черного жемчуга.

Мужчины были народом крепким и сбитым. Сплошь широкоплечие здоровяки, но притом ничуть не меньше

разукрашенные и увешанные драгоценностями. Настоящие денди, они щеголяли в поистине королевском облачении: камзолы из золотой парчи с подбитыми плечами и разрезными рукавами, шелковые банданы и бархатные кушаки, штаны из молескина и стеганые гетры. И каждая мелочь, каждая деталь переливалась всеми цветами радуги.

А во главе стола, восседая на подобии трона, украшенного павлиньими и страусиными перьями, возглавлял эту веселящуюся компанию самый фантастический персонаж из всех присутствующих.

* * *

Он был высокий и худощавый. Длинный, поджарый, и беспрестанно жестикулирующий.

Пурпурный парик венчал узкую голову, примечательную множеством незаурядных черт. Мерцающие бирюзовые глаза соседствовали с тонким, круто изогнутым носом, похожим на акулий плавник. Под ним топорщились навощенные усы, тугие, словно часовые пружины; они то сворачивались, то разворачивались, пока веселый рот, богатый на золотые зубы, уплетал изысканные закуски и выдавал забавный монолог, державший пирующих в состоянии крайнего оживления. Длиннющий подбородок то и дело нырял и подпрыгивал, словно жил своей собственной жизнью.

Рэймонд также приметил странную татуировку над правой бровью и крупное кольцо из прозрачного стекла, продетое в мочку левого уха.

Если взглянуть ниже, наряд этого джентльмена целиком принадлежал эпохе Регентства. Высокий накрахмаленный воротник возвышался над белоснежным шелковым шейным платком. Жилет из богатой красной парчи, расшитый золотыми арабесками, был с избытком украшен серебряными брелоками и франтовскими цепочками. Сюртук из зеленого бархата щеголял

лацканами, усыпанными изумрудами и сапфирами. Из-под богато украшенных рукавов пышными волнами выглядывали кружевные манжеты.

Остальной наряд скрывался под столом, и Рэймонду оставалось лишь гадать о деталях. Впрочем, он не ошибся, полагая, что и там царит такая же роскошь.

Рэймонда совершенно заворожили руки джентльмена. Тонкие, с удлиненными пальцами, унизанными изящными перстнями, с ухоженными, наполированными до блеска ногтями. Эти руки были призрачно-белыми, как и лицо джентльмена. Он походил на ожившую мумию — но мумию, исполненную яростной силы и явно не собиравшуюся рассыпаться в прах.

Рэймонд продолжал смотреть широко раскрыв глаза и разинув рот; и чем дольше он смотрел, тем больше замечал. Рэймонд впитывал в себя этот фантастический костюм, бесчисленные причуды и побрякушки, но инстинктивно чувствовал: это не напускная эксцентричность тщеславного позёра. Это был естественный облик человека, который точно знал, кто он такой.

А был он профессором Мерлином.

О да, несомненно.

— Раймондо! — Профессор Мерлин поднялся со своего места и широко раскинул невероятные руки в жесте, который, казалось, обнимал сразу всех и каждого. — Ты вернулся к нам. Иди же сюда, не стесняйся.

Паренек с Земли оглядел пестрое море восторженных лиц, взиравших на него. Он явно не находил слов для ответа.

— Ну же, — прошептала Зефир. — Поздоровайся.

Рэймонд нелепо пошевелил пальцами.
— Привет, — выдавил он.

— И тебе привет, Раймондо. — Профессор склонил голову так, как склоняют её лишь перед особами королевской крови.

Пирующие разразились бурными аплодисментами. Кто-то подбросил свой розовый парик к расписанному фресками потолку. Другой швырнул в воздух собственную голову, которую затем мастерски поймал и водрузил обратно на плечи.

К счастью, Рэймонд этого не заметил.

Профессор погладил свой подвижный подбородок.

— Истинно говорю тебе, мой Раймондо, я в восторге от твоих шмоток.

— Шмоток? — Рэймонд коснулся головы.

— От прикида. Свистулек-цацок. Дембельского наряда. Радиационного шика.

— Костюм, — прошептала Зефир. — Он восхищается твоим костюмом.

— А, костюм. — Рэймонд самодовольно оправил лацканы. — Это Зефир, она...

— Ты нас всех просто затмил! — Профессор понурил голову и принялся картинно хвататься за сердце. — Велю вытащить моего портного из-за его швейного стола и швырнуть за борт!

— О нет, пожалуйста, не надо.

— Всё в порядке, — шепнула Зефир. — Нет у него никакого портного.

— О, понятно. То есть, вернее, совсем непонятно.

— Давай, Раймондо, смелее. Садись по правую руку от меня и веди сюда свою прекрасную жену.

— Мою прекрасную жену?

— Это он про меня.

— Но, Зефир, ты ведь не...

— Считай, что на данный момент — да.

— Я в полнейшем замешательстве, — признался Рэймонд.

Зефир улыбнулась и взяла его под руку.

— Я помогу тебе во всем разобраться. Идем, присядем с профессором.

Рэймонд глубоко вздохнул. А затем улыбнулся. Если вдуматься, всё шло не так уж плохо. На тебе костюм-мечта от Джорджио Армани, рядом — лучшая девушка, и тебя пригласили обедать за капитанский стол. Это определенно неплохо. По крайней мере, в данную минуту.

Рэймонд расправил плечи. И правда. А почему бы и нет?

— Пройдемте к столу, дорогая? — спросил он.

— Если вы будете так любезны проводить меня.

О да, еще бы! И Рэймонд проводил её под новые раскаты бурных аплодисментов.

* * *

— Раймондо — справа от меня, Зефир — слева. — Профессор Мерлин жестом пригласил их садиться. Рэймонд приземлил свой зад на мягкое кресло, предварительно, разумеется, подтянув брючины на коленях.

— Уютно устроились? — хозяин переводил взгляд с одного на другую.

— Вполне, — ответил Рэймонд. Зефир одарила его своей самой ослепительной улыбкой.

— Тогда вкушайте. Я представлю тебя обществу чуть погодя, Раймондо. Но коли чрево твое ныне алчет праздничного угощения — ешь всласть!

— Премного благодарен. — Рэймонд взял накрахмаленную салфетку и заправил её за воротник рубашки. Он ни за что не позволил бы себе заляпать костюм. Но с чего именно начать? Трудный вопрос. Остальные пирующие снова вернулись к своим делам, выхватывая куски, казалось, наугад. Однако здесь вполне мог существовать особый протокол, а Рэймонд меньше всего хотел выставить себя остолопом.

Профессор, заметив его нерешительность, легонько ткнул Рэймонда под ребра.
— Откуда хочешь и что хочешь, — сказал он. — Просто закидывай в топку.

— Благодарю, так и сделаю. — Рэймонд принялся накладывать деликатесы. Тарелка была что надо: внушительная, из белого фарфора с гербом и надписью «Салон первого класса парохода "Саламандра"». Столовые приборы тоже выглядели шикарно — серебро, ручки из слоновой кости и целый ряд изысканных бокалов.

Просто великолепно.

Рэймонд наколол что-то белое и дымящееся, принюхиваясь. Пахло одуряюще вкусно. Он уже широко открыл рот, готовясь «закинуть в топку», но вдруг замер и взглянул на Зефир.

— Всё в порядке, — сказала она. — Я же говорила.

— Говорила что? — поинтересовался профессор.

— Про «Джорджей».

— Про «Джорджей»? — Профессор Мерлин так и зашелся от смеха. — Ты хочешь сказать, он думал, что мы… — он обвёл рукой великолепный стол и не менее великолепную компанию, — что мы едим…

— Едим Джорджей, да.

— Едим Джорджей! — Профессор затрясся в кресле. Слёзы веселья покатились по его похожему на маску мумии лицу. — Раймондо, — прохрипел он, когда к нему вернулось дыхание, — ну ты и кадр, честное слово. Мы цирковой народ, Раймондо. Артисты, лицедеи, творцы чудес и мастера магии. Мы плетём сны. Мы являемся к вам и исчезаем. Шуты и зазывалы, певцы и акробаты, пьеро и весёлые проказники. Мы не какие-нибудь вонючие людоеды! Так что, будь любезен, налегай.

Рэймонд налёг. Он принялся за еду со всей душой, и всё, что он пробовал, было просто божественным.

Профессор подливал ему вина и подкладывал то одно, то другое, наслаждаясь изумлёнными вздохами Рэймонда и его довольным иканием.

В конце концов, внутри у парня всё так и засияло, а щёки порозовели. Он подмигнул Зефир:
— Ну как, круто, а?

Но Зефир просто сидела, сложив руки на коленях. Её тарелка была пустой и чистой.

— Ты совсем не ешь, — заметил Рэймонд.

— Нет, — Зефир потупила свои прекрасные голубые глаза. — Я не ем.

— Что, вообще никогда?

— Раймондо, — вмешался профессор, — ты так и не сказал, что думаешь о старушке «Саламандре».

— Совершенно невероятная, — отозвался Рэймонд, осушая очередной бокал с чем-то крепким. — Но скажите начистоту, если можно. Вы правда с Земли?

Подбородок профессора запрыгал вверх-вниз, точно голова игрушечной собачки на задней полке авто.

— Такой же землянин, как и ты.

— Но как? — Рэймонд почесал затылок черенком вилки. — Как вы оказались здесь, в космосе? Как вы затащили этот корабль сюда?

— Что приводит его в движение? Ты об этом спрашиваешь?

Рэймонд отправил в рот какую-то сласть.

— Пожалуй, что так, — прошамкал он с набитым ртом.

— Это пароход, Раймондо. Ты ведь, конечно, заметил трубы?

— Но пароходы не летают в космосе. В космосе летают космические корабли, а не пароходы.

— О! — Профессор выглядел искренне удивлённым. — А где же тогда летают пароходы? Сквозь пар?

— Сквозь воду, — сказал Рэймонд. — Я имею в виду, они…

— Не морочь мне голову! — Профессор Мерлин снова ткнул Рэймонда под рёбра. — Шутника не проведёшь.

Рэймонд выглядел сбитым с толку. Он и был сбит с толку.

— Я в полном замешательстве, — признался он.

Профессор Мерлин состряпал заговорщическую гримасу и поманил Рэймонда поближе.

— Поверил бы ты мне, если бы я сказал, что заменил штатные паротурбинные двигатели корабля на революционную систему межпланетного гиперпривода собственной разработки, которая несет судно сквозь пространство за счёт трансперямбуляции псевдокосмической антиматерии?

Рэймонд снова поскрёб в затылке.

— Наверное, — сказал он.

— Тогда ты остолоп. Потому что я ничего подобного не делал.

— Премного благодарен. — Рэймонд скептически передернул своими элегентными плечами.

— А поверил бы ты мне, если бы я сказал, что всё это сделано с помощью магии?

— Нет, — Рэймонд снова приложился к вину. — Не поверил бы.

— Жаль. В этот раз ты бы как раз угадал.

— Да бросьте вы, — буркнул Рэймонд. — Магия, скажете тоже. Надо смотреть на вещи реалистично.

— Магия, — улыбнулся профессор, — не имеет ровным счётом ничего общего с тем, чтобы «смотреть на вещи реалистично». Как раз наоборот. Но, конечно, если у тебя есть объяснение получше, почему этот корабль здесь, я с превеликим удовольствием отмел бы его за ненадобностью.

Рэймонд начал закипать. Профессор снова наполнил его бокал.

— Этот арак настоян на тысяче священных пряностей. Сделай глоточек. Скажи, что думаешь.

Рэймонд отхлебнул от души. Это был истинный нектар богов.

— Сойдет, — проворчал он.

— «Сойдет»? Это лучшее, что может предложить Юпитер.

— О, так это с Юпитера, значит? — Рэймонд тряхнул уже изрядно отяжелевшей головой. — Значит, на Юпитере тоже есть жизнь.

— Была, когда мы выступали там на прошлой неделе.

— И вы выступаете на всех планетах?

— На всех, где можно выступать, а это все, что существуют.

— То есть жизнь есть на каждой божьей планете?

— Ну, какой был бы смысл в существовании планеты, если на ней некому жить, верно? — Профессор снова рассмеялся. А вот Рэймонд — нет.

— И на Венере часто бываете, да? — спросил он.

Холод в его голосе прошел мимо профессора, который просто кивнул и подтвердил:
— Бываем.

— Рад за вас. — Рэймонд с усилием поставил бокал. Тот накренился на тарелке, и драгоценное содержимое выплеснулось наружу. Рэймонд внезапно осознал, насколько сильно он опьянел. И насколько сильно разозлился. А когда ты пьян и зол одновременно… что ж…

— Чертовски рад, — сказал Рэймонд, приподнимаясь, но тут же снова оседая на стул. — Спорим, на Венере полно чертовски вкусной еды? Хотя вы-то, конечно, не едите «Джорджей», так ведь? Не то что эти ублюдки. Не то что они там, где людей продают на мясо. Интересно, они берут с собой закуски, когда приходят на ваши шоу?

— Раймондо, прошу тебя.

— Меня зовут не Раймондо и не Джордж. Я — Рэймонд.

— Пусть будет Рэймонд, будь по-твоему. Только успокойся.

— А я не хочу успокаиваться! — заявил Рэймонд, который и вправду не собирался этого делать.

— Ну, тогда выпей еще.

— И пить я больше не хочу. Я хочу, чтобы меня выслушали! — Поскольку голос Рэймонда теперь перешел на крик и остался единственным в тишине, было логично предположить, что его всё-таки слышат. — Ладно! — продолжал он. — Объясните мне, как это работает! Почему это работает? Почему вы можете

разгуливать между планетами на своей волшебной лодке, пока такие, как я… Мы-то кто? Просто звено в пищевой цепочке?

— Ты закончил? — осведомился профессор.

— Нет, — сказал Рэймонд. — Да, — сказал Рэймонд. — Не знаю, — сказал Рэймонд. — Просто объясните, что происходит.

— Вот именно. — Профессор снова плеснул Рэймонду в бокал.

— Я же сказал, что не хочу, — отрезал Рэймонд.

— Посмотрим. — Профессор Мерлин налил себе. — Во-первых, — начал он, — этот банкет был устроен специально для тебя. Своего рода испытание.

— Которое я с треском провалил, — с усмешкой бросил Рэймонд.

— Которое ты прошел, — поправил профессор, — на высший балл. Я предложил тебе всё. Всё, о чем ты когда-либо мечтал. Этот костюм, женщину твоих грез, этот пир. Большинство людей ухватились бы за это не раздумывая, заботясь лишь о себе, и плевать на остальных. Но ты не смог, верно?

— Нет, — ответил Рэймонд. — Не смог.

— Именно. Твое возмущение тем, что творится на Венере, оказалось сильнее тебя. Твое чувство справедливости…

— Только не надо так сильно льстить, — перебил Рэймонд.

— Браво. Еще и скромен. Я знал, что мы наконец нашли нужного человека.

Рэймонд снова поскреб в затылке, но на сей раз острым концом вилки, да еще попутно едва не выколол себе глаз.

— А если бы я оказался «не тем»? — рискнул спросить он.

— Нам пришлось бы тебя отпустить.

— В смысле? — Рэймонд встревожился. — За борт, прямиком в открытый космос?

— Нет. Конечно же, нет. Я бы просто отпустил тебя домой. На Землю. Костюм мог бы оставить себе, да и Зефир сказала, что ты ей симпатичен и она не прочь составить тебе компанию.

— Что? — Рэймонд откинулся на спинку стула. — И всё это я бы получил за провал?

— Именно так. Тщетную труху. Безделицы и белиберду.

— Ну а что я получу за то, что выдержал испытание?

Профессор Мерлин поднялся, а за ним и все остальные за огромным столом. Он торжественно снял парик и отвесил глубокий поклон.

— Ты получаешь возможность присоединиться к нам в опаснейшей миссии. Взять оружие и выступить против коварного врага. Сражаться за правое дело. Отдать жизнь за всё истинное и благородное. Рэймонд, мы салютуем тебе!

Профессор подбросил парик в воздух, и зал взорвался неистовыми овациями.

Как ни странно, история не сохранила сведений о том, что именно ответил на это Рэймонд.

Глава 9

Малыш Ариман
Парнишка Люцифер
Семь Печатей
Выбор Миллениума

В то утро Саймон был первым в очереди к банку. Едва тот открылся в полдесятого, он вошел и снял со счета все свои сбережения. Ровно сто фунтов. Затем он направился к букмекеру, где сделал свою теперь уже легендарную ставку — экспресс на четырех лошадей.

Он бы и насвистывал по дороге, если бы не похмелье. И как это он забыл упомянуть о похмелье, когда общался с биографом Рэймонда? Упомяни он о нем тогда, он бы заранее знал, что вчера не стоит так налегать на спиртное. И тогда сейчас голова бы у него не болела, и в книге об этом не было бы ни слова. Собственно, в книге-то об этом ни слова, а вот похмелье — в наличии.

Саймон прекрасно знал, почему похмелье не было упомянуто. Просто он вовсе не желал, чтобы его вчерашние похождения стали достоянием потомков. Вот почему!

Всё для него началось сразу после того, как он решил выложить правду, всю правду и ничего, кроме правды, будущему автору биографии Рэймонда, а затем разработал гениальный (хоть и подловатый) план, как нажиться на скачках. Имена лошадей-победительниц красовались именно там, где он и просил автора их вписать: в маленькой рамке над главой, открывавшейся словами: «В то утро Саймон был первым в очереди к банку».

Саймон переписал клички лошадей на конверт со своей драгоценной «справкой от врача», надежно спрятал книгу из будущего, принял душ, переоделся в чистое и отправился куда-нибудь приткнуться на вечер.

Это была большая ошибка.

Ему ни в коем случае не следовало соваться в «Веселые садовники».

Но он всё же пошёл.

Энди встретил его появление с лицом мрачнее тучи. Он определенно жаждал что-то высказать Саймону.

И касалось это неприятностей, случившихся сразу после того, как Саймон поспешно ретировался из «Веселых садовников» накануне вечером. Неприятностей, вину за которые Энди по умолчанию возложил на Саймона. Неприятностей, связанных с его подружкой Лизой.

Лиза, по словам Энди, пнула борзую Дика Годольфина, а когда Дик возмутился — пнула и самого Дика. Долговязый Боб, птицевод, у которого Дик подрабатывал, попытался вмешаться и навести порядок, но в итоге и сам был отпинан.

У Энди, как всем было известно, существовали строгие правила насчет рукоприкладства в баре, так что Лизе отныне вход туда был заказан навсегда.

Услышав это, Саймон просиял. Ведь это означало, что в будущем он сможет выпивать здесь, не оглядываясь постоянно через плечо. Но радость его быстро улетучилась, когда Энди добавил: троим парням из «Римской свечи» пришлось силой выдворять дебоширку из бара. Та, в свою очередь, применила к вывеске паба смертоносное боевое искусство димак: подпрыгнула футов на двенадцать и пинком выбила её с единственной петли, на которой та еще держалась. А поскольку Лизе теперь вход заказан, Саймону придётся оплатить ремонт. Дик (который подрабатывал в «Веселых садовниках» уборщиком) согласился все починить за пятнадцать фунтов.

Энди добавил, что считает себя человеком справедливым, а потому Саймон может, если пожелает, не платить, а взамен выбрать пожизненное изгнание.

— Я заплачу завтра, — сказал Саймон, снова воспрянув духом при мысли о том, что, когда наступит завтра и его лошади выиграют, у него будет достаточно денег, чтобы купить «Веселых садовников» со всеми потрохами. — Пинту как обычно, — продолжил он. — И запиши на счёт Рэймонда. Из его денег я, разумеется, свой долг покрыть не могу — совесть не позволяет тратить чужое.

Энди поразмыслил над этим доводом, счел его слишком запутанным для спора и принялся наливать Саймону пиво.

— О, и пакетик орешков, будь добр. И себе тоже возьми.

Энди взял пакетик орешков за счет заведения (точнее, Саймона).

Было ещё рано, и в баре было почти пусто. Кроме Саймона — ни души. Но пахло там как-то странно. Не рыбой, а скорее серой.

Саймону определённо стоило бы обратить на это внимание. Как и на недопитый бокал «Гиннесса» на краю стойки.

Но он не обратил.

Поэтому он был совершенно не готов к тому, что дверь в мужской туалет отворилась и мистер Хилсэвиз просунул свою большую лысую голову с приметной татуировкой в виде пентаграммы под ту-самую-балку-о-которую-незнакомцы-вечно-бьются-лбом-на-выходе.

— Так-так-так, — произнёс этот отнюдь не веселый садовник. — И что же это мы тут видим? Подмастерье в новой шляпе решил устроить себе выходной.

Саймон с опаской оглядел здоровяка с ног до головы. Он припомнил статью о том, как владельцы собак со временем становятся похожи на своих питомцев. Якобы хозяин, любящий пса, подсознательно хочет быть «как собака», а пёс, отвечая на любовь, жаждет стать «как хозяин». Оба они настраиваются на общую биологическую частоту и постепенно обмениваются чертами внешности. Что это за частота и как она работает, толком объяснено не было, и Саймон отнесся к этой теории с большим сомнением.

Но сейчас, сидя на самом краешке табурета, он понял: это чистая правда. Доказательство стояло прямо перед ним.

Не то чтобы у мистера Хилсэвиза была собака. Или кошка. Мистер Хилсэвиз был влюблён в свою работу.

И Саймон предположил, что работа, должно быть, отвечает ему взаимностью.

Всё было при нём. Голова — тыква. Ухо — сплющенный кочан цветной капусты. Глаза — две красные свеклины. Руки — две огромные связки бананов. И много чего ещё. Но выглядело всё это так же, как и всегда…

Угрожающе.

Если этот человек и не состоял в сговоре с дьяволом, то лишь по недосмотру со стороны Князя Тьмы.

Подмастерье садовника выдал свою самую обезоруживающую улыбку. Но на сей раз номер не прошёл.

— Где мой пикап? — спросил мистер Хилсэвиз.

— Я взял его домой, чтобы помыть, — соврал Саймон.

— О, мне так ужасно жаль, — отозвался гигант с грудью в обхват бочки с яблоками. — Я и понятия не имел.

— Понятия не имели о чём? — Саймону явно не стоило задавать этот вопрос.

— Понятия не имел, что твой дом теперь — парковка за супермаркетом. Что, выселили?

— Э-э, нет, ха-ха-ха! — Саймон изо всех сил постарался, чтобы это походило на смех. — Пикап там для сохранности. Может, заметили, я на него блокиратор поставил? Чтобы угонщиков отвадить, а?

— Надо полагать, тех самых угонщиков, что укатили на моей косилке «Аллен»?

— Она в гараже, там масло меняют. Разумеется, за мой счёт.

— Естественно. — Мистер Хилсэвиз неспешно двинулся вдоль стойки. Запах серы опережал его. «Геенна огненная» — вот как в старину называли эти испарения. Мистер Хилсэвиз навис над Саймоном.

— Лошадиный выгон в конце «Переулка, что не смеет назвать своё имя», завтра в девять тридцать. Я буду там. Ты будешь там. Мой грузовичок будет там. Моя косилка будет там. Я ясно выражаюсь?

Саймон часто-часто закивал. Его зубы отчаянно пытались изобразить улыбку в перерывах между дробным стуком.

— Потому что если тебя не будет... И их не будет... — Мистер Хилсэвиз наклонился пугающе близко и прошептал Саймону на ухо несколько весьма недвусмысленных подробностей. У Саймона одновременно заплелись ноги, а глаза сошлись к переносице.

— Вот и умница. — Адский садовод похлопал Саймона по дрожащему плечу, вернулся к своему «Гиннессу», осушил бокал и покинул бар.

Энди, который всё это время старался не отсвечивать, пододвинул Саймону пиво и закуску.

— Жареных орешков? — поинтересовался он.

— У тебя поразительно острый слух, — отозвался Саймон.

* * *

И с этого всё началось.

Саймону следовало бы просто допить и пойти домой — поберечь ясную голову для грядущего судьбоносного дня.

Но он не пошел.

Он допил свою пинту и заказал еще одну. Он выкупит долю мистера Хилсэвиза. Он выкупит всю деревню целиком. Станет местным сквайром. И всё в таком духе.

К восьми часам бар наполнился народом, а Саймон пребывал в приподнятом настроении. Писака сидел за стойкой слева от него. В этот вечер, свободный от литературных трудов, он, как всегда, горько оплакивал свою участь. А именно — жаловался, что писатели, обладающие куда меньшим талантом, заколачивают миллионы, в то время как он вынужден влачить жалкое существование, скрашиваемое лишь поглощением огромного количества алкоголя.

Саймона это, честно говоря, мало трогало. Его интересы были сосредоточены на высокой молодой женщине, сидевшей справа.

Она была весьма недурна собой и пришла одна. Из вежливости Саймон завязал с ней беседу.

— Это называется кратковременной потерей памяти, — пояснял он ей.

Красотка кивнула, продемонстрировав свой точеный профиль. — Должно быть, это сильно осложняет вам жизнь, — сказала она, подавив зевок.

— До сих пор так и было, — ответил Саймон, который никогда не пасовал перед трудностями. — Но завтра я вступаю в права на солидное наследство, которое сделает меня человеком обеспеченным и независимым.

— Неужели? — отозвалась красотка. — И когда же вы об этом узнали?

Парень попроще наверняка попался бы в эту ловушку и выпалил: «Да вот, только сегодня днем», но только не Саймон. В конце концов, он, можно сказать, играл на своем поле.

— Оно было завещано мне еще в детстве. Не желаете ли повторить?

— «Кровавая Мэри» была бы кстати. Кстати, у вас отличные зубы.

И это послужило прелюдией к последующим действиям.

Красотка выпила «Кровавую Мэри», затем еще одну. Саймон видел, как кредитный лимит Рэймонда тает на глазах. Но он также видел, как гостья становится всё более «расслабленной».

Для такой красотки она была не слишком разговорчива. Но Саймон, как истинный профессионал, умело подталкивал её к беседе, тонко льстя «остроумию и мудрости» её слов.

Вскоре она спросила:
— Ты на машине?

Саймон с важным видом заглянул в бумажник, будто сверяясь с какими-то записями.
— Судя по всему, на парковке за супермаркетом меня дожидается один из демонстрационных автомобилей представительского класса, принадлежащих моей фирме. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, я просто подумала, что было бы неплохо пойти и перепихнуться там.

И это стало началом финального акта.

Саймон набрал выпивки на вынос на всё, что осталось от кредита Рэймонда, и они с красоткой покинули паб. Под ручку они дошли до парковки за супермаркетом. Красотка то и дело хихикала. Саймон тоже, поскольку выпил куда больше, чем собирался. К тому времени, как они пересекли стоянку и взобрались в грузовик, они уже несли одежду друг друга.

А дальше настало время «качающегося кузова». Причем Саймон сидел за рулем.

— Да-да-да! — выкрикивала красотка, неистово подпрыгивая, словно на панк-концерте, и то и дело прикладываясь макушкой о крышу. — Да-да-да, ой, ох, ого-го!

— Да-а, — вторил ей Саймон. — Бум Шанка Бум!

И, разумеется, это затянулось на часы. Время от времени они прерывались и меняли диспозицию. Допили всё, что взяли с собой, открыли окна и покурили. А потом снова продолжали.

— Ты ведь не забудешь меня, когда разбогатеешь? — спросила красотка в ту редкую минуту, когда рот её не был занят чем-то другим.

— Нет-нет-нет, — Саймон не сбавлял ритма. — Встретимся… за-втра.

— Ког-да, ког-да, ког-да?

Саймон перевел дух:
— В половине четвертого, на Хай-стрит. Я как раз заберу деньги. Наличкой. Свожу тебя куда-нибудь поесть. Поесть чего-нибудь другого... Не останавливайся. Не останавливайся! Бум Шанка Бууууууум!

Какое бесстыдство!

На этом всё и закончилось. Потому что в следующий раз Саймон пришел в себя в девять утра: он лежал совершенно голый в кузове грузовичка, а на него пялились толпы пришедших за покупками дам. И похмелье было просто жуткое. И вот, он отправился в букмекерскую контору.

— Доброго утречка, Саймон, — сказал мистер Джонс, валлийский спец по ставкам. — Потерянный ты какой-то, а? Шляпа новая, что ли, нравится мне.

— Я пришел сделать ставку, — прохрипел Саймон, обхватив руками свою безшляпную, раскалывающуюся голову.

— Ставку, говоришь? — букмекер изобразил крайнее изумление. — Да ты ж в жизни не ставил. Сроду о таком не слыхивал, вот уж точно.

— Ну, теперь услышал. Мне сон приснился, понимаешь?

— А-а, сон, значит? — протянул букмекер. — Ну, я бы тебе ох как не советовал. Шел бы ты лучше на работу, вот мой тебе сказ. Оплати штраф, чтоб сняли блокиратор с колеса, да забери свою косилку у Долговязого Боба — это ведь он её спер, так и есть. Вот тебе слова мудрости. Бери их и ступай.

— Я всё же поставлю, если ты не против.

— Ох, и роковую ошибку ты совершаешь.

— Послушай, — сказал Саймон, — я ценю твою заботу. Но я всё решил. Я сделаю ставку, и точка.

— Что ж, на твою голову грех будет.

— Да будет так. — Саймон достал конверт и зачитал клички лошадей.

— И тебе приснилось, что эта четверка победит?

— Да, — подтвердил Саймон (эту ложь он заготовил заранее).

— Это же сплошь безнадежные аутсайдеры.

— Тем лучше, когда они придут первыми.

— Я себе не прощу, когда они проиграют, — вздохнул мистер Джонс.

— Вот деньги, — сказал Саймон. — Выписывай квитанцию.

— Сто фунтов, парень! — Мистер Джонс повалился со стула навзничь. К счастью, его супруга, миссис Джонс, как раз возилась со шваброй и ведром у него за спиной и успела его поймать.

— Ах ты негодник, Саймон, — подала голос хозяйка, прикладывая одеколон к запястьям мужа. — Напугал человека такой суммой, сто фунтов разом! А он у нас в Брэмфилде единственный штатный представитель нацменьшинств, между прочим. Это же чистой воды расовая травля.

— Послушайте, просто усадите его в кресло и пусть заполнит квитанцию. Пожалуйста.

Миссис Джонс, суетясь, пристроила мужа на место. Вложила ему в пальцы шариковую ручку и промокнула его взмокший лоб.

— Налог платить будешь? — спросил Джонс дребезжащим голоском.

— К черту налог, — отрезал Саймон.

Миссис Джонс перекрестилась: — Святые угодники и вешалки церковные, что же из этого выйдет?

— Ох, беда-беда, — мистер Джонс уныло покачал головой и выписал квитанцию. Он просунул её под защитное стекло и

принял две пятидесятифунтовые купюры. — И как мне прикажешь пробивать сотню фунтов по кассе? — спросил он жену.

* * *

Саймон вышел из конторы. В его походке появилась пружинистость. Миссис Джонс проводила его взглядом сквозь жалюзи.

— Бывай, лопух, — бросила она.

А мистер Джонс уже вскочил со стула. Он прыгал до потолка, победно вскидывая кулак и вопя: «Да! Есть!», снова и снова.

У Саймона осталось достаточно мелочи, чтобы купить сэндвичи, бутылку «Лукозейда» и пачку сигарет. Закупившись, он покинул деревню.

Он счел благоразумным укрыться в нейтральном порту и подождать, пока его корабль удачи не бросит якорь в гавани на Хай-стрит. В некотором роде.

Он знал одну давно заброшенную егерскую сторожку. На полу там лежал вполне удобный матрас, на котором отпечатались две глубокие вмятины — как раз по ширине коленей Саймона. Может, он приходил туда молиться, кто знает.

Сегодня он там определенно молился. Молился, ждал и изводил себя тревогой. А вдруг не сработает? А вдруг лошади не придут первыми? Он выложил сто фунтов. Сто фунтов! Но всё должно было получиться. Он знал, что должно. И знал, что совсем скоро станет сказочно богат.

Однако до этого момента оставались еще часы. Долгие, бесконечные часы.

К десяти часам Саймон доел сэндвичи, а к одиннадцати — докурил сигареты. Он искренне жалел, что не потратился вместо этого на аспирин.

Он попытался поспать, но не смог. Пытался считать секунды. Считал планки в стенах хижины. Считал гвозди в этих планках. Отжимался. Прыгал на месте. А потом тихонько сидел, обхватив руками свою бедную, раскалывающуюся голову.

Примерно миллион лет спустя он наконец поднялся, чтобы уйти.

Поскольку в городе был день раннего закрытия магазинов, Хай-стрит пустовала, так что Саймона никто не заметил, пока он пробирался к цели. Но это не унимало дрожи: к тому времени, как он добрался до букмекерской конторы, сердце в груди готово было пробить ребра, а во рту пересохло, словно в заднице у скелета. И голова по-прежнему гудела.

Атмосфера в конторе претерпела едва уловимые изменения. Нет. «Едва уловимые» — не то слово.

Мистер Джонс висел на телефоне. Он что-то яростно выкрикивал по-валлийски, и ему отвечали тем же. Внутри околачивались местные старики в твидовых кепках и тех самых кардиганах, которые обычно дарят на Рождество, когда человек достигает определенного возраста. Двое из них зааплодировали, когда Саймон вошел. Третий снял кепку, дернул себя за то место, где когда-то был чуб, и пробормотал: «Да хранит вас бог, начальник».

«ДА!» — ликовал про себя Саймон.

Мистер Джонс с грохотом бросил трубку, обернулся и увидел помощника садовника.

— А-а-а-а-а! — выдал мистер Джонс.

— Добрый день, мистер Джонс, — сказал Саймон. — Миссис Джонс.

— А-а-а-а! — взвизгнула миссис Джонс, вцепившись в руку мужа.

— Вас что-то беспокоит? — поинтересовался Саймон.

Мистер Джонс лишился дара речи.

— Ах ты, ублюдок! — выпалила его жена.

— Прошу прощения? — Саймон блеснул зубами.

— Разорение! — к мистеру Джонсу вернулся голос. — Ты меня разорил подчистую, парень.

— Хотите сказать, я выиграл? — Саймон изобразил удивление, которое долго репетировал.

— Выиграл? Чертовски верно, выиграл! Ты нас обобрал до нитки. Тысячи и тысячи, и…

— Тысячи? — переспросил Саймон. — Подумать только. Надеюсь, у вас найдется чем мне заплатить.

— Выручка за целую неделю, — пробормотал мистер Джонс. Саймон его услышал.

— Прошу прощения, кажется я не расслышал?

— Я выплачу выигрыш. Эти ублюдки из головного офиса говорят, что я обязан.

— Ублюдки? — Саймон покачал головой. — Чем же они заслужили подобное обращение?

— Тем же, чем и ты, — отрезал мистер Джонс. — Богатенький ублюдок!

— Удивительная перемена настроения, — заметил Саймон (хотя ничуть не удивился). — Еще утром ты так переживал, что я просажу все деньги. Я думал, ты порадуешься моей удаче.

Губы мистера Джонса задрожали.

Саймон начал хлопать себя по карманам. — Так, куда же я дел квитанцию?

— Что? — выдавил мистер Джонс.

— Куда-то засунул. — Саймон принялся ощупывать себя со всех сторон. — О нет, бумажник. Где мой бумажник?

— Потерял, что ли? — мистер Джонс начал потирать руки.

— Его украли! — лицо Саймона превратилось в серую маску ужаса.

— О, какая жалость! — Джонс аж подпрыгнул на стуле. — Без квитанции выплатить не могу. О, какая ужасная жалость! — Он и его жена дружно расхохотались.

— Я слегка пошутил, — Саймон вытащил бумажник. — Знал, что это заставит вас улыбнуться.

— Ах ты, паршивый...

— Тихо-тихо-тихо, — Саймон погрозил пальцем. — Давайте без этого. — Он достал квитанцию и положил её на стойку под защитное стекло. Рука Джонса дернулась к ней.

— Разумеется, копия, заверенная свидетелями, уже лежит у моего адвоката.

— Разумеется, — буркнул Джонс, выхватывая листок.

— И я уже подсчитал свой выигрыш с точностью до двух знаков после запятой. Очень надеюсь, что мои расчеты совпадут с вашими.

Букмекер сжал кулаки.

— Да просто выплати ты этому ублюдку, — бросила миссис Джонс.

* * *

— ЕСТЬ!

Банк Саймона находился всего через шесть домов от букмекерской конторы. Даже с двумя тяжелыми сумками, впившимися в пальцы, пробежка предстояла короткая.

Ну вот, ни души. Сокращенный день. Черт бы побрал этот сокращенный день!

Обладатель полумиллиона долларов уставился на массивную запертую дверь банка.

— Проклятье, — сказал он. — Вот зараза.

А потом добавил:
— Дерьмо!

Под аккомпанемент того самого визга шин, который всегда предвещает Крупные Неприятности, с парковки на другой стороне улицы рванула машина. Старая колымага, один из тех «Ягуаров», что так полюбились криминальной братии в сериалах вроде «Летучего отряда Скотланд-Ярда».

Летела она — будь здоров. Машина пересекла дорогу и выскочила на тротуар прежде, чем Саймон успел (снова) сказать «дерьмо».

Саймон припустил как сумасшедший.

Но какие у него были шансы? Практически нулевые. Если только у «Ягуара» вдруг не кончится бензин. Но он не кончился. Разумеется.

Машина неслась по тротуару, снося установленную на народные пожертвования мусорную урну и вминая в асфальт велосипед почтальона. Саймон припустил со всех ног.

Это могла бы быть погоня в духе крутого боевика. По проселочным дорогам и тенистым аллеям. Через поля. С пробитыми воротами, разлетающимися курами и лобовыми столкновениями со встречными тракторами. Всё в таком духе.

Но в реальной жизни всё иначе. Саймон не пробежал и пяти ярдов. «Ягуар» настиг его у запертого входа в супермаркет. Не насмерть. Просто зацепил. Но этого хватило, чтобы закончить дело. Профессионально.

Двери машины распахнулись. Выскочили люди в масках. Трое здоровенных лбов. С дубинками.

И одна женщина.

Она была без маски.

И даже оттуда, где лежал Саймон, прижатый к земле тремя тяжелыми правыми ботинками, она выглядела как настоящая красотка.

Она выглядела как Та Самая Красотка.

Она и была Та Самая Красотка!

— Твою мать, — выдохнул Саймон. — Ох, черт, черт, черт.

Красотка посмотрела на него сверху вниз. Она улыбалась.

— Помнишь меня? — спросила она.

— Твою мать, — снова пробормотал Саймон.

— Просто заберите деньги, — велела Красотка своим людям. — Не калечьте его, это лишнее. Нам нужны только деньги.

— Нет, — взвыл Саймон. — Нет, нет, нет!

— Да, — отрезала Красотка. — Да, да, да.

На этот раз она не подпрыгивала, а стояла неподвижно. И улыбалась.

Трое мужчин в масках убрали ноги с груди Саймона и вырвали сумки из его пальцев, которые всё еще судорожно сжимали ручки.

— Кто вы такие? — пролепетал Саймон. — I.R.A, да?

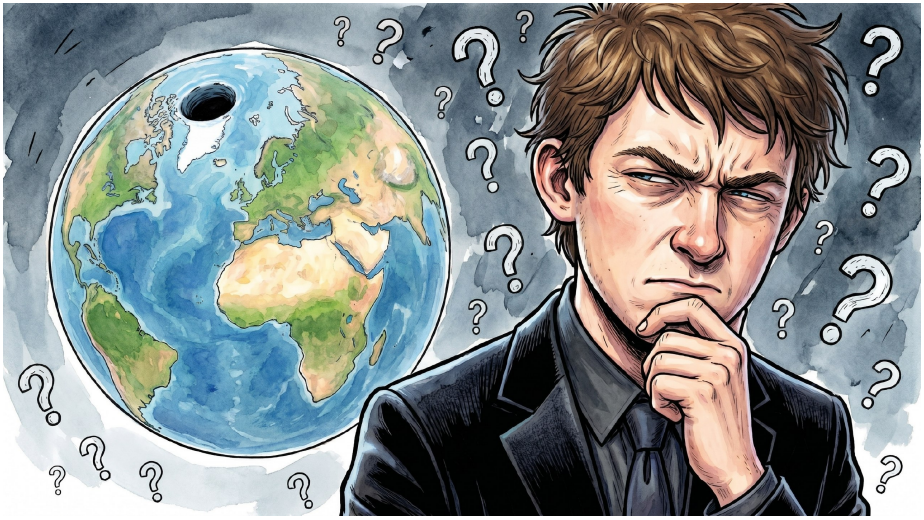
— I.R.A? — Красотка рассмеялась. — Нет, не I.R.A. Кое-кто посерьезнее. Впрочем, тебе не понять. Эти деньги нужны для финансирования опасной миссии. Чтобы взяться за оружие против воплощенного зла. Чтобы сражаться за правое дело. Ты отдаешь свои накопления ради чего-то истинного и благородного. Саймон, З.В.Е.Р.И. приветствуют тебя!

Люди в масках зааплодировали. Один из них бросил: «Красава, дружище».

Как ни странно, история не сохранила записей о том, что именно Саймон сказал в ответ.

* * *

Глава 10

* * *

В космосе время течет иначе, так что Рэймонд всё еще пировал в главном салоне парохода «Саламандра». Прошло всего несколько мгновений с тех пор, как он произнес те самые слова, о которых, как ни странно, не сохранилось никаких записей.

Гости закончили аплодировать и вернулись к еде. Профессор Мерлин подлил Рэймонду.

— Навостри уши, Рэймонд, — сказал шоумен, — ибо мне предстоит вывалить на твой порог кучу весьма пахучего дерьма.

Рэймонд ответил пьяным: «-А?»

— Вещи, которые ты обязан знать. Истинная правда, чистая и без примесей. То, что ты услышишь, может прийтись тебе не по вкусу, и тебе захочется отмахнуться. Однако это ничуть не умалит достоверности моих слов.

— А? — снова выдавил Рэймонд.

— Во-первых, я вынужден с прискорбием сообщить, что ты вовсе не пьян.

— Пьян! — Рэймонд глупо хихикнул. — Я в зюзю пьян, вот я кто!

— К сожалению, нет. Видишь ли, все напитки, что подают за этим столом, — исключительно безалкогольные.

Профессор выждал паузу, давая этой мысли «уложиться».

Рэймонд сфокусировал взгляд и попытался унять кружение в голове.

— О, — произнес он уже совершенно трезвым тоном. — Подумать только.

— Вот именно, подумать только. — Профессор Мерлин салютовал Рэймонду бокалом. — Но боюсь, тебе вряд ли, как мне кажется, придутся по вкусу мои следующие слова.

— А вот это уже удивительно. — Рэймонд взял свой бокал, принюхался к содержимому, вздохнул и поставил на место.

— Усаживайся поудобнее, дружок.

Рэймонд печально кивнул.

— Тогда слушай и впитывай, дитя. Начнем, пожалуй, с самого начала. Знакома ли тебе теория Симмса о концентрических сферах и полярных пустотах?

— Разумеется, — ответил Рэймонд. — Кто же о ней не слышал?

Профессор приподнял татуированную бровь.

— Это была ироничная ремарка? Или обыкновенное вранье?

Рэймонд пожал плечами.

— Пожалуй, обыкновенное вранье.

— Чепуха на постном масле, — Профессор Мерлин нахмурился, и Рэймонд завороженно наблюдал, как кончик его подбородка коснулся кончика носа. — Постараюсь быть краток. Чтобы избавить нас обоих от мучений.

Рэймонд отправил в рот еще одно лакомство. Раз уж не суждено напиться, то можно хотя бы как следует растолстеть.

— Капитан Джон Кливс Симмс был философом, — продолжил шоумен, — и у него имелась теория относительно устройства Земли. Он верил, что планета состоит из нескольких вложенных друг в друга сфер, открытых на полюсах, что позволяет перемещаться между ними. Ты следишь за мыслью?

Рэймонд прожевал и кивнул.

— Теория полой Земли. У моего приятеля Саймона была об этом книга. Идея о том, что внутри планеты может обитать иная раса, существует уже не одно столетие.

— И ты в эту теорию не веришь.

Рэймонд покачал головой.

— Ни капельки.

— И почему же, позволь спросить?

— Потому что всё это — чушь собачья. — Рэймонд подмигнул. — Хотя вот что я вам скажу. Слыхали, небось, про тех русских ученых? Проводили они, значит, эксперимент в Сибири. И пробурили дыру глубиной в целых двадцать три мили. И бур у них провалился в какую-то пещеру. И они спустили туда микрофон на очень длинном проводе. И ни за что не угадаете, что они там услышали.

— Звуки миллионов душ, вопящих в вечной агонии?

— О, так вы об этом уже слышали.

— Слышал. И звук этот, надо сказать, прескверный.

— Что?

— Но вернемся к теории Симмса. Что, если я скажу тебе, что планета Земля состоит из двух концентрических сфер, вложенных одна в другую? И что на внешних поверхностях обеих кипит разумная жизнь?

— Я бы сказал, что это бред сивой кобылы, — отрезал Рэймонд.

— И тем не менее, это правда.

— А вот и нет.

— А вот и да.

— Нет, — сказал Рэймонд. — Нет, нет и еще раз нет. Поверьте мне, профессор, если бы под землей жила какая-то другая раса, мы бы их давно обнаружили. И все эти дыры на полюсах... Нет никакого другого мира под тем, на котором я стою.

— Ты прав и наивен, как агнец, — профессор Мерлин снова улыбнулся. — Потому что другой мир находится НАД твоим.

— Повторите-ка?

— Это ты живешь внутри Земли. Другой мир находится прямо у тебя над головой. Милях в десяти, если быть точным.

— Нет, нет, нет. — Рэймонд покачал головой, над которой не было никакого другого мира. — Это уже какая-то запредельная чушь. Послушайте, если я выйду в сад и посмотрю вверх, я не увижу там днище другого мира. Я увижу небо.

— Иллюзию неба.

— Солнце — утром, луна — в ночи... — Рэймонд насвистал мотивчик, хотя и не мог вспомнить, кто это пел. — Я видел и солнце, и луну, и звезды, — заявил он.

— О нет, не видел.

— Да видел же!

— Нет, не видел.

— А вот и видел! — и Рэймонд показал язык.

— А ну-ка слушай! — Профессор Мерлин вскинул руки и напустил на себя грозный вид. — Я объясню это ровно один раз. И только когда я закончу, тебе будет дозволено задать вопросы. Смекаешь? Comprehendo? Все цилиндры работают? До тебя дошло?

Рэймонд кивнул.

— Не обязательно так кричать, — заметил он.

— Чудненько. — Шоумен расправил жилет и поправил цепочки своих часов, добиваясь изящной композиции. — Краткая лекция под названием «Истинная история человечества», читает профессор Прометей Мерлин.

— Прометей?

— Цыц!

— Виноват.

— «Истинная история человечества». Внимай же. Слушай в оба.

Рэймонд выпрямился.

— Разумная жизнь на Земле зародилась на внешней оболочке планеты давным-давно. Раса развивалась, как это часто бывает, создала общество и нанесла планету на карту. А потом обнаружила дыры на полюсах. Первые исследователи спустились через северное полярное отверстие на воздушных шарах и нашли мир внутри. Сумеречный мир, где царили чудовища из глубин. Динозавры. Мир, в котором впоследствии предстояло вырасти тебе, Рэймонд. Разумеется, тогда там было темно, сыро и для жизни людей не слишком-то приспособлено. Света, пробивающегося через полярные провалы, не хватало. Требовалось нормальное освещение.

Конечно, лишь спустя многие века появилась технология, позволившая создать искусственное солнце, миниатюрную луну, планеты и эффекты звездного неба, которые ты видишь сегодня. «Верхушечники» хотели создать там, внизу, настоящий Эдем и воспроизвести идеальную копию небес. Согласись, это настоящий инженерный шедевр. Весьма убедительно.

Рэймонд вздохнул и закатил глаза.

— И как это работает? — спросил он.

Профессор Мерлин пожал плечами.

— Не имею ни малейшего понятия. Но работает.

— Чушь собачья, — буркнул Рэймонд (он был не из тех, кто легко сдается).

— Заткнись!

— Виноват.

— Итак. Стало быть, так. Мир внизу готов к колонизации. Тогдашнее правительство едва не пошло по миру, сооружая искусственное солнце и всё прочее, но рассчитывало сорвать куш на миллионах страждущих, готовых скупать там землицу. Но — о горе мне! — к их удивлению, желающих переселяться не нашлось. В самом деле, если вдуматься, кому охота жить внутри планеты? Снаружи на голову могут посыпаться куски породы. Что, разумеется, и происходит. Вы называете их метеоритами. А искусственное солнце может время от времени барахлить, погружая вас во тьму…

— Которую мы, вне всякого сомнения, называем солнечным затмением, — вставил Рэймонд с крайне саркастичным видом.

— Заткнись еще разок.

— Виноват.

— Так вот, что оставалось делать правительству?

Рэймонд поднял руку.

— Ну что там? — осведомился профессор.

— Дайте угадаю. Они поступили в точности как мы, когда сплавляли каторжников в Австралию. Свалили всех своих преступников во внутренний мир.

— Ты — само воплощение точности, мой воробушек. Именно так они и поступили. Внутренний мир был богат ископаемыми, так что спекулянты мигом всё расхватали и использовали преступников как рабскую силу: на рудниках, на пашнях и бог знает где еще.

Рэймонд снова закатил глаза.

— Ну, как ты понимаешь, первые «поселенцы» были той еще бандой головорезов, и вопросы охраны природы их заботили мало, особенно когда дело касалось местной фауны, и потому...

— Я, я знаю! — рука Рэймонда снова взметнулась в воздух.

— Продолжай, — устало выдохнул профессор.

— Они истребили динозавров. Готов поспорить на что угодно.

— Истинно и безупречно. Именно так и было. С того момента история человечества во внутреннем мире течет почти так же, как ты читал в своих книжках. За тем исключением, что любые упоминания о мире наверху давным-давно вымараны.

— Погодите, погодите, — Рэймонд замахал руками. — Я тут чую парочку неувязок во всей этой схеме.

— Неужели? — удивился профессор.

— Именно. Ну, во-первых, как так вышло, что сегодня никто не знает о существовании внешнего мира?

— Но они знают, мой дорогой Рэймонд, еще как знают. Знают те, кто стоит у руля. Те, чья работа — поддерживать миф о том, что космос над головой — это безвоздушная пустота. Те, кто

контролирует население. Те, кто курирует межмировые перевозки «Джорджей» и наживается на них. Те, кто держит человечество в неведении.

— В смысле, вы про всяких там премьер-министров, президентов и им подобных?

— Это заговор внутримирового масштаба.

— Да ну, — Рэймонд покачал головой. — Если бы эти властители знали, что наверху есть целый мир, они бы только и мечтали туда перебраться.

— Так они и перебираются, юный Рэймонд. Постоянно.

— Не-а, — Рэймонд снова мотнул головой. — Что-то не слышно, чтобы президент США ежегодно пропадал на несколько месяцев кряду.

— Ты имеешь в виду "этого" президента? — Профессор Мерлин указал пальцем. И там, где только что сидела Зефир Чудотворная...

— Господин президент, — выдавил Рэймонд. — Как вы здесь оказались? А, я понял! Вы — это не вы! В смысле... О черт возьми!

— Насколько мне известно, — шоумен принялся загибать свои удивительные пальцы, — нынешнюю роль президента исполняют не менее четырех «верхушечников», работающих посменно. Никто внизу не заметит подвоха, потому что внешне они неотличимы.

— Они ходят среди нас, — проговорил Рэймонд.

— И продают нас на мясо. Они занимаются этим уже не одно столетие, с тех самых пор, как начали торговать с другими планетами. Сейчас франшиза принадлежит Урану.

— Абдулла, эта лживая морская звезда.

— Абдулла — пират. Куда более беспринципный, чем большинство.

Рэймонд принялся чесать затылок. Главный вопрос заключался в том — и вопрос этот был не из легких, — правда ли хоть что-то из этого? Насчет Абдуллы — чистая правда. Сменные президенты? Технически осуществимо. Но то, что мир, в котором он вырос, на самом деле находится внутри другого мира? Это все еще казалось чересчур притянутым за уши.

— А я могу это увидеть? — спросил Рэймонд.

— Увидеть что, старина?

— Землю. Снаружи. С её внешней оболочкой и дырами на полюсах. Через телескоп, например?

— Несомненно, сие возможно, — профессор Мерлин извлек из нагрудного кармана изящную латунную подзорную трубу. — Я так и думал, что ты об этом спросишь. Просунь-ка её вон в тот иллюминатор.

— В какой еще «вон тот»?

— Вон в тот, — профессор Мерлин указал пальцем, и Рэймонд заприметил искомое отверстие. Иллюминатор был вписан в эротическую настенную фреску таким образом, что результат выглядел, забавно, конечно, но, мягко говоря, непристойно.

Рэймонд извинился, выбрался из-за банкетного стола, подошел к игривому иллюминатору, приставил трубу к глазу, навел фокус и выпалил:

— Клянусь овцами Шивы! Там и правда огромная голубая планета с дырой в макушке.

— Ну, теперь-то картинка сложилась, — заметил профессор Мерлин.

Рэймонд вернулся к столу. Он вернул трубу профессору, а свой зад в ладно скроенном костюме — на стул.

— В моей планете дыра, — проговорил Рэймонд, сам себе не веря. — В моей планете дыра.

— В моей планете дыра, — повторил он. — Дыра.

— Должно быть, для тебя это стало шоком.

— «Шоком»? — Рэймонд спрятал лицо в ладонях.

— Возможно, у тебя есть и другие вопросы, которые ты хотел бы задать?

— Другие вопросы? — Рэймонд поднял лицо. — Да, парочка найдется.

— Тогда вопрошай, о гость моего стола.

— Ладно, — сказал Рэймонд. — Если допустить, что я верю в увиденное — а я, пожалуй, верю, — скажите мне одно. Вы сами с какой Земли? С внутренней или с внешней?

— С внутренней, как и ты. Меня и мой цирк похитили по прихоти одного очень дальневосточного владыки. Мы бы закончили свои дни в котле, если бы не прекрасная Зефир, — профессор Мерлин склонил голову перед упомянутой красавицей. — Мы «присвоили» это судно и совершили побег. Теперь мы путешествуем между планетами по поддельным бумагам, выдаем себя за «верхушечников» и при случае спасаем бедолаг. Собираем рекрутов для нашего правого дела.

— И дело это в том, что вы намерены пойти войной на «верхушечников»?

— Мы обязаны. Торговля людьми должна прекратиться. И нельзя допустить, чтобы нынешние замыслы «верхушечников» воплотились в жизнь.

— И что же это за замыслы?

— Планы по борьбе с загрязнением.

— Я снова потерял нить, — признался Рэймонд.

— Загрязнение, — профессор Мерлин потеребил кончик носа. — Идущее из недр Земли. С нашей Земли. Весь этот дым, газы и всё такое прочее. Как ты думаешь, куда всё это девается?

— Ну, я всегда полагал, что оно уходит в атмосферу и просто там болтается. Видимо, я ошибался.

— Ошибался, и еще как. Всё это вырывается через отверстия на полюсах и отравляет мир наверху. А миру наверху это осточертело. Их правитель, злобный деспот, решился на радикальный шаг: экологическую деприоритизацию внутреннего мира.

— Экологическую... что?

— Деприоритизацию. План состоит в том, чтобы выключить искусственное солнце и заткнуть дыры на полюсах. Забетонировать их. Запечатать. Наглухо!

— Что? — Рэймонд в ужасе откинулся на спинку стула. — Но если они это сделают, это же будет значить...

— Это будет значить, что последним живым существом в недрах Земли станет тот, кто умеет дольше всех задерживать дыхание. Полагаю, какой-нибудь ныряльщик за жемчугом.

— Это не смешно! — Рэймонд в ярости ударил кулаками по столу.

— Я и не пытался шутить. Ловцы жемчуга действительно могут не дышать очень долго. У меня в цирке когда-то выступал один такой. Повторял легендарный побег Гудини из бака с водой. Он просто задерживал дыхание и выпивал всю воду, пока не выбирался. В конце концов он слишком растолстел для выступлений, если мне не изменяет память.

— Хватит! — Громкий голос Рэймонда снова стал единственным звуком в комнате. — Мы должны действовать немедленно. Решительно. Ведите свою армию против злобных «верхушечников». Первым делом взорвите все их цементные

заводы! Для меня будет честью послужить этому благородному делу.

— Знал, что вы не откажетесь, сударь. Просто знал.

— Но бросить вызов целой планете… Это серьезное испытание. Сколько тысяч бойцов у вас уже собрано?

Профессор Мерлин задумчиво потеребил подбородок:

— Сколько тысяч, ты говоришь?

— У вас ведь есть несколько тысяч бойцов?

— Несколько тысяч? Нет.

— Тогда хотя бы тысяча?

Профессор Мерлин покачал головой:
— Ну, не то чтобы.

— Значит, несколько сотен?

Профессор Мерлин неопределенно покачал ладонью в воздухе.

— И снова — не совсем, — сказал он.

— Сколько же человек в вашей армии? — потребовал ответа Рэймонд.

— Только ты, — ответил профессор. — Ты и есть вся армия.

— Я? — Рэймонд, который в пылу беседы вскочил со стула, рухнул обратно. — Я — вся армия? Но вы же говорили, что спасаете людей! Что вербуете добровольцев для общего дела!

— Так и есть, мой юный друг. Но ты — первый, кто действительно прошел вступительный экзамен. Как по-твоему, может, я задал слишком высокую планку? Может, стоит просто давать им заполнять анкету или что-то в этом роде, вместо того чтобы каждый раз тратиться на целый банкет?

Рэймонд снова закрыл лицо руками. И на этот раз зарыдал.

— Что-то не так, мой мальчик?

— О нет, — всхлипнул Рэймонд. — Что тут может быть не так? В моем мире вот-вот закатают в асфальт все отдушины, а армия освобождения состоит из меня одного. Разве может хоть что-то быть не так?

* * *

Глава 11

* * *

Саймон, прихрамывая, доплелся до дома и пнул кота. Не то чтобы специально, а так — мимоходом. Как оно обычно и бывает. Учитывая обстоятельства.

Кот был совершенно заурядный. Один из тех полосатых типов, что вьются вокруг ног, словно шелковые извращенцы, когда хотят жрать, и демонстративно игнорируют вас всё остальное время. Саймон редко вспоминал, что кота надо кормить, но кошки куда глупее, чем привыкли считать их восторженные хозяева, поэтому этот экземпляр возвращался снова и снова в надежде на бесплатный обед. Впрочем, сегодня ему ничего не перепало.

Взаимной симпатией там и не пахло. Кот ни капли не походил на Саймона, а тот, в свою очередь, ничуть не напоминал кота.

Саймон пнул кота. Кот вцепился Саймону в ногу. Саймон выругался на чем свет стоит, толкнул входную дверь, вошел в дом и, прихрамывая, потащился наверх.

Он был крайне недоволен тем, как сложился этот день. Отодвинув комод, он выворотил плохо закрепленную половицу, вытащил «Величайшее шоу за пределами Земли», подбросил книгу в воздух и с размаху боднул ее головой, отправив в полет через всю комнату.

Затем он закричал, рухнул на кровать и снова схватился за свою бедную, раскалывающуюся голову. Теперь казалось, что она болит в стереорежиме.

— Ну вы и мерзавцы, — пожаловался он миру. — Грязные, поганые мерзавцы.

Когда двоение в глазах прошло, Саймон прополз по полу и подобрал биографию Рэймонда.

— Развели, — прорычал он. — Кинули. Обобрали до нитки. И весь мой выигрыш, и сотню фунтов в придачу.

Страдалец вернулся на свое ложе боли и разложил книгу на коленях. Смело отправившись туда, куда не ступала нога человека — ну, по крайней мере, его собственная, — Саймон сразу заглянул в конец книги. Есть ли там именной указатель? Да, есть. Упоминается ли он? Да. Хотя записей не так уж много, если учесть толщину книги. На самом деле, последняя запись обнаружилась на девяносто четвертой странице.

— Погодите-ка. — Саймон яростно пролистал страницы назад. Да, вот он — выходит из букмекерской конторы с выигрышем. Саймон пробежал глазами по тексту. Ни слова о том, что его сбила машина или что террористы из «З.В.Е.Р.И.» украли все его деньги. С чего бы это, а?

— А я скажу, с чего, — Саймон скривился. — Потому что эту чертову книгу написали в «З.В.Е.Р.И.», и они вряд ли признаются, что стащили мой выигрыш. Что они там пишут?

Он прочитал вслух:

* * *

Внезапным и совершенно неожиданным
жестом доброй воли Саймон пожертвовал
весь свой выигрыш на нужды
местной благотворительности.
И на этой бескорыстной ноте
он более не принимает участия
в нашем повествовании.

* * *

— Что?! — Саймон вытаращился на книгу. — «Более не принимает участия в нашем повествовании»? Да вы развели меня, вы...

Пожилая пара по соседству была глухой, так что слова «УБЛЮДКИ!» они не услышали. Зато почувствовали, как завибрировала стена, и увидели, как их фотография Королевы-матери в рамке (да благословит вас Господь, мэм) рухнула прямо в ящик для угля. Что было весьма досадно.

— Вы не можете так со мной поступить, — Саймон погрозил кулаком предательской странице. — Я вам не позволю! Я... я... — Он и сам не знал, что сделает. — Нет, я знаю, что сделаю, — продолжал он. — Я солгу. Вот что я сделаю. Когда у меня будут брать интервью для этой книги, я назову имена других лошадей. Тогда я не выиграю деньги. Посмотрим, как вам это понравится. Ублюдки.

Он пролистал несколько страниц назад. Имена лошадей-победительниц по-прежнему красовались в рамке в начале девятой главы.

— Черт, — сказал Саймон. — Черт, черт, черт. Ничего не понимаю.

И тут в дверь Саймона постучали.

Саймон в тревоге вскинул взгляд, а затем снова уставился в книгу.

Ответа там не было.

— Черт. — Саймон снова швырнул книгу на пол, встал с кровати, поплелся к окну спальни и выглянул наружу.

Внизу стояли трое. Двое в полицейских шлемах, а у третьего — прическа а-ля Артур Скарджилл с зачесом на лысину.

— Полиция! — Саймон вжался в стену. Зачем он им понадобился? Он ничего не сделал. Он невиновен. Он был совершенно невиновным человеком. — Я невиновен, — пробормотал Саймон. — На самом деле…

На безрадостном горизонте, коим являлось будущее Саймона, вдруг появилась крошечная точка со словом «НАДЕЖДА». Слово «НАДЕЖДА» расцветало. Под стать повествованию. Оно росло и росло.

— Ну конечно, — сказал Саймон. — Теперь я понял. Кто-то наверняка видел, как меня грабили на Хай-стрит, и позвонил в полицию, описав «Ягуар». Полиция перехватила машину, и после зубодробительной погони по проселкам, тенистым аллеям и полям — со сносом ворот, разлетающимися во все стороны курами и лобовыми столкновениями с тракторами, которых чудом удалось избежать, — завязалась перестрелка. Всех террористов из З.В.Е.Р.И. перебили (НАДЕЮСЬ), и теперь стражи порядка хотят, чтобы я явился в участок и опознал свой похищенный выигрыш. Иначе и быть не может.

Нужен особый склад ума, чтобы до такого додуматься, верно?

— Иду! — крикнул Саймон.

* * *

Констебли знали Саймона, а Саймон знал констеблей. Они вместе учились в деревенской школе. Саймон не помнил за ними никакой былой вражды. Хотя был почти уверен, что у одного из них была младшая сестра, с которой он когда-то…

— Добрый день, офицеры, — бодро начал Саймон. — Чем могу быть полезен?

— Мистер… — обладатель прически в стиле Артура Скарджилла назвал фамилию Саймона.

— Не так громко, — Саймон замахал руками. — Да, это я.

— Мистер…

— Саймон, пожалуйста, просто Саймон.

— Я буду называть вас «сэр», если вы не против.

— Сэр? Меня что, произвели в рыцари?

— Нет, э-э, сэр. Но как слуги общества мы обязаны обращаться к этому самому обществу в почтительной и вежливой манере. Это традиция, древний устав или просто заезженное клише. Моя фамилия инспектор Д'Рянь. И я хотел бы задать вам несколько вопросов, сэр.

— Я не против, — сказал Саймон.

— Да ты никогда не против, — пробормотал один из констеблей. Тот самый, с сестрой, как и предполагал Саймон.

— Благодарю, констебль. Сэр, я бы хотел войти в дом на пару минут.

— А ордер на обыск у вас есть? — спросил Саймон.

— Нет, сэр. А почему вы спрашиваете?

— Всегда хотел посмотреть, как он выглядит.

— Я видел однажды, — подал голос второй констебль. — Ничего особенного. Просто бумажка, на машинке напечатанная.

— Спасибо, констебль. — Инспектор Д'Рянь протиснулся мимо Саймона. — Сюда, сэр?

— А вы, парни, заходить будете? — спросил Саймон.

— Нет, — констебль, тот самый, что с сестрой, покачал головой. — Мы будем охранять вашу входную дверь.

— Зачем? Думаете, кто-то попытается её украсть?

— Нет. Мы будем охранять входную дверь, чтобы вы через неё не вышли.

— Но я и не собираюсь выходить. Я здесь живу.

— Можете и в бега податься. Такое случалось.

Саймон пожал плечами:
— Ну, если надумаю, то сделаю это через заднюю дверь, чтобы не отвлекать вас от исполнения служебных обязанностей.

— Благодарю вас, сэр.

— Нет, постойте, — вмешался второй констебль, у которого не было сестры, зато он однажды видел ордер на обыск. — Могу я пройти и встать у задней двери?

— Милости прошу.

Констебль прошел в дом и замер у задней двери. Саймон последовал за инспектором Д'Рянь в гостиную.

— Итак, — сказал Саймон. — Надеюсь, новости хорошие. Вы уже кого-нибудь арестовали?

Инспектор покачал головой. Прядь сальных волос упала ему на правое ухо.

— Ожидаем, что это случится в самое ближайшее время, — ответил он.

— У меня прямо камень с души свалится, — заметил Саймон.

— Хорошо, сэр, хорошо. — Инспектор Д'Рянь достал стандартный полицейский блокнот, вытянул тонкий карандаш из корешка, лизнул кончик и сделал пометку. — Хорошо, — повторил

он. — Это значительно упрощает дело для всех нас. Уверен, вы понимаете.

Саймон кивнул:
— Нет.

— Так вот. Если позволите, проясним пару деталей. — Инспектор выудил цветную фотографию. — Вы знаете этого молодого человека? — спросил он; сама фраза показалась Саймону смутно знакомой.

Саймон взял фотографию.
— Рэймонд, — сказал он. Это был действительно он.

— Значит, вы подтверждаете, что сходство с покойным налицо?

— Покойным? — Саймон вернул снимок. — Что значит «покойным»?

— Ну, пропавшим. Но, как вы понимаете, «пропал без вести» сегодня — частенько означает «сыграл в ящик» завтра.

— Сыграл в ящик? Что значит «сыграл в ящик»?

— Ну, в данном случае я имею в виду уголовное дело об обнаружении трупа. В отличие, скажем, от специально заказанного ящика из акульей кожи с чеканной крышкой, в котором этот труп мог бы храниться.

— Благодарю, что прояснили.

— Итак, сэр. Когда вы в последний раз видели «пропавшее лицо»?

— А-а. — Саймон состроил задумчивую мину. Правильным ответом на этот вопрос был бы, разумеется: «Позавчера вечером, на участках. Его засасывало в чрево летающей морской звезды с Урана». Но если ответ правильный, значит ли это, что он самый подходящий? Саймон решил, что определенно нет.

— Точно не помню, — произнес он. — Может, неделю назад.

— Около недели назад. — Инспектор пометил это в блокноте. — А как насчет этой дамы? — Он выудил еще одну фотографию и сунул её под нос Саймону.

Саймон глянул один раз. Потом другой. Это была Красотка.

— Это она! — Вопль вышел знатный. В гостиной за стенкой любимая бабушка Британии снова обнаружила себя в ящике для угля. — Это она. Та самая женщина. Вы забрали деньги?

— Забрал ли я деньги, сэр? О каких именно деньгах речь?

— О моих деньгах!

— Ваших деньгах?

— Не паясничайте. Вы прекрасно понимаете, о чем я.

— Думаю, да, сэр. — Инспектор Д'Рянь продиктовал себе очередную заметку: — «Подозреваемый осведомился, получил ли я деньги, которые он мне выслал».

— Я этого не говорил! Какой еще подозреваемый? Что вы несете?

— Эта женщина числится пропавшей со вчерашнего вечера, сэр. На работе не появилась, в постель не ложилась. Это уже второй случай за неделю, сэр. И оба раза вы — главный фигурант.

— Фигурант? Ни какой я не фигурант!

Инспектор пролистал блокнот назад.
— Верно ли будет утверждение, что вы страдаете «потерей кратковременной памяти»?

— Нет, не верно! Послушайте, кто эта женщина?

— Бостонский душитель.

— Да какой это Бостонский душитель! Бостонский душитель был похож на Тони Кертиса.

— Потеря краткосрочной памяти, — произнес инспектор. — У Бостонского душителя была та же беда. Убил семерых женщин и хоть бы что запомнил.

— Я не страдаю потерей памяти.

— Жена викария утверждает обратное, сэр.

— У меня безупречная память, — отрезал Саймон. Хотя о жене викария он действительно забыл. — У меня абсолютная память.

— Но вы не в состоянии припомнить, когда в последний раз видели пропавшего джентльмена с фотографии.

— Нет.

— Тогда, возможно, я вам помогу. — Инспектор снова заглянул в свой блокнот. — Ах да. По словам некоего Долговязого Боба, птицевода и давнего члена местной торговой палаты, это было около половины девятого вечера позавчера, на участках. Цитирую его показания: «Саймон вел себя с Рэймондом крайне подозрительно. Полагаю, он снова баловался галлюциногенными грибами».

— Вот же гад! — в сердцах бросил Саймон.

— Начинаете припоминать, сэр?

— Слушайте, ладно, я был с Рэймондом позавчера вечером. Но Рэймонд не важен. Давайте забудем о Рэймонде. Давайте поговорим о женщине.

— Значит, вы всё-таки хотите сознаться по поводу той женщины, сэр? — Инспектор снова облизал кончик карандаша. — Не одолжите мне точилку?

— Нет!

— Прошу прощения. «Нет» — это вы не хотите сознаваться или у вас нет точилки?

— Просто назовите мне имя этой женщины, — взмолился Саймон. — Это всё, что я хочу знать.

— Хотите сказать, вы даже не спросили, как ее зовут? И это после того, как провели с ней целый вечер? — Инспектор снова зашуршал страницами. — Согласно показаниям Энди, бармена из «Веселых садовников»: «Он сразу на нее нацелился. Тратил деньги Рэймонда. Напоил ее в стельку, а потом они вместе ушли. Это был последний раз, когда я видел ее живой». Кроме того, у меня есть свидетельства как минимум пяти ночных собачников, которые утверждают, что видели, как вы с этой молодой особой «тестировали пружины подвески» в кабине грузовика мистера Хилсэвиза. Это там вы ее прикончили, сэр? Как и всех остальных?

— Какие еще остальные?

— Ну полноте, сэр. Почему бы вам не выложить всё как на духу? У меня на столе целая стопка дел о пропавших без вести, которые пылятся годами. Где вы зарыли все эти тела, сэр? На огородах?

— Никого я не зарывал, — Саймон почувствовал, как по спине пополз липкий пот.

— Рано или поздно мы всё равно их найдем. На сей раз вы действовали слишком грубо, перепахав всё вокруг.

«Перепахав всё вокруг? Это же серые люди заметали следы!»

— Постойте, — взмолился Саймон. — Пожалуйста, выслушайте. Я никого не убивал и никаких тел не хоронил. Вы совершаете чудовищную ошибку. Рэймонд жив-здоров. Черт возьми, я могу прямо сейчас сказать вам, где он. Мне нужно только покопаться в книге.

— Вы сказали «выкопать» его, сэр? — Карандаш, хоть и тупой, снова заплясал по бумаге.

— Я сказал «покопаться в книге». Вы прекрасно меня слышали.

— Значит, вы признаете, что ведете учет своих жертв в особой книге? — Инспектор сверился со своим блокнотом. — Это из-за провалов в краткосрочной памяти, как у Бостонского душителя?

— У меня нет никаких провалов в памяти! — Саймон в ярости потряс кулаками.

— Предупреждаю вас, сэр: я не побоюсь применить этот карандаш.

— Ладно! — Саймон спрятал кулаки в карманы.

— Так могу я взглянуть на эту вашу книгу? — спросил инспектор.

— Нет, — отрезал Саймон. — Категорически нет.

— Ох-ох-ох, — инспектор покачал головой, и еще одна мерзкая прядь волос свесилась ему на правое ухо. — А я-то надеялся, что вы пойдете навстречу. Вспомните, когда я сообщил, что мы собираемся вас арестовать, вы сказали, цитирую: «У меня прямо камень с души свалится...»

— Да, — сказал Саймон, — но я не имел в виду...

— О, так вы всё-таки помните свои слова? Значит, вы всё это время лгали насчет провалов в памяти?

— Я никогда не говорил, что у меня провалы в памяти!

— По словам жены викария, вы носите в бумажнике справку от врача на этот счет. Не будете ли вы так любезны вывернуть карманы, чтобы мы могли раз и навсегда прояснить этот вопрос?

— Без ордера на обыск — черта с два!

— Саймон... — инспектор официально произнес его фамилию, — я арестовываю вас по подозрению в совершении серии убийств. Вы не обязаны ничего говорить, но всё, что вы скажете...

— Нет! — Саймон вскинул руки.

— Осторожнее со словами, сэр, я всё записываю.

— Нет. Послушайте. Я не совершал того, в чем вы меня обвиняете. У меня наверху есть книга, которая докажет, что я говорю правду. Я не хотел, чтобы вы ее видели. Я вообще не хотел, чтобы кто-либо ее видел...

— Что, такая жуткая, сэр? Надеюсь, не в человеческую кожу переплетена?

— Разумеется, нет, — Саймон закрыл лицо руками.

— Жаль. Но продолжайте. Значит, книга докажет вашу невиновность? Кстати, позвольте полюбопытствовать: кто ее написал? Вы? Или, быть может, сам Господь? Вы что, слышите голоса, сэр? Это Бог толкает вас на всё это?

— Бог, — подтвердил Саймон. — Безусловно. А теперь, если вы позволите мне сходить за ней, вы сможете сами всё прочитать. Возможно, вы даже там упоминаетесь. Очень на это надеюсь.

— Э-э, сэр?

Саймон уже стоял в дверях.

— Да? — отозвался он.

— Сэр, вы предлагаете мне, представителю закона, позволить вам — человеку, который практически признался в серийных убийствах и которого пресса, вне всякого сомнения, вскоре окрестит «Брэмфилдским мясником», — подняться наверх и принести книгу, якобы продиктованную вам самим Господом Богом?

— Это займет всего минуту, — сказал Саймон. — К тому же у вас есть констебль, охраняющий черный ход.

— Ступайте, сэр. Несите свою книгу.

— Благодарю. Я мигом.

Саймон поднялся в спальню, накинул пиджак, схватил биографию Рэймонда и зажал ее под мышкой. Затем на цыпочках пересек коридор, прошмыгнул в ванную, вылез в окно, бесшумно соскользнул по водосточной трубе и снова бросился в бега.

Глава 12

— Хорошо, — сказал Рэймонд, наливая себе водки, залпом опрокидывая ее и тут же наливая еще.

— Хорошо, хорошо, хорошо. — Он поднял стакан, салютуя профессору. — Хорошо, — повторил он.

— Почему он всё время говорит «хорошо»? — спросил профессор Мерлин у Зефир.

Красавица неопределенно шевельнула шелковым плечиком Ширли-из-швейной-мастерской. Сказать это было куда сложнее, чем сделать.

— Хорошо, — профессор Мерлин ухмыльнулся Рэймонду. — Хорошо ведь, а?

— Я имею в виду — хорошо. Ладно. Я сделаю это. В смысле — хорошо. Значит, я один. Шансы против целой планеты, о которой я не знаю ровным счетом ничего, прямо скажем, невелики. Да их вообще нет, если начистоту. Но с чего-то надо начинать.

— Браво, мон Армани! — профессор подкрутил усы. — Начало положено. К прискорбию, это же и финал. Но, как я всегда говорю: хорошо намыленная борода — наполовину сбрита.

— Что значит «финал»?

— Боюсь, темпус фигит. У нас не осталось иных планет для представлений, кроме Сатурна. А оттуда нам нужно будет задать стрекача обратно на Землю. Престо-быстро, абракадабра, в темпе вальса и чур не мешкать в пути.

— Это правда, — Зефир одарила Рэймонда улыбкой, которую он принял с должным скептицизмом. — «Верхушечники» намерены запечатать полярные проходы в течение недели. Если мы хотим им помешать, мы должны быть там в ближайшие два дня.

— Два дня на путь от Сатурна до Земли? — Рэймонд приподнял брови вместе со стаканом. — Да это же бред. За кого вы меня принимаете, за какого-нибудь осто...

— Осторожного? — осведомился профессор. — Осточертевшего? Или просто осто?

— Остолопа. Нельзя добраться от Сатурна до Земли за два дня!

— Неужели? — профессор Мерлин подхватил с тарелки виноградину, засунул ее в левую ноздрю, а затем извлек из правого уха. — Это из той же оперы, что и «нельзя летать на пароходе сквозь космос»?

— Примерно из той же, да. Кстати, весьма отвратительный фокус.

— А по-твоему, было бы менее отвратительно, если бы я засунул ее в ухо, а вытащил из носа? — профессор Мерлин проглотил виноградину.

Рэймонд отхлебнул еще водки. — Нам пора выдвигаться, не так ли? Полный вперед на Землю.

— Всему свое время, мой мальчик. У нас еще шоу на Сатурне.

— Плевать на Сатурн, — отрезал Рэймонд.

— Что, и подвести мою публику?

— Плевать и на вашу публику тоже.

— Стало быть, ты полагаешь, что выступать на Сатурне нам не стоит?

— Нет, — отрезал Рэймонд. — Разумеется нет.

— Какая жалость. Но тебе, полагаю, виднее.

— В данном случае — безусловно. Мы должны немедленно отправляться на Землю.

— Значит, ты не считаешь, что нам стоит сначала спасти две сотни похищенных, которые заперты в пузырях на Сатурне?

— Что? — только и вымолвил Рэймонд. — Что-что-что?

— Вот зачем мы здесь, понимаешь ли. Последняя партия перед тем, как всё закатают в асфальт. Они прибыли вчера вечером. Я подумал, было бы любезно с нашей стороны их подбросить. Нам ведь всё равно, так сказать, по пути.

— Двести человек? — Рэймонд присвистнул.

— Ужасно раздражающий у тебя свист, — заметил профессор. — Но тем не менее — ровно две сотни. Все с бьющимися сердцами и пока еще по эту сторону мясного прилавка. Упакованы в пузыри и ждут распродажи. Жаль оставлять их здесь. Но раз уж ты всё решил...

— Нет, — сказал Рэймонд. — Не решил. Двести человек. Разумеется, мы должны их спасти. Как вы думаете, сколько человек нужно, чтобы собрать полк?

Профессор понятия не имел.
— Ровно двести, — ответил он. — Двести один, если считать тебя. Ты, само собой, будешь генералом.

— Что ж, — Рэймонд потер руки. — Мы должны разработать план кампании. Сверить часы. И всё в таком духе. У вас случайно нет карты?

— Нет, — ответил профессор Мерлин. — Это просто брюки так топорщатся.

Пирующие разразились хохотом.

— Очень остроумно, — сказал Рэймонд. — Но я, разумеется, имел в виду карты Сатурна. Планы улиц и всё прочее, чтобы понимать, где вы будете выступать и где держат похищенных. У вас есть такие карты?

— Целые горы! — ответил профессор, пихая Рэймонда локтем в бок.

— Осторожнее с костюмом, прошу вас.

— Пардон, виноват. Пришли мне счет из химчистки. Карты у нас есть, Рэймонд, и в избытке.

— А как насчет оружия?

— У меня есть моя верная шпага. — Профессор Мерлин извлек её из сверкающих ножен, величественно взмахнул и принялся раздавать тычки и удары направо и налево прямо среди пирогов и пудингов. — Всяк, кто встретит её на своем пути, сделает это на свой страх и риск!

Рэймонд пригнулся, когда рапира со свистом пронеслась над его головой, едва не задев ухо.

— Охотно верю, — заметил он.

— Еще бы, — профессор Мерлин критически осмотрел ассортимент сыров, которые он нанизал на клинок, словно на шампур. — Кто-нибудь желает закусок на десерт?

— А что насчет пушек? — поинтересовался Рэймонд. — У вас есть какой-нибудь крупный калибр?

— Крупный калибр? Ты имеешь в виду осадные орудия? — Профессор Мерлин принялся поглощать сыр с галетами.

— Вообще-то, я скорее имел в виду пулемет «Дженерал Электрик».

— А-а, — протянул профессор. — Ты про те потрясающие вертушки, ну, вроде той, что была у Блейна в «Хищнике»?

Рэймонд с энтузиазмом закивал.

— Нет, таких нет.

— Есть, — отозвалась Зефир.

— Да неужели? — профессор так и брызнул крошками печенья.

— Если Рэймонд этого хочет, значит, у Рэймонда это должно быть.

— Ну да, разумеется. Значит, всё решено.

— Прошу прощения, — сказал Рэймонд. — Я что-то пропустил? Что именно решено?

— План кампании.

— Точно пропустил. — Рэймонд поскреб в затылке. — Какой еще план кампании?

— Динь-день-дребедень, — профессор смахнул крошки с подбородка. — Тот самый, ради которого тебе понадобились карты. Я исхожу из того, что, пока мой цирк будет выступать при

полном аншлаге и под бурные овации, ты спасешь людей и тайком переправишь их на корабль.

— А-а, вот какой план. — Рэймонд медленно кивнул.

— Не в моем стиле, — заметил профессор. — Но уверен, ты лучше знаешь свое дело. Как я всегда говорю: карлик на плечах великана видит дальше самого великана.

— Вы всегда так говорите?

— Всегда. За исключением тех случаев, когда говорю что-то другое. Итак, теперь, когда всё улажено, позволь представить тебя моим артистам?

Рэймонд обвел взглядом ряды сияющих лиц.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Раз уж всё улажено.

— Вот и чудно! — Профессор Мерлин потянулся к бутылке водки, чтобы налить себе, но та оказалась пуста. — Вот и чудно, — повторил он.

Вот и чудно!

Эта фраза напомнила Рэймонду об одном пабе в родном Брэмфилде. И ему до боли захотелось оказаться именно там.

И, по чистому совпадению, именно в этот самый момент…

* * *

Распашная дверь паба «Веселые садовники» скрипнула на петлях, и внутрь бочком просочился Саймон, лучший друг Рэймонда.

День у Саймона выдался паршивый, и ему позарез нужно было пропустить стаканчик, прежде чем бежать из страны. Дело житейское.

Пол, подрабатывающий здесь барменом, сидел в дальнем конце пустующей стойки. Он разгадывал кроссворд в «Таймс» и даже не поднял головы.

— Вечер добрый, Саймон, — бросил он. — Новая шляпа?

— Нет! — Саймон прошествовал к своему любимому табурету, взобрался на него и сердито уставился на бармена. — Это не новая шляпа, потому что я вообще не ношу шляп. Никогда не носил и не собираюсь. Я что по-вашему, шляпник?

— Нечего огрызаться, — отозвался Пол, не отрывая взгляда от пятого пункта по горизонтали: «С кем происходило чаепитие у Алисы. Семь букв». — Спасибо.

— Это даже не смешно. Это просто жалко.

— День не задался, да? — Девять по вертикали: «Ужасный», десять букв.

— Чудовищный.

— Спасибо. — Пол вписал слово.

— Где Энди? — спросил Саймон.

— Выходной. А зачем он тебе?

— Да ни зачем. Он не упоминал, что я могу зайти?

Пол плечами изобразил «нет» и вернулся к кроссворду, даже не поинтересовавшись, что Саймон будет пить.

Саймон окинул взглядом пустой зал. Он прекрасно знал, что у Энди выходной, иначе ни за что не рискнул бы сунуть сюда нос. Но он не знал, успел ли Энди сболтнуть Полу о показаниях, которые Саймон дал инспектору Д'Рянь. Судя по всему, нет. Возможно, на короткое время это место станет безопасным убежищем для человека в бегах.

— Выпивку-то можно получить? — спросил Саймон. — Тут человек в отчаянии.

Пол щелкнул ручкой, сложил газету и чинно проследовал вдоль стойки.

— Пинту обычного?

— Двойной скотч.

— Будет сделано. — Пол подставил стакан, и медленно, с расстановкой, отмерил порцию.

Саймону Пол нравился. Как и большинству завсегдатаев «Садовников». За исключением тех, кому он не нравился, конечно же. Этим он не нравился категорически. А вот Саймону — очень даже.

Пол был парнем «что надо». Высокий, слегка за тридцать, зубы свои, волосы на месте, да и талия еще не заплыла. Один развод за плечами, подружка с младенцем и старый «Лотус», на ремонт которого вечно не хватало денег. Пол был легким на подъем. Ненапряжным. Несуетливым. Жил в своем собственном ритме. Ну, вы поняли.

— Полтора фунта, — бросил Пол, ставя перед Саймоном стакан.

— У меня договоренность с Энди. Запиши на счет Рэймонда.

— Идет. Буду держать в уме, сколько ты выпил. К черту бумажную волокиту. Что-нибудь еще?

Саймон издал то самое «х-х-х-х», которое получается, когда опрокидываешь двойной скотч залпом, и выдавил:
— Повтори, будь добр.

— Я так и думал, — Пол снова повернулся к дозатору. — Что за книга? — спросил он через плечо.

— Книга?

— Та, которую ты вынашиваешь подмышкой.

— Кажется, научная фантастика.

— Только не говори, что это та муть, которую строчит Писака?

— Он пишет научную фантастику?

— Судя по всему, — Пол пододвинул Саймону еще один двойной скотч. — Болтал, что накатал десятки книг. Не то чтобы я видел хоть одну в магазинах. Дай-ка глянуть.

— А, нет, — Саймон плотнее прижал локоть к боку. — Первое издание. Нельзя страницы мять. Извини.

— Хозяин — барин. Тебе еще налить, или я могу вернуться к кроссворду?

— Пока хватит. Мне скоро пора. И я... — Звук открывшейся двери заставил Саймона осечься и резко развернуться на табурете. Это место было явно не для него. В этой деревне было слишком много потенциально опасных личностей, заходящих в паб. Люди в сером. Парни в синей униформе. Садовод из ада. Террористы из З.В.Е.Р.Я. бог весть откуда.
Саймон уже приготовился снова сверкнуть пятками.

Но это был всего лишь Писака.

— Какое совпадение, — заметил Пол. — Мы как раз обсуждали твои труды.

— Вне сомнения, в самых лестных выражениях. — Писака тяжело проследовал к стойке. Медлительный он был малый, этот Писака. По сравнению с ним даже Пол казался суетливым живчиком. Этим ранним вечером он явился при полном писательском параде.

Загородный твид, сапоги для верховой езды, цепочка от часов, бархатный шейный платок. Куча претенциозных побрякушек. Лет сорока пяти, спереди лысина, сзади — «конский хвост». Раздавшийся в талии и с чуть перебитым носом. И крайне прижимистый.

Писака зевнул. Во рту блеснуло обилие пломб — результат чрезмерной любви к сладкому.

— Я искал тебя, Саймон, — сказал он. — Ты куда это? — продолжил он, глядя на Саймона.

— В туалет, — бросил тот, направляясь к двери.

— Ну, не задерживайся. Я хотел угостить тебя.

— О, — отозвался Саймон. — Тогда туалет подождет.

— Мне «Смерть от сидра», Пол, и то же самое, что пил Саймон.

Саймон вернулся на свой табурет и наблюдал, как Писака следит за тем, как Пол наливает двойной скотч.

— Так вот что ты пил, значит? — У Писаки едва заметно дернулась губа. — Не то, что обычно?

— Будем! — сказал Саймон.

Пол подал Писаке его пинту.

— Прошу, — сказал Пол.

— Ну, вздрогнем, — отозвался Писака, терзая кошелек. — Вздрогнем, так и быть.

Деньги перешли из рук в руки, и Писака тщательно пересчитал сдачу. Пол вернулся к кроссворду. Саймон хищно улыбнулся.

— Так вот, — произнес Писака, устраиваясь на барном стуле.

— Ну? — спросил Саймон, косясь на дверь.

— Видишь ли, я пишу книгу, — начал Писака. — Это своего рода фэнтези, но для пущей убедительности я решил перенести действие сюда, в Брэмфилд. Вообще-то, это идея издателей. Они провели исследование и решили, что это идеальное место. Мало того, они даже выдали мне список местных жителей, которых я должен туда вставить. Обычно я работаю иначе, но они платят…

ну, ровно столько, чтобы сводить концы с концами, так что приходится играть по их правилам.

— Невероятно увлекательно, — отозвался Саймон, уже ополовинив свой двойной виски. — Но мне действительно пора.

— Я тебя не задержу. Просто хотел попросить совета.

— Почему у меня?

— Потому что ты в моей книге.

— Что? — не понял Саймон.

— В главной роли.

— Что-что?

— Вообще-то мне не положено говорить. Все это под большим секретом. Понятия не имею почему, это же просто выдумка. Но я застрял на одном скользком моменте в сюжете и не знаю, куда двигать дальше. Вот и подумал: если спрошу, как бы ты поступил в жизни, это придаст книге капельку достоверности.

— ЧТО?!

— «Что» у меня уже есть, спасибо! — крикнул Пол с другого конца стойки. — Было по вертикали: «местоимение, заменяющее название предмета». Сейчас три по горизонтали. «Единица мощности, равная одному джоулю в секунду». Первая В, заканчивается на ТТ. Четыре буквы.

— А? — снова спросил Саймон.

— А, ВАТТ! Точно, спасибо. — Пол заскрипел ручкой в газете.

— Капельку достоверности, — повторил Писака. — Ты что, глуховат или что?

— Нет, — отрезал Саймон. — Но давай проясним. Ты пишешь фэнтези, и действие происходит в Брэмфилде.

— Отчасти в Брэмфилде.

— И у меня там главная роль.

— Одна из двух главных ролей.

— И кто же второй, позволь полюбопытствовать?

— Никогда не догадаешься.

— Неужели?

— Рэймонд, — прошептал Писака.

— Рэймонд. Понятно. — Саймон погладил подбородок, и, надо признать, на его губах заиграло некое подобие ироничной усмешки. Как оно обычно и бывает в таких случаях.

— Могу я осведомиться, — произнес Саймон, — какое название ты придумал для этой книги?

— А тебе зачем?

— Да низачем, — соврал Саймон. — Разве что для того, чтобы зайти в книжный и скупить весь тираж.

— Ну, — замялся Писака, — вообще-то мне строго-настрого запрещено об этом болтать.

— Да, но ты уже проболтался. А я бы с большой охотой тебе помог. На самом деле, для меня было бы честью, так сказать, направить сюжет в нужное русло. Разумеется, в обстановке строжайшей секретности.

— Строжайшей секретности, да.

— Так какое название? — Саймон ослепительно улыбнулся Писаке.

— «Величайшее шоу за пределами Земли», — последовал ответ.

* * *

— «Величайшее шоу за пределами Земли». — Профессор Мерлин то и дело кланялся и приседал, представляя гостя своим подопечным.

Рэймонд пожимал руки и улыбался в ответ, не переставая при этом изумляться. Первое впечатление от сидевших за столом — мощные широкоплечие мужчины и диковинные, экзотические женщины — при ближайшем рассмотрении развеялось. Все эти «артисты» выглядели, прямо скажем, изможденными, с потухшими глазами и ввалившимися щеками.

Да и народ это был престранный. Рэймонду еще не доводилось встречать сиамских тройняшек. Не привели его в восторг и леденящие кровь подробности номера Аквафага — Человека-Аквариума. Этот цирк определенно не назовешь обычным.

Впрочем, в обычном цирке артисты не путешествуют между планетами на викторианском пароходе.

Рэймонд познакомился с Дисекто, Живой Головоломкой, который мог по желанию отстегивать свои конечности и складывать из них причудливые композиции; с Билли-Пузырем, чьи трюки по самораздуванию требовали применения воздушного шланга высокого давления и весьма необычного способа игры на жестяной дудочке; с Фениксом, Несгораемой Танцовщицей с веерами.

Он обменялся любезностями с канатоходцами и шпагоглотателями. Вежливо отклонил протянутую руку доктора Бактерии, дрессировщика микробов, который уверял, что может изобразить внешние признаки любой смертельной болезни, какую Рэймонд соизволит назвать. А леди Алостраэль запечатлела на его щеке поцелуй; ее коронный номер, судя по всему, заключался в вызывании духов умерших во время езды то ли на уницикле, то ли на единороге?

Голова шла кругом. Но для Рэймонда, чья карьера теперь целиком строилась на неразберихе, всё это было, что называется, в порядке вещей.

— О да, воистину так, — пропел профессор. — И наконец, Рэймонд, ты должен познакомиться вот с этим малым. Исполнитель беспримерной точности. Мастер приземленной ловкости рук. Единственный и неповторимый. Представляю тебе месье Ля Роша.

— Месье Ля Рош? — Рэймонда принялся лобызать в обе щеки невысокий землистого вида человечек с крошечными навощенными усиками и сползающим париком.

— Мон плезир, — произнес господин, щелкнув каблуками и отдав честь.

— Ну надо же! — воскликнул Рэймонд. — Профессор, вы ни за что не догадаетесь, кто...

— Я бы догадался, если бы подсказкой было: «местоимение, служащее для вопроса о личности человека».

— Да нет, я в смысле — это же месье Ля Рош! Когда я бежал с Венеры, мне это удалось только потому, что я вспомнил рассказы моего приятеля Саймона о викторианском циркаче по фамилии Ля Рош. Тот придумал номер: забирался внутрь металлического шара и катился вверх по спирали. Каково, а? — Рэймонд просиял, глядя на маленького француза, и горячо пожал ему руку. — Очень рад знакомству. Вы родственник того самого Ля Роша? Его потомок, прапраправнук или кто-то в этом роде?

Ля Рош окинул Рэймонда взглядом с головы до пят.

— Я и есть Ля Рош, — изрек он. — Я — тот самый, оригинальный Ля Рош. Изобретатель сферы, движимой силой внутреннего перемещения. Я — Сизиф циркового мира.

— Хотите сказать, ваша семья сохранила секрет оригинального номера до наших времен? Блестяще!

— Я хотеть сказать, что я и есть тот самый Ля Рош.

— Ну да, но не настоящий же. Настоящий выступал больше ста лет назад.

— Не настоящий?!

— Давайте сменим тему, — вмешался профессор. — Не думаю, что вы знакомы с...

— Не настоящий?! — Француз топнул ногой. — Он говорить, что я не есть настоящий Ля Рош!

— Ну, так и есть, — подтвердил Рэймонд.

— Пфу! Вздор! — Ля Рош выхватил из кармана маленькую лайковую перчатку и хлестнул ею Рэймонда по лицу.

Шлёп!

— Послушайте! — возмутился Рэймонд.

— «Послушайте»? — вскричал Сизиф циркового мира. — «Послушайте»?! Вы говорить, что я не есть оригинальный Ля Рош. Вот что вы говорить!

— Ну да, так и есть, — сказал Рэймонд.

— Он подтверждать! — Француз топнул другой ногой. — Он плевать на мое честное имя! Он волочить мою репутация по лошадиный навоз!

— Вы ведете себя глупо, — сказал Рэймонд.

— Глупо?! Теперь он говорить, что я полный безумец!

И перчатка снова прилетела Рэймонду по щеке.

— Прекратите, — сказал Рэймонд. — Я всего лишь сказал...

— Я слышать, что ты говорить! Ты говорить, что моя сестра делать это за деньги с матросы в порту!

— Я ничего подобного не говорил!

«Шлёп!» — перчатка припечатала его в третий раз.

— Я вас предупреждаю, — сказал Рэймонд.

— Да неужели? — отозвался месье Ля Рош.

— Господа, господа, — вмешался профессор Мерлин, вклиниваясь в словесную перепалку со своим красноречием. — Давайте обойдемся без амбивалентности. Противоречия ведут к разногласию. Споры — к раздору, а раздор — к дисгармоничным обстоятельствам.

— Эта свинья всё начать! — запротестовал Ля Рош. — Он оскорблять меня. Он делать «пи-пи» на мои ботинки и наложить кучу в сумочка моей жены!

— Не было такого!

«Шлёп!» — снова отозвалась перчатка.

— Ну всё, — сказал Рэймонд, снимая пиджак и вручая его профессору Мерлину. — Еще одна пощечина, и я…

— И что ты? — Ля Рош изобразил чисто европейский жест пренебрежения.

— Я раздавлю тебя, как лягушку, — отрезал Рэймонд.

— Лягушка! — Ля Рош всплеснул руками. — Он называть меня лягушка! Он использовать «слово на букву Л» в присутствии дам! Моя честь, она требовать сатисфакции!

— Послушай, — довольно громко сказал Рэймонд, — мне жаль. Но ты не можешь быть тем самым Ля Рошем. Настоящий Ля Рош родился в 1857 году. Я видел снимки.

— Слышать его? — маленький француз воззвал к коллегам-артистам. — Теперь он заявлять, что у него есть фотографии того, как моя мать меня рожать! Грязный извращенец! Пистолеты мне, живо! Получай!

И, не говоря больше ни слова, месье Ля Рош пнул Рэймонда по лодыжке.

— Ой! — вскрикнул Рэймонд, хватаясь за ногу и принялся прыгать на одной ноге.

— Ой! — вскрикнул доктор Бактерия, когда Рэймонд всей тяжестью приземлился ему на ногу.

— И-и-ик! — вскрикнула леди Алостраэль: доктор Бактерия, падая со стула, потянул за собой скатерть и опрокинул чашу с пуншем прямо ей на колени.

— О-о-ох! — выдохнул Билли Пузырь, когда леди Алостраэль заехала ему локтем в лицо, пытаясь увернуться от лавины еды, летящей вслед за чашей с пуншем.

— Мой костюм! — взвыл Рэймонд, когда пирожные и эль водопадом обрушились на его брюки.

— Ох! — выдохнул профессор Мерлин, когда Рэймонд, попытавшись нанести Ля Рошу сокрушительный удар, промахнулся и вместо этого сбил с ног самого профессора.

А дальше началась форменная неразбериха.

* * *

Цирковые — народ сплочённый. Иначе нельзя. Жизнь в разъездах — штука суровая, так что они стоят друг за друга горой. И живут они по кодексу, который для постороннего означает одно: обидишь одного — обидишь всех.

Но они ведь тоже люди. И в столь замкнутом мирке случаются и соперничество, и ревность, и страсти, что бродят, словно подернутые плесенью яблоки «Брэмли» в бочке из-под «Смерти от сидра».

И время от времени они перекипают. И заливают пятнами весь ковер.

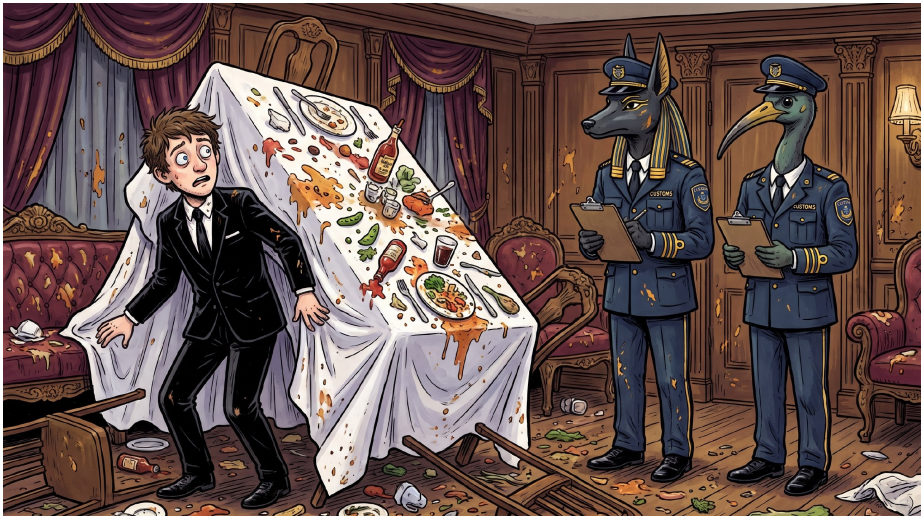
История умалчивает, кто первым запустил пирогом с заварным кремом. И в кого именно он целился. Но снаряд угодил в одну из сиамских тройняшек. Ту самую, что точила зуб на Феникс, несгораемую танцовщицу с веерами. Именно она швырнула тарелку в ответ, а Дисекто поймал её ухом. И пока он метался в поисках своей отвалившейся головы, кто-то опрокинул супницу на колени одному из шпагоглотателей. А суп был горячим.

Второй шпагоглотатель врезался в канатоходца, и тот рухнул прямо на Рэймонда, который как раз пытался помочь профессору подняться. Рэймонд отмахнулся от канатоходца и по ошибке заехал мистеру Аквафагу. Тот выхватил шпагу и тут же подвергся нападению трёх карликов, двух клоунов, циркового силача Геркулеса, Полли из «Дрессированных пуделей Полли», укротительницы Леоноры и Волшебного дракона Паффа — все они были страшно уязвлены тем, что их не упомянули в тексте раньше.

И тут, в этот самый миг, в помещение ворвалась полиция.

* * *

Глава 13

* * *

— Что ж, парень, ты арестован! — Полицейские, которые так эффектно ворвались, выглядели весьма недурно. На них были те самые щегольские шлемы для разгона демонстраций с плексигласовыми забралами и пуленепробиваемые жилеты, в которых становишься похожим на человечка «Мишлен». И всё это — в изысканных тонах синего цвета столичной полиции.

Впечатляюще.

Тот, кто выкрикнул: «Что ж, парень, ты арестован!», был без шлема. А жаль, потому что жидкие пряди на его голове тщетно пытались замаскировать проплешину, и в шлеме он выглядел бы добрых на пять лет моложе.

Но шлема на нём не было. Вот так-то.

Зато в руке был пистолет.

— Ты… — Он обвёл дулом пространство бара на полные триста шестьдесят градусов. — …арестован?

Пол оторвался от газеты.
— Вы с ним разминулись, — сказал он. — Он ушёл десять минут назад.

— Десять минут назад? — Инспектор Д'Рянь прошагал к стойке. — Я же велел вам заговорить ему зубы! Когда вы мне звонили, я ясно сказал: «Отвлекайте его разговором».

— Вы что, считаете меня сумасшедшим? — спросил Пол. — По вашим же словам, этот человек — подозреваемый серийный убийца. Я дождался, пока он покинет заведение, и только тогда позвонил. Я о вас же заботился.

— Обо мне?

— О всей той лишней писанине. Если бы я попытался его задержать — чего я всё равно не смог бы сделать, так как он ушёл до моего звонка, — но предположим, я бы попытался, он бы заподозрил неладное, вытащил бензопилу или ещё что-нибудь, заложники, осада, под пули могли попасть невинные жертвы, паб бы сгорел дотла, и…

— Да-да-да. Я понял. Гора отчётов.

— Именно. Но у меня кое-что есть. — Пол извлёк предмет, завёрнутый в носовой платок. Он бережно положил его на стойку и осторожно развернул края.

— Это стакан из-под виски, — констатировал инспектор Д'Рянь.

— Это ЕГО стакан из-под виски, — уточнил Пол.

— И что?

— А то, что вы можете снять с него отпечатки.

Инспектор Д’Рянь покачал головой, и те самые противные пряди снова выбились из зачёса.
— С какой стати мне это делать? Мы уже были у него дома. Там всё ими заляпано.

— Зато сможете подтвердить совпадение. Вы ведь обещали пятьдесят фунтов за достоверное опознание, верно?

— Хорошая попытка, — усмехнулся инспектор. — Но на самом деле я сказал: «пятьдесят фунтов за информацию, которая приведёт к аресту».

— Семантика, — отрезал Пол. — Одно и то же.

— Совсем не одно и то же. Мне нужно знать, где подозреваемый находится в данную секунду.

— Пятьдесят фунтов, — сказал Пол. — За информацию. Пятьдесят фунтов.

Инспектор Д’Рянь страдальчески вздохнул.

— Вы знаете, где подозреваемый?

— Пятьдесят фунтов, — повторил Пол.

— Значит, знаете.

— Пятьдесят фунтов.

— Констебль, выдайте этому человеку пятьдесят фунтов и возьмите расписку.

Констебль, у которого была сестра, переспросил:
— Кто, я?

— Кто, я, сэр, — поправил инспектор Д’Рянь.

— Слава богу, — ответил констебль. — А я уж испугался, что вы это мне.

— Именно тебе я это и сказал, парень. Заплати.

— У меня нет пятидесяти фунтов, сэр. — Констебль отдал честь. — Мой бумажник остался дома, в кармане парадного пиджака.

— Парадного пиджака? — Пол покачал головой. — Небось, у него к нему еще и тапочки с помпонами прилагаются.

— Так и есть, — подтвердил констебль, у которого не было сестры, зато он однажды видел ордер на обыск. — Я их видел. И ордер тоже видел.

— Констебль, немедленно заплатите человеку пятьдесят фунтов!

Констебль, любитель домашнего уюта, яростно замотал головой:
— Нет у меня таких денег, сэр. Зато у Дерека есть.

— Ничего у меня нет! — запротестовал констебль без сестры, по имени Дерек. (Констебля звали Дерек, а не сестру, которой у него не было — ту звали Дорис).

— Есть, сэр. Он на мотороллер копит.

— На мотороллер? — Пол снова покачал головой.

— На мотороллер, и он всегда таскает деньги с собой.

— Ни черта я не таскаю!

— Нет, таскаешь!

— Заткнитесь! — Инспектор Д'Рянь с грохотом швырнул пистолет на стойку. Раздался оглушительный выстрел. И всё заволокло дымом.

Констебли бросились друг другу в объятия, а затем повалились на пол, где и замерли, дрожа и что-то несвязно лепеча.

Пол даже не вздрогнул. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он перевел взгляд с разлетевшегося вдребезги дозатора

виски на вспотевшее лицо инспектора Д'Рянь, а затем снова уткнулся в газету.

— Выстрел, — произнес он.

— Выстрел? — Инспектор Д'Рянь понюхал дымящийся ствол.

— Семь букв, «производится из огнестрельного оружия». Выстрел. Благодарю.

— Не за что. Констебли, живо поднимитесь с пола и выплатите этому человеку пятьдесят фунтов. Немедленно!

— Слушаюсь, сэр.

— Ну вот, — сказал инспектор, наблюдая, как Пол ссыпает монеты в карман брюк. — Где сейчас подозреваемый?

— У Писаки. Сорок девять, пятьдесят... Благодарю.

— А где живет этот Писака?

— Понятия не имею, — ответил Пол.

Инспектор Д'Рянь взвел курок.

— Гляньте в справочнике, — Пол выудил талмуд из-под прилавка. — Его фамилия Спраут. Килгор Спраут.

* * *

— Ну, и что вы об этом думаете, мистер Спраут?

Саймон развалился на диване Писаки, закинув ноги на подушки.

Диван был старым и изрядно потрепанным, сплошь укрытым теми жуткими разноцветными вязаными пледами, от которых приходят в восторг владельцы кошек: ими так удобно маскировать следы когтей на обивке и придавать жилью «домашний уют».

Дом Писаки притаился в самом тупике «Переулка, что не смеет назвать свое имя», прямо за участком сумасшедшего старого майора. Его окружала высокая живая изгородь. Саймон, проживший в деревне всю жизнь и уверенный, что обшарил здесь каждый дюйм, до этого момента даже не подозревал о существовании этого дома.

Внутри было «уютненько».

Обстановка в гостиной выдавала типичного представителя среднего класса: стиль «преуспевающего горожанина, играющего в деревенскую жизнь». Стопки глянцевых журналов с корешком к корешку, строго по датам. Одно из тех компьютерных приспособлений, о которых сейчас столько твердят: выглядит как электрическая пишущая машинка с привинченным сверху маленьким телевизором. «Текстовые проекторы», кажется, так их называют. Камин в нише, где в зимний день можно жечь дрова, обогревая небо.
В общем, такой фарш Саймону был не по вкусу.

— Что я думаю? — Писака пригубил сладкий херес. Он притащил из кухни початую бутылку, в которой оставалось на четверть. Ту самую, что приберегал для гостей, которые «не засидятся». — Будь любезен, изложи мне всё еще раз, если тебя не затруднит.

— Всё до безобразия просто. — Саймон пригубил вино из полного бокала, и тот мгновенно опустел. — Судя по тому, что ты мне рассказал о персонаже, списанном с меня, он ведь этакая сволочь, верно? Но с золотым сердцем. Обаятельный пройдоха.

— Ну, я-то полагал, что он просто сволочь. В сущности, сволочь законченная. Но тем не менее, продолжай.

— Он должен совершить что-то масштабное, захватывающее. — Саймон поставил крошечный бокал и потянулся к бутылке хереса. Писака отодвинул её подальше. — Я говорю это не только потому, что ты сделал меня прообразом героя. А потому, что на

его месте я бы и впрямь провернул нечто грандиозное. Ты ведь хотел моего совета?

— Да, но советы, которые ты даешь, — совсем не то, на что я рассчитывал.

— Разумеется. Именно поэтому ты и забуксовал в сюжете, и тебе потребовался свежий взгляд.

— Что ж, твой новый сценарий и впрямь звучит интригующе. Тот вариант, где герой не отдает выигрыш на благотворительность, а становится жертвой этих городских террористов. А потом бросается в погоню и крадет деньги обратно. Как ты думаешь, хватило бы у него на это духу?

— Можешь не сомневаться: я… э-э, он бы точно решился. А эта затея с благотворительностью — чересчур надуманно. Вот здесь сюжет и дал осечку.

— Я мог бы переписать всё так, чтобы он вообще ничего не выигрывал.

— Нет, и думать забудь! Он выигрывает, у него крадут, а потом он крадет всё обратно.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Писака, наливая Саймону полбокала. — Мне и самому никогда не нравилась эта сцена с благотворительностью. Издатели настояли, чтобы я её вставил.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Саймон. — Кстати, как, ты говоришь, называется издательство? — спросил он, будто и впрямь не знал.

— З.В.Е.Р.И. Хотя понятия не имею, как это расшифровывается. Ты когда-нибудь о них слышал?

— Никогда. — Саймон покачал головой.

— Ладно, — сказал Писака. — Допустим, он охотится за этими террористами, которых ты придумал. Но как он узнает, где их искать?

«И в самом деле, как?» — подумал Саймон.

— В этом-то и вся фишка, — сказал он вслух. — Ты пишешь эту штуку уже довольно давно. Прошел уже половину пути, верно? А значит, не стоит вводить слишком много новых персонажей. Логичнее было бы спрятать их у кого-то, о ком ты уже упоминал.

— Верно, — согласился Писака. — Но у кого именно?

«Это ты мне скажи, остолоп», — подумал Саймон.

— Ну, а ты как думаешь? Если бы ты писал о тайной террористической группе, обосновавшейся в деревне, где бы ты их поселил?

Писака поскреб лысину.

Саймон вовсю блеснул голливудской улыбкой.

— Прямо за деревней есть заброшенная хижина егеря.

— Слишком мала, — отрезал Саймон.

— Ты о ней знаешь?

— Слышал что-то. Нет, они должны быть связаны с кем-то из местных.

— С викарием?

Саймон снова покачал головой. Этот гамбит казался таким простым, когда пришел ему в голову в «Веселых садовниках». Логика была такова: если Писаке поручено написать биографию Рэймонда, и он пишет ее прямо сейчас, сам того не ведая, излагая правду вместо вымысла, то если Саймон убедит его расширить свою роль — скажем, вернув себе деньги, — ну, это же будет именно то, что доктор прописал! И тогда возможности для человека, знающего будущее до того, как оно наступит, станут поистине безграничны. И этим человеком будет он, Саймон.

Вот сукин сын!

— Придумал! — воскликнул Писака.

— Да ну? — спросил Саймон.

— Точно. А ведь ответ лежал на поверхности. Ферма Долговязого Боба!

— А-а, — задумчиво протянул Саймон. — Почему?

— Ну, он ведь явно что-то замышляет, разве нет? Помнишь, я рассказывал, как твой персонаж застал его за попыткой дрессировать кур?

— Кажется, ты что-то упоминал об этом. — На самом деле Писака ничего такого не говорил.

— Так вот. Он за всем этим стоит. Он же псих, верно? И выводит какой-то новый вид кур. Планирует захватить мир. Ну, всё в таком духе.

— Мне нравится, — сказал Саймон. — Что дальше?

— Ну что ж. Ему нужны деньги на этот дьявольский проект. Террористы у него на жалованье. Да, всё ясно. Это религиозный культ. Секта Судного дня.

— Полегче, — сказал Саймон. — Не слишком ли ты загнул?

— Мессианство! — Писака потянулся за своей тетрадью. — Вот о чем мне нравится писать. Хватит с меня того, что навязывают издатели. Теперь я буду писать по-своему.

— Браво, — сказал Саймон. — Надеюсь, из этого что-то выйдет.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Не бери в голову. Ладно, я, пожалуй, пойду. Лягу сегодня пораньше.

— В моей книге — не ляжешь, — бросил Писака, не переставая строчить. — В моей книге ты отправишься к Долговязому Бобу, чтобы вернуть свои деньги. О да, именно так.

— Хорошо бы жизнь была как в романах, а? — Саймон поднялся с дивана, выпутываясь из какой-то жуткой разноцветной шерстяной шали. — Но в реальности я пойду домой спать. На случай, если кто спросит.

— Не представляю, с чего бы им спрашивать. — Писака вовсю скрипел пером.

— И то верно. Ну, бывай.

— Счастливо. — Писака даже не поднял головы, так что Саймон прихватил бутылку хереса и сунул её в карман.

— Всего доброго, — добавил он.

Саймон зашагал по заброшенной железнодорожной ветке, которая начиналась за домом Рэймонда и вела к окраине деревни.

Выбор оказался мудрым. Не успел он пройти и сотни ярдов, как услышал характерный вой полицейских сирен. А затем и характерный хруст — звук машин, подпрыгивающих на колдобинах-за-которые-никто-не-несет-ответственности в «Переулке, что не смеет назвать свое имя».

Саймон прибавил шагу, пружинисто направляясь уже не домой, а на птицеферму к некоему Долговязому Бобу.

* * *

Раз уж стало окончательно ясно, что полиция нагрянула в «Веселых садовников», а вовсе не в парадный салон парохода «Саламандра», само собой разумеется, что потасовка там была в самом разгаре.

Можно не сомневаться.

Кто-то в блестках пролетел над столом, рухнул на пол и тут же вскочил, размахивая кулаками. Посуда разлеталась вдребезги, а бесценный хрусталь дробился в мелкую крошку. И вдруг, посреди всех этих криков, воплей, визгов и прочего гама, прогремело как

гром:
— Так вот оно какое, Величайшее шоу за пределами Земли!

Рэймонд, укрывшийся под столом, узрел пару золотых сапог и фрагмент весьма эксклюзивного брючного изделия.

Скрежет мечей и звон бьющегося стекла внезапно пришли к самому окончательному окончанию. Ну, по крайней мере, за вычетом пары последних «дзинь».

Профессор огрел карлика, вцепившегося в его штанину. Билли Пузырь выдохнул: «Разрази меня гром!». А один из дрессированных пуделей Полли зарычал в тональности си-диез.

— Величайшее шоу за пределами Земли? Ха-ха.

Голос был странный. Рэймонд не узнал акцента. В нём слышались суетливые гнусавые нотки; казалось, слова не произносятся, а выкашливаются.

Рэймонду этот голос не понравился. От него стало не по себе. Он был почти уверен, что всем сердцем возненавидит его обладателя. И ему было очень любопытно, как тот выглядит. Потому что, судя по звуку, это был именно «он».

Рэймонд приподнял оторванный край скатерти, скрывавший его от мира, и осторожно глянул вверх.

Увидев то, что увидел, он тут же уронил ткань, съежился на коленях и выдохнул:
— Вот дерьмо!

Ему ведь не привиделось? Это же было на самом деле?

Рэймонд выглянул второй раз, буквально на секундочку.

На самом деле.

Но это же не может быть правдой?

Нет, просто не может.

О нет, еще как может.

Рэймонд выглянул в третий раз. И вот что он увидел.

От золотистых ботинок с рублеными носами и скошенными каблуками до шикарных, идеально подогнанных брюк из черного атласа; от приталенного жакета в тон с двумя рядами пуговиц, уходящими вверх, до золотого пояса с массивной бляхой — крылатым диском и профилями молящихся. На плечах — эполеты, на левом нагрудном кармане — картуш со скарабеем. Из-под расшитых манжет выглядывали изящные человеческие кисти, ухоженные и холеные.

Пока что всё выглядело шикарно и крайне претенциозно.

Проблема была в голове.

Голова была не человеческой.

Это была голова зверя.

Волчья голова. Нет, не волчья. Рэймонд присмотрелся украдкой. Одно из тех животных, что рыщут в поисках падали, оставленной львами. Шакал. Это была голова шакала. И не какая-нибудь карнавальная маска. Настоящая, живая, дышащая штуковина, причем великолепный экземпляр. То, как раздувались ноздри, как кривились черные губы, как желтые глаза с узкими зрачками моргали, моргали и моргали.

Весьма впечатляюще. А уж как он держался. Почти… Рэймонд запнулся. Почти.

— Мать честная, — прошептал Рэймонд. — Это же он. Тот самый бог. Египетский. С настенных росписей. Как его там… э-э… Анубис. Это Анубис!

— Возможно, это мятеж.

Раздался новый голос. Очень странный. Высокий и писклявый. Почти свист. Обладатель голоса шагнул вперед, и Рэймонд уставился на него во все глаза.

Примерно того же роста (высокого). Примерно того же сложения (поджарого и атлетичного). Почти такой же наряд, за вычетом деталей. Но голова — совсем другая.

Это был его напарник. Тип с птичьей головой. Головой священного ибиса. Он тоже выглядел потрясающе. Перья черные, с радужным отливом, как у скворца. Глаза — яркие красные точки. Клюв — ослепительно желтый.

Сет. Вот кто это был. Сет. Или Тот — у него ведь тоже птичья голова. Рэймонд взвесил варианты. Сет, решил он. «Тот» — как-то слишком двусмысленно звучит.

Это был Сет. И никаких сомнений.

— Батюшки, — снова прошептал Рэймонд и тяжело осел на пятую точку. Два египетских бога, и оба в один день. Вот уж сюрприз так сюрприз.

Хотя, если подумать…

Рэймонд прикинул, что это был за денек.

Все началось с того, что он проснулся, полагая, что находится у себя дома, а обнаружил, что летит на борту викторианского лайнера по орбите вокруг Сатурна. В воздушном пространстве. Потому что космос, оказывается, полон воздуха. Потом была Зефир — женщина-мечта, и костюм от Джорджио — предел мечтаний. Костюм, теперь изрядно перепачканный и безнадежно испорченный. А еще выяснилось, что мир, в котором вырос Рэймонд, на самом деле находится внутри другого мира. И что жители внешнего мира, сытые по горло вонью и грязью, поднимающимися из недр, решили заткнуть полярные отверстия и тем самым удушить всех, кто живет внизу.

Истребить человечество. Вот так просто.

Затем последовал специальный отборочный тест профессора Мерлина. Его прохождение сулило Рэймонду практически верную гибель, поскольку он оказался в незавидном положении

единственного солдата в армии, сражающейся за то, чтобы помешать «верхушечникам» осуществить их планы по закупорке полюсов.

Ах да, и прежде чем вплотную заняться этим делом, не соблаговолит ли он спасти двести жителей внутренней Земли, которые по чистой случайности оказались в плену на Сатурне?

Ну разумеется.

Вдобавок он только что ввязался в драку с французом, который утверждал, что ему больше ста лет.

Вот такой выдался денек.

Появление двух египетских богов, по совести говоря, не должно было стать таким уж сюрпризом. Ему просто придется научиться принимать подобные вещи как нечто само собой разумеющееся.

Но как лучше поступить сейчас?

Стоит ли поклониться? Из вежливости? Сам-то он, конечно, добрый англиканин — причем за последние два дня стал истовым как никогда.

Но всегда стоит проявлять учтивость к богам других религий.

Особенно когда встречаешь их во плоти.

— Надо кланяться, полагаю, — прошептал Рэймонд. — Наверняка, все остальные так и делают.

Рэймонд отвесил поклон, не вылезая из-под стола.

Профессор Мерлин прочистил горло.

«Сейчас начнется молитва», — подумал Рэймонд, сложив ладони.

Профессор Мерлин заговорил.

— А ну брысь с моего корабля, псоглавый гремлин, — прозвучали выбранные им слова.

Под столом Рэймонд впился зубами в костяшки пальцев.

Над столом великий Анубис озирал парадный салон. Салон, который перестал быть таким уж парадным. Стулья переломаны, тарелки вдребезги. Еда повсюду на полу. Еда повсюду на гостях. То тут фингал, то там разбитый нос. А вон тот малый и вовсе ищет свою голову. Роскошные наряды в клочья, парики набекрень и вид у всех жалкий. Осколки хрусталя и разлитые вина.

— Ай-яй-яй, — промолвил он.

— Я же велел тебе проваливать, — профессор Мерлин сделал отгоняющий жест своими изящными пальцами. — Сейчас распоряжусь, чтобы тебя проводили на палубу и кинули палку. Как тебе такая затея?

Рэймонд вздрогнул.

Сет отозвался:
— А может, нам стоит немедленно казнить вас всех за акты насилия, совершенные в территориальной юрисдикции Сатурна? Как вам такая затея?

Профессор Мерлин смерил бога надменным взглядом.

— Ты это со мной разговариваешь или бубнишь себе под нос? Потрудись изъясняться внятнее.

«Да замолчи ты, — подумал Рэймонд. — Ты что, совсем обезумел?»

— Не припоминаю, чтобы о вашем прибытии докладывали, — профессор Мерлин обратился к обоим богам. — Боюсь, вы оба заявились сюда без приглашения.

— У вас крем от торта на подбородке, — заметил Сет.

— Это подбородок? — удивился Анубис. — А я-то думал, это гамак, в котором прикорнула свинья.

Профессор Мерлин помахал рукой у носа.

— Псиной воняет, — отрезал он, — и птичьими мозгами. Вон с моего корабля, не то я выпорю одного кнутом, а другого велю ощипать, нафаршировать и зажарить моей кошке на закуску.

Анубис в ответ скривил губу, обнажив ряд зубов. Сет же изобразил клювом нечто вроде пантомимы «сейчас выклюю глаз».

— Вы оба знаете, где дверь. Будьте любезны, выметайтесь отсюда — прыжками или на крылышках, как вам будет угодно. — Профессор Мерлин слизнул крем с подбородка удивительно длинным языком.

— Гав-кряк!

— Документы! — гавкнул Анубис.

— Живо! — свистнул Сет. — Не то вызовем расстрельную команду, и конец всем смутьянам!

— Зефир, — позвал профессор Мерлин. — Будь добра, запиши письмо.

Зефир улыбнулась, подняла упавший стул и уселась на него. Извлекла из ниоткуда блокнот с ручкой и отозвалась:
— Готова к диктовке.

— Премного благодарен. Адрес: Его Королевскому Высочеству великому герцогу Фогерти. Дворец Небесных Наслаждений, номер один, Большая Шикарная дорога, город Фогерти, Сатурн.

«Дорогой Бинки...»

— Бинки? — переспросил Анубис. Сет возмущенно дернул клювом.

«Дорогой Бинки. С глубочайшим прискорбием сообщаю, что не смогу присутствовать на сегодняшнем праздновании твоего дня рождения. Знаю, ты так хотел вновь увидеть выступление моего цирка. Разумеется, за столько лет нашей близкой дружбы для меня всегда было бесценным удовольствием пользоваться твоим гостеприимством и твоими женами.

Увы, этому не суждено сбыться. Прямо посреди генеральной репетиции того особого шуточного боя едой, который ты лично поставил для своего бедного больного сына Колина в надежде поднять ему дух и переломить ход болезни, меня прервали двое остолопов. Они ворвались без приглашения и стали угрожать моей труппе смертью...»

Профессор умолк. Сет и Анубис тихо пятились к выходу.

— Уже уходите? — спросил профессор. — А я-то надеялся, вы развлечете нас прыжками через горящий обруч. Или тем трюком, что делают попугайчики, когда бегают по лесенке и звонят в колокольчик. Нет?

Но он уже обращался к пустому дверному проему не такого уж и парадного зала.

Секундная пауза — и в воздухе разлился смех.

Рэймонд медленно выполз из-под стола. Он в отчаянии мотал головой, и всё его тело мелко дрожало от пережитого страха.

— А я-то гадал, куда ты забился, — сказал профессор. — Весьма мудро — держаться в стороне, чтобы потом не опознали. Ловкий ход, мой юный Алый Первоцвет.

Голова Рэймонда все еще ходила ходуном, а челюсть нелепо дергалась вверх-вниз.
— Вы... вы... — выдавил он.

— Я-я-я? — переспросил профессор, смахивая с себя крошки, остатки пирога и прочий мусор. — Что это за «я-я-я»?

— Вы… эти боги. Вы оскорбили богов!

— Неужели? — последовала пауза. А затем раздался громкий, грубый хохот.

— Анубис и Сет. Я видел их. Слышал их. И слышал вас!

— А-а, — профессор Мерлин выудил из своего парика какой-то цукат и отправил его в рот. — Ты не одобряешь?

— Это было возмутительно. Чистое богохульство!

— Вот и чудно, — сказал профессор.

— Чудно?

— Именно. Рэймонд, если бы я вел себя иначе, проявил хоть каплю уважения, хоть грамм вежливости или почтения; если бы я показал хоть что-то, кроме запредельного высокомерия, абсолютной самоуверенности и непробиваемой наглости, они бы раскусили меня в мгновение ока. Я же говорил: мы притворяемся «верхушечниками». А именно так «верхушечники» себя и ведут.

— Но перед богами?!

— О нет, сомневаюсь, что даже «верхушечники» рискнули бы так вести себя с богами.

— Но вы только что это сделали!

— Нет, Рэймонд, я вел себя так с парой заносчивых сатурнианских таможенников. Фидо и Твити, кажется, их зовут. Хотя убей не помню, кто из них кто. Но придержи коней, Тонто, ты ведь не думал на самом деле, что…

— Конечно, нет! — Рэймонд принялся соскребать что-то присохшее со своих штанов.

— Ты думал, что они… — профессор Мерлин с ухмылкой повернулся к своим потрепанным артистам. — Рэймонд думал, что они… — Артисты начали хихикать. — Он думал, что эти два придурка — это…

— И вовсе нет! — Рэймонд яростно затряс головой, осыпая профессора крошками торта.

— Ну конечно, нет. — Профессор Мерлин подмигнул и похлопал Рэймонда по спине. — Что они… — он ткнул большим пальцем в сторону двери.

— Прекратите! — Рэймонд топнул ногой. — И посмотрите, в каком состоянии мой костюм. Он испорчен, окончательно испорчен. Мой прекрасный костюм!

Профессор принюхался к пострадавшему наряду Рэймонда.
— Да, малость заляпан кремом.

— Мой прекрасный костюм! — Рэймонд вскинул кулаки.

— Я оплачу химчистку.

— Это всё он! — Рэймонд ткнул пальцем в маленького француза, который как раз пытался подняться на ноги.

— Ты первый начать, — взвизгнул Ля Рош, — осквернитель моей прекрасный морда!

— Ты начал, лживый лягушатник!

— Опять слово на «Л»! Принести кто-нибудь мои пистолеты!

— Да успокойтесь вы, — профессор воздел руки, и его пальцы удлинились, дотянувшись до грубо расписанного купола, где пощекотали задницу херувима. Рэймонда это зрелище определенно присмирило.

— Английская свинья, — прошипел Ля Рош.

— Лживый лягушатник, — отозвался Рэймонд.

— Он не лжет, — сказала Зефир, которая единственная умудрилась не испачкаться и выглядела, как всегда, безупречно. — Он говорит правду, Рэймонд. Это и есть настоящий Ля Рош.

— Но тогда ему…

— Сто пятьдесят три года, — сказал француз, щелкнув каблуками. — И я стоить двоих таких, как ты.

— Ну и возраст, — заметил Рэймонд.

— Да как ты сметь! Я самый молодой артист в цирке!

— Что?

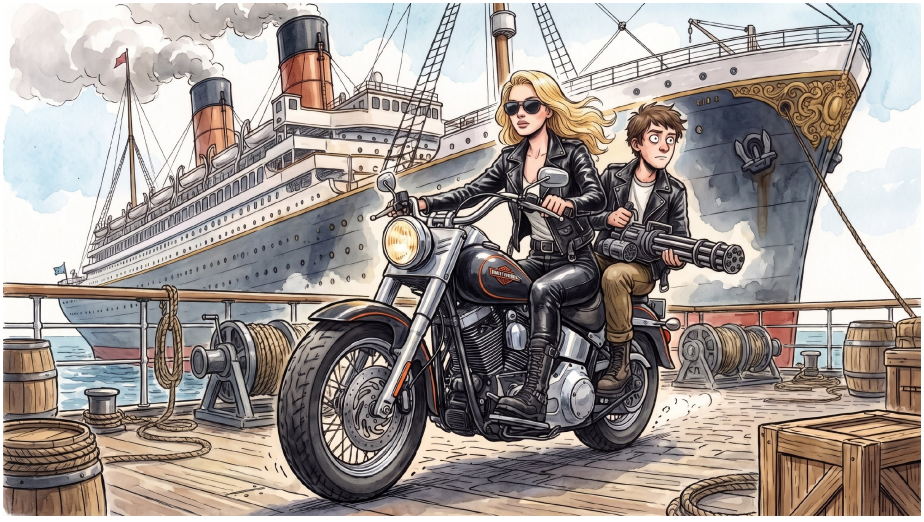
— Жаль, что ты не веришь в магию, — сказал профессор Мерлин. — Иначе я бы рассказал, как это делается. Но на сегодня, думаю, довольно.

— Хм, — хмыкнул Рэймонд, а затем, заметно повеселев и бросив взгляд на свою «жену», добавил: — Да, нам действительно пора на боковую. Завтра ранний подъем. В какой стороне номер для новобрачных?

— Номер для новобрачных? — профессор Мерлин расхохотался. — Хорошая попытка, старина Казанова, но с постельными делами придется повременить. Мы приземлились на Сатурне двадцать минут назад. Цирковой парад начнется через полчаса, а наше первое представление — еще через час. Так что, если хочешь сверить часы, лучше сделать это сейчас. А потом скажешь мне, в котором часу тебя ждать обратно с двумя сотнями спасенных людей. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Рэймонд. — Просто отлично.

Глава 14

* * *

Саймон сидел в кустах старого убежища, о котором почти успел позабыть. Сколько славных деньков было здесь проведено. Невинная пора. Пора детства. Когда они с Рэймондом прогуливали школу, мазали лица глиной, брались за луки со стрелами и приносили великие тайные клятвы.

Деньки тогда и правда были счастливые, но теперь кусты сделались мрачными от нахлынувших воспоминаний.

Саймон был еще слишком молод, чтобы скучать по детству. Он был только рад, что оно закончилось. Но сейчас ему подумалось, что он, пожалуй, скучает по Рэймонду. В конце концов, Рэймонд был его самым-пресамым лучшим другом, и с тех пор, как исчез, в деревне всё пошло наперекосяк. Мягко говоря.

Саймон вздохнул и принялся теребить веточку. Ну и веселились же они в этих кустах. Это точно. Помню, как тогда... Саймон запнулся, вздохнул, крутанул ветку и шмыгнул носом.

— Чертов Рэймонд, — пробурчал он. — Это всё из-за него.

Саймон почесал в затылке. Похмелье прошло, и то хорошо. Поразительно, как простое применение трех двойных порций скотча и пары глотков сладкого хереса способно излечить недуг, терзавший тебя весь день. Жаль только, он не прихватил с собой чипсов. За последние двенадцать часов он маковой росинки во рту не держал и теперь зверски проголодался.

— Чертов Рэймонд.

Солнце сползало за околицу. В его лучах старые дубы, окаймлявшие огороды, выглядели чертовски живописно. Но Саймон этой красоты не замечал. Он слышал лишь нестройный трезвон, доносившийся из церкви, где упражнялись бестолковые брэмфилдские звонари. Чувствовал вонь от навозных ям и птицефермы Долговязого Боба. Вдалеке лаяла собака. Тяжелый грузовик прогрохотал по главной улице, заставив дребезжать оконные стекла.

Закат? Уже?

Саймон высунул голову из кустов, служивших ему убежищем, и воровато бросил взгляд вниз, в сторону птицефермы. Отсюда открывался отличный вид. Беда была лишь в том, что смотреть было не на что. Куры попрятались. «Лендровера» Долговязого Боба нигде не было видно. Ферма казалась вымершей.

— Ну же, — пробормотал Саймон. — Поторопись.

Он торчал в этом сыром кустарнике уже несколько часов, рискуя заработать геморрой и ожидая, что хоть что-нибудь произойдет. Да что угодно! Он рассудил, что разумнее будет дождаться темноты, а уже потом прокрасться вниз и как следует посовать всюду свой нос. Но в глубине души он надеялся на какое-то оживление во время ожидания. Подозрительные типы, таскающие подозрительные ящики и бормочущие: «бу-бу-бу, секретные планы, бу-бу-бу, сегодня та самая ночь, бу-бу-бу», — ну,

как им и положено. Но нет. Никто ничего не делал. Откровенно говоря, полнейшее разочарование.

«Величайшее шоу за пределами Земли» валялось перед ним в пыли. Саймон не мог заставить себя заглянуть внутрь. Если там ничего не изменилось и рукопись не содержала правок Писаки, Саймон влип по-крупному. Вычеркнут из сюжета и в розыске за убийство — совсем не то будущее, которое он себе рисовал. Конечно, оставалась немалая вероятность, что З.В.Е.Р.И. просто аннулируют любые правки Писаки. Но Саймон, в своем репертуаре, надеялся на лучшее. Он рассудил так: если ему удастся вернуть свой выигрыш, он фактически перепишет подлинную историю, которой еще только предстоит случиться.

А также фактически изменит и ту роль, которую в нем играли З.В.Е.Р.И. Теория так себе, но выбирать не приходилось. Саймон твердо решил: если он сумеет вернуть деньги, лучшее, что он может сделать — это убраться из Брэмфилда как можно дальше. С паспортом или без. Всем спасибо, все свободны.

Саймон потряс бутылку из-под хереса, позаимствованную у Писаки. Она была всё так же пуста, а сам он — всё так же голоден. Вдобавок ко всему, ему нестерпимо приспичило в туалет.

— То одно, то другое, — Саймон осторожно выбрался из кустов. Потянулся, проворчал что-то под нос, крадучись обогнул куст и облегчился. Он как раз застегивал ширинку, когда краем глаза уловил синюю вспышку. Не в районе собственных брюк, а чуть поодаль, слева, в полях. Мелькнуло в перелеске — или это была чаща? Вечно их не разберешь.

— Полиция, — Саймон резко бросился в траву. В мокрую траву, исходящую паром. — Проклятье! — прошипел он.

Синяя вспышка мелькнула снова. Это оказался всего лишь турист в анораке — или в ветровке? Вечно их путаешь.

— Возьми себя в руки, Саймон. — Он отполз обратно за свой куст. И тут… — О, вот это да.

Заброшенный двор фермы Долговязого Боба больше не пустовал. У ворот притормозил «Лендровер» птицевода, а следом за ним — один из тех старых «Ягуаров», которые так обожает криминальная братия в сериалах вроде «Летучего отряда». Это был тот самый «Ягуар».

Машины остановились, люди начали выходить. Долговязый Боб — из «Лендровера», а кто это с ним? Черный костюм-тройка, стрижка ежиком, очки. Дэйв Вояка. А еще? Копна каштановых волос. Стройная фигурка в обтягивающих синих джинсах и футболке Led Zeppelin. В футболке Саймона! Лиза?! Что за дела?

Двери «Ягуара» распахнулись. Из него начали выбираться террористы из З.В.Е.Р.И. Красотка и её банда. Саймон напряг зрение. У неё в руках его сумки? Точно, его сумки с деньгами!

— Бум Шанка, — выдохнул Саймон. — Но Лиза-то как здесь?

Он навострил уши. Со двора донеслись обрывки разговора.

— Бу-бу-бу, — доносилось оттуда. — Бу-бу-бу, секретные планы, бу-бу-бу, сегодня та самая ночь, бу-бу-бу. — А потом они всей толпой зашагали к фермерскому дому, зашли внутрь и скрылись из виду.

Саймон посидел в кустах, раздумывая, что делать дальше. Что Лиза делает с ними? Неужели она тоже из З.В.Е.Р.И.? Верилось в это с трудом. Впрочем, был только один способ выяснить правду.

Солнце коснулось горизонта, и тени начали удлиняться. Саймон выскользнул из своего укрытия в кустах, лег на живот и пополз вниз по склону. Он держал путь к птицеферме Долговязого Боба — на встречу со Страхом. [2]

* * *

— Честно говоря, — признался Рэймонд, обращаясь к Зефир, — мне страшно.

Они стояли на палубе парохода «Саламандра». Судно замерло у причала в гавани. Гавань находилась на Сатурне.

Небо было синим. Набережная кишела народом. Зефир была прекрасна. Рэймонду было страшно.

— Посмотри на них, — прошептал он. — Мне не нравится, как они на меня смотрят.

— Они смотрят не на тебя, не глупи.

— Я не глуплю. Они именно что пялятся. Все из-за костюма. Им видны все пятна. Я же говорил, что лимонный сок не выведет красное вино. Я не могу так выйти. Придется всё отменить. По крайней мере, пока не просохнут эти мокрые пятна.

— Рэймонд, они смотрят не на тебя. Они смотрят на корабль. Они никогда не видели ничего подобного.

— Но вы ведь не первый раз выступаете на Сатурне.

— Да, но мы впервые спустили корабль на поверхность. Обычно мы оставляем его на орбите, а сами прибываем на шлюпках без опознавательных знаков. Так безопаснее.

— Безопаснее? — в голосе Рэймонда зазвучала неприкрытая тревога.

— Не забывай, что корабль краденый.

— Так зачем было приземляться в этот раз?

Зефир вздохнула.

— Из-за тех двухсот новых пассажиров, которых ты надеешься взять на борт.

— А, ну да. Точно. — Рэймонд погрыз костяшку пальца и всмотрелся в толпу. Все как один — египетские боги. Мужчины, женщины, дети. Большие и маленькие. С головами соколов и шакалов, ибисов и орлов. Одеты пестро. Со стороны это и правда смахивало на карнавал, хотя Рэймонду толпа больше напоминала

ад. Впрочем, денек для этого выдался подходящий. И место живописное. За доками возвышался город, подобный гимну богу Ра. Мраморные обелиски обрамляли проспекты, ведущие к светлым дворцам.

Пирамиды в золотых венцах. Триумфальные арки благородного камня, украшенные резьбой со звездами и луной. Всё во славу Бога Солнца, восседающего на троне. Или, проще говоря: это был Мемфис. Но не тот, что в Теннесси. Это был Египет. Четыре тысячи лет до нашей эры.

— Как думаешь, это красиво? — спросила Зефир. — Красота — она ведь такая?

— Это просто невероятно, — ответил Рэймонд. — И чертовски пугает. Но теперь я хотя бы понимаю, к чему всё это. Теперь в этом есть смысл.

— Смысл?

— Именно. Мой приятель Саймон как-то рассказывал про одну книгу. Называлась «Околесица богов» или вроде того. Написал её какой-то немец, который вычислил, что все боги Древней Земли на самом деле были астронавтами из космоса. И вот — живое доказательство. Древний Египет на Земле был просто копией этого города.

— Красивая теория, — сказала Зефир. — Но не совсем верная. Древний Египет на Земле и правда был копией этого города, вот только построили его «верхушечники». Его планировали как тематический парк, межпланетный курорт. Назывался «Мир Сатурна». Но, к сожалению, никто туда не поехал, и затея прогорела. Что-то вроде предка «Евро-Диснея», полагаю. Когда лавочка закрылась, рабы-строители решили там поселиться. Но поскольку строили они тяп-ляп, всё быстро развалилось, и им пришлось съехать. Кажется, они ушли через Красное море и в итоге где-то там затерялись. Я не очень сильна в истории Внутренней Земли.

— Похоже, я тоже, — Рэймонд покачал головой. — Большой цирковой парад скоро начнется?

— Минут через пять. Мне нужно идти с ними, Рэймонд.

— Я знаю. — Рэймонд рискнул и приобнял её за плечи. Она прижалась к нему, и он впервые осознал, какой у неё чудесный аромат. От этого запаха у него буквально всё отнялось — от ноздрей и ниже. — Не хочу, чтобы ты уходила с парадом, — сказал он. — Мне нужно, чтобы ты осталась со мной.

— Но я не могу.

— Можешь, и должна. Я один не справлюсь. И пяти минут не протяну там, внизу, среди этой толпы на причале. Но с тобой и твоими удивительными способностями у меня всё получится. Я знаю.

— Но я нужна профессору на параде.

— Профессор на сей раз обойдется. Давай смотреть правде в глаза: если мы освободим похищенных и улетим на этом корабле, цирку здесь всё равно будут не рады. Сама как думаешь?

Зефир одарила его своей прекрасной улыбкой.
— Ладно. Я пойду с тобой. Расскажи какой у тебя план.

— Ах, план... — Рэймонд оперся свободной рукой о перила и принял задумчивый вид. — Пока что он заключается в том, чтобы сверить часы и встретиться здесь через три часа.

— А потом?

— А потом, полагаю, сбежать отсюда.

— И ты называешь это безупречным планом?

— А кто-то хочет меня упрекнуть? А в остальном — не берусь судить.

— У тебя ведь вообще нет никакого плана, верно?

— Никакого, — усмехнулся Рэймонд. — Но я и не говорил, что он у меня есть. С твоей помощью мне никакой план не нужен. Мне нужны только две вещи.

— Мужество и удача? — спросила Зефир.

— Нет.

— Решимость и воля к жизни?

— Тоже нет.

— Стойкость и преданность справедливому и благородному делу?

— Нет, — отрезал Рэймонд. — Нет, нет и еще раз нет. Хотя всё это тоже не помешает. Тут дело скорее… как бы это выразиться… в имидже. Если уж спасать мир, то только одним способом.

— И каким же?

— В черной кожаном костюме и верхом на «Харлее»!

* * *

Мужество и удача, решимость и воля к жизни, стойкость и преданность справедливому и благородному делу.

Выбирай Саймон из этого списка, он бы предпочел удачу и волю к жизни. Ну и, разумеется, черный кожаный прикид и «Харлей-Дэвидсон». Эти два модных аксессуара занимали верхние строчки в списке необходимых покупок, которые он намеревался совершить, как только вернет свой выигрыш.

А вернуть его он намеревался очень скоро. Солнце уже село, высыпали звезды, и начало холодать. Никакого удовольствия.

Саймон плотнее запахнул куртку и пополз вперед на локтях, как заправский коммандос. Из окон фермерского дома лился свет, двор казался пустым и безопасным. Однако куры в птичниках вели себя беспокойно. И Саймон учуял запах.

Он был уже у самой ограды. Стоило ему приподнять голову, как запах ударил в нос. Он пробивался сквозь обычное зловоние куриного помета. Запах странный, чуждый ему. Неуютный. Тревожный. Просто дикий. Саймон шмыгнул носом и тряхнул головой. Ему было не до странных запахов, его ждали дела.

Как и у Рэймонда, у Саймона не было никакого плана.

Но, в отличие от Рэймонда, Саймону не было равных в том, что касалось житейской хитрости и умения соображать на ходу.

И хотя он еще не знал об этом, вскоре и то, и другое будет испытано на пределе возможностей, а то и за ними.

До дома было рукой подать — всего-то перескочить через двор. Быстренько перелезть через забор, стараясь не споткнуться о ржавое железо, полиэтиленовые мешки и прочий хлам, разбросанный вокруг. Саймон поднялся на ноги, отряхнулся и приготовился лезть.

Он уже протянул руку к проволоке, когда его настороженный слух уловил два звука. Поначалу они показались не связанными друг с другом. Но весьма значимыми.

Один был похож на волчье рычание, другой — на тиканье часов.

Деревенский парень внутри Саймона опознал оба. Первый узнал бы и городской: сторожевой пес. С этим всё ясно. А вот второй… Саймон поспешно отдернул руку от ограды. Забор под напряжением. С этим уже не так просто. Это та вещь, о которой узнаешь только на собственном горьком опыте.

Надо признать, что сочетание этих двух звуков вовсе не обязательно должно было напугать Саймона. Если бы, скажем, собачье рычание доносилось с другой стороны электрической ограды — это было бы вполне приемлемо. Но нет. Ограда была перед Саймоном, а рычание — позади.

— Гр-р-р-р-р, — раздалось в тишине.

Саймон медленно обернулся. Из темноты на него уставились два злобных желтых глаза. Низкое ворчание перешло в рык умеренно-средней тональности.

Саймон призадумался над своим незавидным положением.

Он вспомнил, как однажды читал в Лизином самоучителе по боевым искусствам «Димак», что сторожевую собаку можно легко вывести из строя одним резким и точным ударом по кончику носа. Скорость и меткость подчеркивались как решающие факторы. В противном случае последствием непродуманного удара могла стать рука, оказавшаяся в собачьей глотке.

Граф Данте, автор этого ныне легендарного пособия, добавлял: «Если подобное все же случилось, ученику рекомендуется засунуть руку поглубже и одним резким движением вверх вырвать еще бьющееся сердце». Это, писал граф, «почти всегда дает псу понять, что ваши намерения серьезны».

Злобные глаза приближались. Злобное рычание становилось громче. Сердце Саймона забилось чаще. Он сжал кулаки. Он замер на месте. Он принял позу Брюса Ли.

А затем в его мозгу сработало некое особое химическое вещество, и Саймон бросился наутек, спасая свою жизнь.

Он понесся вдоль ограды огромными скачками, а зверь следовал за ним по пятам. Судя по звуку, тварь была крупная. Питбуль или какая-нибудь японская машина для убийства размером с шетландского пони.

Улепетывая, Саймон в ужасе задался вопросом: может ли человек убежать от такой собаки?

Возможно, тренированный человек и мог бы. Тот, кто постоянно поддерживает форму. Спринтер, скажем, или легкоатлет. Он мог бы не только обогнать пса, но и на бис перемахнуть через забор.

Но как быть с человеком, который не в лучшей форме? С тем, кто давно не ел? С тем, кого совсем недавно сбил «Ягуар»? С тем, кто уже заложил за воротник несколько порций крепкого скотча?

Мог ли такой человек убежать от такой собаки?

Нет! Такому человеку это не под силу.

Саймон рухнул, и адская гончая подмяла его под себя. Клыки, лапы, рычание и вой.

Выл Саймон.

— Помогите! — визжал он, как мог прикрывая лицо и пах. — Фу, место, хороший мальчик, сидеть!

Шансов у него не было. Какая нелепая смерть: растерзан в клочья, съеден заживо, в полном одиночестве и темноте.

Ужасающий финал.

Саймон брыкался и отбивался — по крайней мере, он погибнет сражаясь. Зверь жаждал крови и вцепился ему в ногу.

Злобная, рычащая, лютая тварь терзала его. Едкое дыхание опаляло ноздри, выжигая легкие. Дьявольские глаза пылали желтой яростью, а темный демонический стояк ритмично вколачивался ему в колено.

— Погоди-ка! — Саймон перестал сопротивляться. — Темный демонический... что?

Хамф-хамф-хамф, — трудился пес Дика Годольфина, — хамф-хамф-хамф-хамф-хамф.

* * *

— Ха-а-амф... — отозвался телевизионный комментатор. — Хамфри Гог-Магог на связи.

(Ловкая связка, а? Нет? Ну и пожалуйста!)

— Веду прямой репортаж, — продолжал Хамф, — с набережной залитого солнцем города Фогерти. Мы собрались здесь, чтобы поприветствовать профессора Мерлина и его межпланетный цирк. Они прибыли для выступления на торжествах в честь дня рождения Его Королевского Высочества Великого Герцога. Трап этого великолепного судна уже спущен; оно украшает гавань своим внушительным видом, и буквально через мгновение начнется цирковой парад. Это шоу вы запомните надолго, так что не переключайтесь, мы вернемся в эфир сразу после рекламы.

Толпа на пристани разразилась криками восторга, когда из ржавых, но еще исправных динамиков парохода «Саламандра» грянул «Марш гладиаторов».

А те жители Фогерти, что остались дома, поудобнее устроились в креслах, наслаждаясь выходным днем, пока актриса с головой ястреба и впечатляющим набором хирургически скорректированных достоинств воспевала с экрана прелесть готовых обедов «Джордж в пакете для варки».

Профессор Мерлин ехал верхом на слоне. Судя по виду, слон был весьма преклонных лет и держался на ногах нетвердо. Нарумяненные щеки и увенчанная перьями корона не могли скрыть этого факта. Те же, кто знал участь, уготованную толстокожим, чей цирковой век подошел к концу, вещали друг другу: «Узрите! Се шествуют пять фортепианных клавиатур, четыре подставки для зонтов, три полных комплекта серых чемоданов, два кошелька для извращенцев и целая тонна кошачьего корма».

— Давай, Джамбо! — подгонял профессор. — Покажи им, из какого ты теста!

Выглядел профессор что надо. На сей раз — весь в белом атласе. Полное облачение распорядителя манежа: цилиндр, галстук-бабочка, фрак, галифе и белые лайковые сапоги. В руках он держал хлыст, которым и щелкнул в залитом солнцем воздухе.

Джамбо ступал по трапу с достоинством вдовствующей герцогини. Каждый его неуверенный шаг сопровождался отважным, но астматическим трубным гласом и поклоном головы.

Следом за ним двигалась остальная процессия.

Клоуны высыпали в толпу. Пьеро и Арлекины, Шуты и Паяцы. Раздавали сувениры, жонглировали мячиками и разноцветными булавами. Кое-где виднелись забинтованные конечности.

А следом, весь в черном, на черной колеснице, запряженной двумя воронымы кобылами, — доктор Бактерия. Высокий шаг лошадей, страусовые перья. Сам доктор примостился на козлах, словно ворона; приподняв черный как смоль цилиндр, он выставил напоказ широкую полосу пластыря, наклеенную на лоб.

Феникс, Несгораемая Танцовщица с веерами, — абсолютно голая под двумя асбестовыми опахалами? Мужчины в толпе вытягивали шеи, надеясь уловить хоть проблеск чего-нибудь розового. Пожиратели огня обдавали её пламенем, пока она танцевала, не обнажая ровным счетом ничего, и густой темный дым уходил в небо.

А теперь дружно похлопаем и посмотрим вверх! Ибо сквозь этот дым дрейфует Билли Пузырь, раздутый до совершенно нелепых размеров. Говорят, всё дело в гелии. Настоящий любимец публики! Удерживаемый канатами, он парит в вышине, играя на маленькой гитаре.

А вот и карлик на плечах великана (и из этой пары именно он видит дальше всех). Леди Алостраэль на уницикле. А вокруг нее кружатся, вьются — то ли наяву, то ли в воображении — кто? Стайка эльфов? Волшебный народец? Неужто такое возможно, и как, скажите на милость, это делается?

Подходи, честной народ!

О нет. Теперь четыре лошади и широкая добротная повозка с открытыми бортами. На ней — огромный стеклянный резервуар, полный воды, плеск да брызги. Внутри, под водой, плавает человек. Зовут его Аквафагус, и вокруг него снует косяк серебристых рыбок. Сам он весь в золотом. Челюсти широкие, зубы сверкают…

Но пойдем дальше.

Сиамские тройняшки, миловидные девчушки — правда, у одной щека в синяках, у другой фингал под глазом, — шлют толпе воздушные поцелуи и машут флажками. И едут верхом на трех страусах. Гуськом.

Большой парад движется дальше.

Пудели на задних лапах. Львы в клетке. Рычат, с виду довольно свирепые, хотя и загляделись на пролетающего мотылька.

Снова клоуны. Силач с гирями. Человек, чья голова вращается на плечах, и металлический шар, который катится сам по себе. Как все это устроено?

Хлопают петарды. Вьются ленты серпантина. Сыплется конфетти. Замыкает шествие одинокий карлик с нарисованной улыбкой; он кланяется и кланяется снова.

Большой парад уходит. Толпа пристраивается следом, ликуя. Смеясь.

Веселье.

Светит солнце.

А причал теперь пуст.

Лишь на мгновение здесь вспыхнуло и заискрилось волшебство — и вот оно уже скрылось вдали. Можно побежать за ним, если хотите. Но придется поторопиться.

А здесь остались лишь серпантин да лепестки роз. Безделушки и конфетти. Пыль, грезы и эхо.

Всё ушло. Цирк уехал.

Жаль.

И вправду жаль!

Потому что в этот момент вновь оживают динамики. Слышится шипение — это игла опускается на черный виниловый диск.

Врежем рок-н-ролл! Глубокие басовые аккорды гремят над причалом. Густой темный голос запевает:

— Bad to the bone, — выводит он. — B-b-b-b-bad to the bone…

Хриплый рев сдвоенного выхлопа, рука в перчатке нетерпеливо подгазовывает, и из чрева корабля выкатывается он. Низкий, хищный, с длиннющими хромированными вилками. Настоящий кастом.

Настоящий «Харлей-Ди».

* * *

Кто это там, оседлал его гордо?
С рёвом мотора идёт на разгон?
Рэймонд, герой-остолоп в черной коже?
Пусть кто-то скажет: «Нет, это не он!»

* * *

И впрямь, это не он. Это Зефир.

Рэймонд всегда мечтал научиться водить мотоцикл. Это было пределом его мечтаний. Но поскольку денег на покупку не водилось, а друзей, достаточно глупых, чтобы доверить ему свой аппарат, не нашлось…

Сейчас он ехал вторым номером.

Зато весь в черной коже. Хоть что-то.

А еще он изнывал под внушительной тяжестью 7,62-миллиметрового минипулемёта M134 от «Дженерал Электрик».

А вот это уже совсем другое дело.

И Рэймонд запел. Он скривил губу точь-в-точь как Элвис и затянул в такт песне:

— Bad to the bone*, — выводил он. — B-b-b-b-bad to the bone.

* "Плохой до мозга костей" - строчка из песни Bad to the Bone группы George Thorogood and the Destroyers

[2] Триллер Ласло Вудбайна. Хотя к этой книге он не имеет никакого отношения.

Глава 15

— А ну слезь с моей ноги, ты, блохастая паршивая тварь!

Саймон, прихрамывая, проковылял вдоль электрической изгороди и вошел в укрепленный фермерский двор через гостеприимно открытые ворота.

— Да отцепись ты от меня, пожалуйста!

Пёс и не подумал. Он воспылал к ноге Саймона нешуточной страстью и не желал отцепляться ни на дюйм.

Сопротивление было бесполезно. По крайней мере, зверюга перестала рычать и теперь просто тяжело дышала. А так как из дома на крики Саймона никто не вышел, он резонно рассудил, что и тяжелого дыхания они не услышат. И он решительно похромал дальше, волоча на себе пса.

Он добрался до «Ягуара» и заглянул в открытое окно. В лунном свете блеснули ключи в замке зажигания. Удачно. Саймон просунул руку в салон, выудил их и сунул в карман свободной от собаки штанины. Проковыляв к «Лендроверу» Долговязого Боба,

он заглянул и туда. Ключей нет. Ну конечно, а чего он ожидал? Боб наверняка забрал их, чтобы открыть входную дверь. Справедливо. Саймон осторожно присел и выпустил воздух из двух шин с правой стороны. Затем, прихрамывая, двинулся к дому.

Изнутри доносились звуки веселья. Неужто вечеринка?

Саймон подобрался к кухонному окну и прильнул глазом к немытому стеклу. Тут же отпрянул, посмотрел снова и горько выругался сквозь зубы.

«Вечеринка» — это еще мягко сказано!

Вся компания была в сборе, рассевшись вокруг кухонного стола.

Красотка стояла спиной к окну.

Ее дружки-террористы. Теперь они были без масок, и ими оказались не кто иные, как члены «Римской свечи» (имелся в виду несчастный случай с парашютом, а не фейерверк).

А вот и Долговязый Боб — сидит с краю и разливает по стаканам сидр.

А вот Дэйв Вояка поднимает тост за Боба.

И там же Лиза, девушка Саймона.

Лиза сидит на коленях у Дэйва Вояки, обнимая его за шею.

— Сволочи, — прошипел Саймон.

И, ну конечно, там же лежал весь выигрыш Саймона, сложенный в аккуратную кучку прямо посреди стола.

— Сволочи, сволочи, сволочи, — прошептал Саймон. — Пора действовать.

Пошатываясь вместе с прилипшим к нему лерчером, он вернулся к «Лендроверу» Долговязого Боба. Действовать, решил

он, нужно радикально. О том, чтобы зайти и объясниться, не могло быть и речи — их слишком много. Значит, лучший выход — отвлечь внимание. Устроить что-то такое, что выманит их всех из кухни, чтобы он мог проскользнуть внутрь и забрать свое добро.

— И, — прошептал Саймон, волоча ногу к задней части «Лендровера» и отвязывая большую канистру с бензином, — ничто так не отвлекает, как хороший, здоровенный пожар.

Поджог — преступление весьма тяжкое. И Саймону прежде даже в голову не приходило совершить нечто подобное. Но сейчас он был зол. По-настоящему взбешен. И в голове крутился лишь один вопрос: что бы такое подпалить?

«Лендровер»? Нет, слишком близко к «Ягуару», на котором он собирался удирать. Нужно что-то другое. Что-нибудь на дальнем краю двора, подальше от ворот. Что-то такое, что полыхнет сразу и мощно. Но что?

За фермерским домом, серебрясь в лунном свете, стояли курятники.

— Идеально, — произнес Саймон.

Идеально? О чем это он?

— Идеально. Разумеется, сначала я выпущу всех кур.

Ну, слава богу. Хоть какая-то искра порядочности.

— Они изрядно добавят суматохи.

Никакой порядочности, одно бессердечие!

Саймон свирепо посмотрел на собаку, прилипшую к его ноге.

— Ты скоро там?

Пес даже не планировал заканчивать.

— Может, курочка на ужин тебя убедит?

Курятники были длинными, деревянными, без окон и выглядели жалко. Казалось, они и так вот-вот развалятся. Саймон вполне мог бы убедить себя, что оказывает Долговязому Бобу услугу, спалив эту труху. Тот хотя бы получит страховку и построит новые. Но подобные оправдания грядущего злодейства даже не приходили Саймону в голову.

— Самый большой — мой фаворит, — пробормотал он, продолжая тащиться вперед, отягощенный собакой и канистрой бензина.

Куры кудахтали. Отвратительный звук. Словно бессвязный лепет сумасшедших.

Саймон не любил кур. Свиньи ему нравились, если не считать их ресниц — уж больно человеческих. Но куры — нет. Бестолковые, безмозглые твари эти куры.

Дверь большого курятника была не заперта, только прикрыта на засов. Саймон отодвинул его. План был прост: прошмыгнуть внутрь, прикрыть дверь, включить свет. Окон нет, снаружи не заметят. Плеснуть бензином по углам. Распахнуть дверь, выгнать птиц. Поджечь запал и отступить на безопасное расстояние.

Делов-то.

— Я спалю твой курятник дотла, — пропел Саймон на мотив старой песенки Пола Янга.

Внутри было темно. Первое, что бросилось Саймону в нос, — запах. Тот самый, что он учуял раньше. Странный аромат, перебивающий даже вонь куриного помета. Здесь он ощущался особенно сильно.

— Ну и вонища! Так, где тут выключатель?

Второе, что он заметил, — тишина. Вернее, ее внезапное наступление. Куры разом перестали кудахтать, что было странно, учитывая, что в их обитель без приглашения ввалился незнакомец с висящей на ноге собакой.

Пальцы Саймона нащупали выключатель и щелкнули им. Неоновые трубки зашипели, затрещали и ожили, залив сарай резким, беспощадным светом.

Саймон моргнул, и когда глаза привыкли к яркости, из его открытого рта вырвался короткий, но выразительный возглас изумления.

Внешний вид курятника явно не соответствовал тому, что скрывалось внутри. Это был вовсе не захудалый сарайчик в Брэмфилде. Скорее, это напоминало лабораторию по исследованию животных.

Здесь было чисто. Стерильно чисто. Пол из белого линолеума был выскоблен до блеска. Вдоль свежевыкрашенных стен на полированных алюминиевых стеллажах стояли сотни стеклянных гнезд-боксов. По четыре яруса с каждой стороны во всю длину помещения. В дальнем конце что-то скрывала медицинская ширма. Теперь уже всерьез заинтригованный, Саймон поставил канистру на пол и, не сгибая ноги, на которой болтался лерчер, поковылял вперед, чтобы выяснить, что там.

Сделав три шага, он остановился. Что-то здесь было не так. И этим «что-то» — по крайней мере, отчасти — были сами куры.

Саймон окинул их взглядом. Птицы сидели неподвижно и пристально смотрели на него. И хотя куры никогда не выглядели дружелюбными, эти казались явно… какими? Злыми, подумал Саймон, определенно злыми. А для кур это было совсем ненормально.

Саймона пробрала дрожь. Здесь тоже было холодно. Кажется, даже холоднее, чем снаружи. Изо рта вырывался густой пар. Неужели здесь специально включено охлаждение? Что-то тут не так.

Саймон дернул ногой и обнаружил, что «борзая нагрузка» исчезла. Пес теперь прижимался к нему боком. Шерсть на

загривке стояла дыбом, губы оскалены, а взгляд намертво прикован к больничной ширме.

— Что здесь вообще творится? — Саймон окинул взглядом собаку, кур, облачка собственного дыхания и ширму. — Ладно. Глянем.

Саймон двинулся вперед своей особенной, крадущейся походкой. Куры справа и куры слева от него зашевелились и заворчали. Каждый глаз-бусинка следил за ним.

— Да ну нафиг.

С каждым шагом к ширме запах становился всё сильнее. Саймон всё еще не понимал, чем это несет, но теперь хотя бы знал источник.

Куры волновались всё больше, и стоило Саймону протянуть руку к ширме, их голоса слились в один жуткий, невыносимый вопль.

А потом — резкая тишина. Замолкли, все как одна. От этого внезапного безмолвия Саймону стало не по себе.

— Быстро смотрим и сваливаем. — Он рывком отодвинул ширму.

Вонь ударила в нос с удвоенной силой, но не она заставила его отшатнуться и, давясь рвотным позывом, зажать рот ладонями.

А то, что он увидел!

Перед ним стоял стальной стол, на котором покоился большой стеклянный инкубатор, подключенный к холодильной установке и освещенный сверху рядом белых неоновых трубок.

Внутри инкубатора на подушке из красного бархата что-то лежало.

Нечто голое, размером с новорожденного младенца. Нечто мерзкое.

В нем было много человеческого, но еще больше — нет. Грудь и живот покрывал мягкий перьевой пух. Пухлые детские ручки и ножки заканчивались уродливыми куриными когтями. Крошечная головка была совершенно лысой, если не считать ирокеза из иссиня-черных перьев.

Саймон в ужасе наблюдал, как головка медленно поворачивается к нему. Пронзительные зеленые глаза — человеческие, но там, где должны были быть нос и рот, торчал хищный клюв.

Глаза впились в Саймона, жестокий клюв дрогнул, длинный черный язык вывалился наружу. Демоническое, адское, холодное и беспросветное зло.

— Господи помилуй, — Саймон замер, содрогаясь всем телом.

В этот момент некое химическое соединение в его мозгу выдала предельно чёткую инструкцию: «Верни всё как было и беги спасайся что есть мочи».

Дрожащей рукой Саймон задвинул ширму на место и, всё быстрее пятясь, поспешил прочь из сарая. У самой двери он развернулся, чтобы броситься наутёк, но споткнулся о канистру с бензином и растянулся на полу.

— Сжечь на хрен, — Саймон с трудом поднялся на ноги. — Не знаю, что ты такое, — прошептал он, срывая крышку с канистры, — но ты — само зло, и ты сгоришь.

— Вот уж не думаю. — Саймон услышал голос и ощутил холодное твердое прикосновение стали к шее. Холодное твердое прикосновение, в котором он безошибочно узнал дуло дробовика.

— О боже, — только и вымолвил Саймон.

* * *

«П-п-п-плохой до мозга костей». «Харлей» катил по улицам Фогерти. Город был, безусловно, хорош. Чем-то напоминал

декорации к «Нетерпимости» Д. У. Гриффита… или это было «Рождение нации»? Ну, то самое, с исполинскими вавилонскими ступенями и статуями слонов на громадных колоннах. Точно, «Нетерпимость».

Только не в оригинальном черно-белом варианте, а в сияющем «Техниколоре».

— Почему здесь почти никого нет? — крикнул Рэймонд Зефир.

— Все ушли в цирк! — отозвалась Зефир.

— А где держат похищенных?

— В аукционном доме. Отмечен на твоей карте.

— Отмечен на моей карте? — задумчиво переспросил Рэймонд. И ещё более задумчиво добавил про себя: «Интересно, на какой именно?»

— На той, что я сунула тебе в карман, когда мы покидали корабль, — крикнула Зефир Чудотворная.

— А, на этой! Нашёл, спасибо.

Разумеется, карта была на английском, как и уличные указатели в столице Сатурна. Со временем Рэймонду многое станет ясно. Со временем, но не сейчас.

Пока что ему оставалось лишь довольствоваться ролью пассажира при этом дивном создании: ехать на мотоцикле, который она сотворила буквально из воздуха, в одежде, возникшей из того же воздуха, и с нелепейшей пушкой, которую она точно так же извлекла из этой разреженной, но, судя по всему, весьма податливой субстанции. Всё это, разумеется, было совершенно невозможно, но приключение выходило чертовски захватывающим.

— Я не могу одновременно вцепляться в эту дурацкую пушку и сверяться с картой, — окликнул её Рэймонд. — Кое-что и впрямь невозможно. Притормози на минуту, будь добра.

Зефир припарковала «Харлей» у обочины, заглушила мотор и без видимых усилий водрузила тяжелую машину на подножку. Затем она грациозно слезла с седла.

— Ты потрясающе выглядишь в этом прикиде, — заметил Рэймонд.

— Благодарю. — Зефир отвесила легкий поклон. — А теперь показывай карту, у нас совсем мало времени. И мне кажется, мы остановились в не самом приятном районе.

Рэймонд огляделся. Место и впрямь было дрянное. Они каким-то образом свернули с главной магистрали и теперь вместо Верхнего Мемфиса оказались в Нижнем Каире. Улицы имели тот специфический вид, который так и кричит: «Чужакам здесь не рады». Рэймонд невзлюбил этот квартал с первого взгляда.

Вообще, есть немало вещей, способных гарантированно собрать толпу. Авария, драка двух женщин или, на худой конец, уличный проповедник. «Харлей-Дэвидсон» тоже всегда привлекает внимание. А уж «Харлей-Дэвидсон» в компании красавицы, с ног до головы облаченной в черную кожу... Тут уж глаз не оторвать. Сами посмотрите.

Зефир развернула карту.

— Заблудились, любезные? — поинтересовался проходивший мимо шакалоголовый в кричащем клетчатом костюме. Рэймонду он мгновенно напомнил Лона Чейни-старшего в его легендарной роли Человека-волка. Или это был просто «Оборотень»? А может, Уорнер Оланд в «Лондонском оборотне» тридцать пятого года? Да и какая, в сущности, разница?

— Может, я чем-то могу помочь? — осведомился человек-волк вкрадчивым, хотя и вполне интеллигентным тоном.

Зефир его проигнорировала.

— Туристы, верно? — Человек-волк восхищенно оглядел и девушку, и мотоцикл, демонстративно не замечая Рэймонда. — Дайте угадаю: вы из Эдема, не так ли?

Зефир отвернулась. Рэймонд задумался над этим «Эдемом». Неужели так называют внешнюю Землю?

— Прелестная планета. — Человек-волк смахнул с широкого лацкана воображаемую пылинку и ухмыльнулся через плечо Зефир. — Был там в отпуске в прошлом году. Пованивает там, конечно, малость, а? Но всё станет куда лучше, когда они наконец заткнут эти дыры на полюсах, как думаете?

— Как думаю? — Зефир смерила шакалоголового надменным взглядом. — Я думаю, следовательно, я из Эдема. Оплота знаний и расовой чистоты. А теперь брысь гадить на газон, будь любезен.

Похоже, не заметив оскорбления — или, подобно Саймону, просто упиваясь достойным вызовом, — человек-волк без запинки продолжил гнуть свою линию.

Рэймонд начал нервничать, и появление еще двух сатурнианцев, явно положивших глаз на «Харлей-Дэвидсон» и женщину в черной коже, лишь усилило это беспокойство. Это была парочка сокологоловых молодчиков в спортивных костюмах и кроссовках.

— Руки от мотоцикла, — бросил Рэймонд, когда один из них протянул любопытную пятерню.

— Слышь, — сказал сокологоловый. — А мотик реально классный.

— Отвали, — выпалил Рэймонд первое, что пришло в голову.

Пара скудно одетых девиц с ястребиными лицами, только что выпорхнувших из заведения, которое явно было вертепом разврата, захихикали.

— И вы тоже, — добавил Рэймонд.

— Что тут происходит? — спросила дама с головой ибиса в соломенной шляпке. — Несчастный случай?

— Сейчас будет, — Рэймонд многозначительно качнул своей здоровенной пушкой.

— Да не настоящая она, — фыркнул юный сокол. — Эй, Зип, иди сюда, покажи мужику свой ствол.

— Зефир, я думаю, нам и правда пора ехать.

— Прокатите на мотоцикле! — попросила дама-ибис в соломенной шляпке. — Всего один кружок вокруг квартала!

— Оставьте мотоцикл в покое. Зефир, пошли.

На самом деле, ущипнул Зефир за задницу, скорее всего, вовсе не человек-волк. Вероятнее всего, это был широкоплечий человек-ястреб в широкополой шляпе — владелец притона, который как раз вышел поглядеть, чем заняты его девицы. Но Зефир развернулась и врезала именно человеку-волку. Прямо в кончик носа. Один резкий, точный удар. Граф Данте был бы в восторге. Собравшаяся толпа симпатии не проявила.

Зип выхватил дешёвенький ствол. Субботний вечер грозил стать убойным (простите).

Рэймонд попытался выстрелить в воздух, но так как понятия не имел, как эта штука работает, просто замахнулся ею на вооруженного сокола. Промахнувшись, он под тяжестью своего внушительного пулемета потерял равновесие и рухнул с багажника мотоцикла.

События стремительно закрутились.

Зип прыгнул верхом на поваленного Рэймонда, другой сокол оседлал мотоцикл. Ястреб обхватил Зефир за талию и вздернул в воздух. Дама-ибис в соломенной шляпке попыталась утащить мини-ган, а юный сокол принялся заводить «Харлей».

— Нет! — заорал Рэймонд.

Зип нажал на спусковой крючок.

Ослепительная вспышка, оглушительный грохот, а затем — крики и вопли.

Рэймонд, который зажмурился в ожидании пули, снова открыл глаза. Он всё еще был в мире живых. Но этот мир сошел с ума.

Зип отлетел на несколько ярдов. Из его груди торчала пила рыбы-пилы. Сама рыба отчаянно билась в сточной канаве позади него.

— А-а-а! — взвыл Рэймонд.

Юный сокол закричал, но вовсе не от потери друга. «Харлей», на котором он сидел, превратился в тигра. Сокол всё еще держал его за уши; зверь повернул голову и...

— А-а-а! — снова закричал Рэймонд.

Ястреб тоже завопил. Каким бы дюжим здоровяком он ни был, ему было не сладить с медведем, которого он теперь сжимал в объятиях. Медведем, чьи когти...

— А-а-а! — Рэймонд закрыл глаза руками.

И повсюду только и слышалось: «А-а-а-а-агрх!». Дама-ибис в соломенной шляпке сражалась уже не с мини-пулеметом, а со змеей со скверным характером. Человек-волк валялся в отключке, и гиена вцепилась ему в горло. Туча летучих мышей преследовала остальных, разбегавшихся с воплями.

— Заберите меня домой, — заскулил Рэймонд, сворачиваясь калачиком. — Заберите меня домой, я больше так не играю.

— А ну, спокойно, — голос Зефир раздался прямо у его уха. — Садись на мотоцикл.

— На мотоцикл? — Рэймонд приоткрыл один глаз. Мотоцикл вернулся. Он стоял прямо здесь, среди тел и крови.

— На мотоцикл. Садись. Мы, как говорится, сваливаем.

* * *

— Давай вали, — отозвался человек с дробовиком. — А ну, вали отсюда, живо, я сказал.

— Я просто прибирался, — дрожа ответил Саймон. — Долговязый Боб нанял меня следить за чистотой. Я как раз выводил пятна с пола вот этой банкой денатурата. Ну, я закончил, так что пойду домой.

— Вот ведь лживый ублюдок, а? — сказал Дик Годольфин, ибо это был именно он. — Но за старание — высший балл. А теперь шевелись, не то пристрелю на месте.

Колени Саймона не слушались. При ходьбе они так и колотились друг о друга. Зубы тоже выбивали чечетку. И вся последующая ложь, которую он плел Дику-браконьеру, пока тот подталкивал его через двор, звучала фальшиво даже для самого Саймона.

Потому что теперь Саймон был напуган по-настоящему.

— На этот раз ты сунул нос не в те дела, — сказал ему Дик. — Теперь тебе придется поговорить с Главным.

— Я дам тебе кучу денег, — взмолился Саймон.

— Мы уже забрали все твои деньги, — отрезал Дик. — А теперь забрали и тебя.

Саймон заламывал руки, а на лице его застыло отчаяние.

— Твоя чертова псина опять прицепилась к моей ноге!

К счастью, дверь фермерского дома была не заперта, а лишь прикрыта на защелку. К счастью для Саймона — ведь именно его головой эту дверь и вышибли, когда Дик Годольфин огрел его прикладом.

Саймон влетел прямо на кухню, прервав самый разгар веселья. Лиза соскользнула с колен Дэйва Вояки.

— Саймон, — произнесла она, поправляя лифчик под футболкой. Под футболкой Саймона. — Какой сюрприз.

— И впрямь сюрприз, — Долговязый Боб отставил банку из-под джема, из которой пил. — С ним есть кто? — спросил он у Дика.

Браконьер мотнул головой:
— Этот ублюдок один-одинешенек. Собирался поджечь курятник. Его Величество...

Долговязый Боб приложил палец к губам.

— Ну и заноза же ты, — бросил он парню, валявшемуся на полу с висящей на ноге борзой.

Саймон схватился за голову. Головная боль вернулась.

— Этот человек безумен! — заявил он, тыча пальцем в браконьера. — Я совершал вечернюю прогулку, когда он набросился на меня с ружьем. Его нужно арестовать. Будьте добры, позвольте мне воспользоваться телефоном, я вызову полицию.

— За старание ему можно смело ставить пятерку, — заметил Дэйв Вояка.

— Я уже поставил, — буркнул Дик. — И еще разок приложил прикладом для верности.

— Где книга? — спросил Долговязый Боб. — Книга при нем?

— Книга? — выдавил Саймон. — Какая еще книга?

Дик пнул Саймона под ребра.

— Ой! — вскрикнул Саймон, сложившись пополам.

Дик нагнулся и бесцеремонно обшарил его карманы.

— Нет у него книги, — констатировал он.

И верно, не было. Потому что Саймон оставил её в «укромном кусте». Который показался ему вполне подходящим для этого укрытием.

— Где она, Саймон? — Долговязый Боб навис над ним всей своей громадой. — Мы знаем, что она у тебя, иначе ты бы ни в жисть не выиграл на скачках. Нам эта книга нужна позарез. Она не для тебя предназначалась. Где она?

Боб замахнулся для пинка, но Саймон проворно откатился в сторону, увлекая за собой собаку Дика.

— Она у Писаки! — соврал Саймон. — Я только что от него. Она всё время была у него. Это он мне говорил, на каких лошадей ставить!

— Писака говорил? — Долговязый Боб погладил свою густую окладистую бороду. Прежде об этой бороде в рассказе не упоминалось, но, тем не менее, она у него имелась. И сейчас он её поглаживал.

— Дик, — сказал Долговязый Боб, — сходи к Писаке. Передай ему всё, что нам тут наплел Саймон. И принеси книгу.

— Я пойду с тобой, — вызвался Саймон. — То есть, если хочешь, я могу сходить вместо тебя.

— Ты останешься здесь, — отрезал Долговязый Боб. — Будем молиться, чтобы он не вернулся с дурными вестями.

«Давайте лучше помолимся, чтобы он вообще не вернулся», — взмолился про себя Саймон.

— Эй, Дик, подонок, собаку свою не забудь!

Дверь фермерского дома закрылась за человеком и его псом, и Саймон с мучительным трудом поднялся на ноги.

— Может, найдется что выпить? — спросил он.

— Сядь и заткнись.

— Слушаюсь, Боб, конечно. — Саймон рухнул на единственный свободный стул и одарил присутствующих болезненной улыбкой. Не дождавшись ответа, он сгорбился и покосился на свой выигрыш. Так близко, и в то же время так далеко.

Долговязый Боб поставил кувшин сидра между Саймоном и его мечтами.

— Ты ведь в дерьме по самые уши, а? — спросил птицевод.

— В дерьме? Я? — Саймон оскалился в подобии улыбки. — Вообще-то я слегка сбит с толку. Что здесь, черт возьми, происходит?

— Ты сам всё видел в сарае.

— Я ничего не видел!

Долговязый Боб принюхался к Саймону.

— Я чую его запах на тебе. И страхом твоим тоже разит.

— Не понимаю, о чем ты. — Саймон взял кувшин дрожащей рукой и осушил его одним махом.

— Понимаешь, просто не осознаешь, — Долговязый Боб похлопал Саймона по плечу. — Не надо так ежиться. Во всяком случае, пока.

— Да что происходит?

Долговязый Боб налил Саймону еще стакан и пододвинул его.

— Что происходит, спрашиваешь? Ну что ж, я расскажу. В конце концов, это ведь не выйдет за пределы этих четырех стен?

— Ни в коем разе! — Саймон перекрестился и приложился к сидру.

— Потому что и ты больше никогда не выйдешь за пределы этих четырех стен.

— Ой, — отозвалась Лиза. — Жалко то как.

— Благодарю, Лиза, дорогая, — сказал Саймон. — Я люблю тебя, и всегда любил.

— Его Величество требует жертвы, — объявил Долговязый Боб. — Я выдвигаю Саймона. Кто «за»?

— За, — отозвались все присутствующие, все, кроме Саймона. Все, включая Лизу.

— Я выдвигаю собаку Дика, — вставил Саймон. — Ну же, шутки в сторону. Какая еще жертва? Кстати, можно воспользоваться вашей уборной?

— Сиди смирно. — Долговязый Боб одарил Саймона крайне неуютным взглядом. — Сиди смирно, помалкивай, и я тебе всё расскажу.

Саймон сидел смирно, помалкивал, и у него тихонько поджилки тряслись от страха.

— Настал особый час, — нараспев произнес Долговязый Боб. — Время, подобного которому еще не бывало.

Саймон залпом допил сидр. «Дело дрянь», — подумал он.

— Конец Времен, — изрек Долговязый Боб.

«О господи», — подумал Саймон.

— Конец Времен близок. Зловещие знамения и предвестия наполняют небеса. Знаки грядущего Рагнарёка.

— Гёттердаммерунга! — выкрикнул Дэйв Вояка.

— Именно так, — подтвердил Долговязый Боб, — именно так. Ибо младенец родился нам. Царь дарован нам. В час, когда небо темнеет, а солнце сходит с орбиты.

«Орбиты?» — подумал Саймон. «Ох, беда, беда».

— Когда воздух станет смрадным, посевы увянут, а земные твари поползут на брюхе, задыхаясь, задыхаясь... — Долговязый Боб драматично изобразил удушье, схватившись за горло. — Вот тогда он восстанет, чтобы спасти нас. Тот, кто восстает прямо сейчас. Тот, кого ты видел. Новорожденный. Рожденный вновь.

— Хвала ему! — выкрикнула Красотка.

— Хвала ему, — согласились участники «Римской свечи», выдав стройное трехголосие.

— Хвала ему, — подтянули остальные славословы.

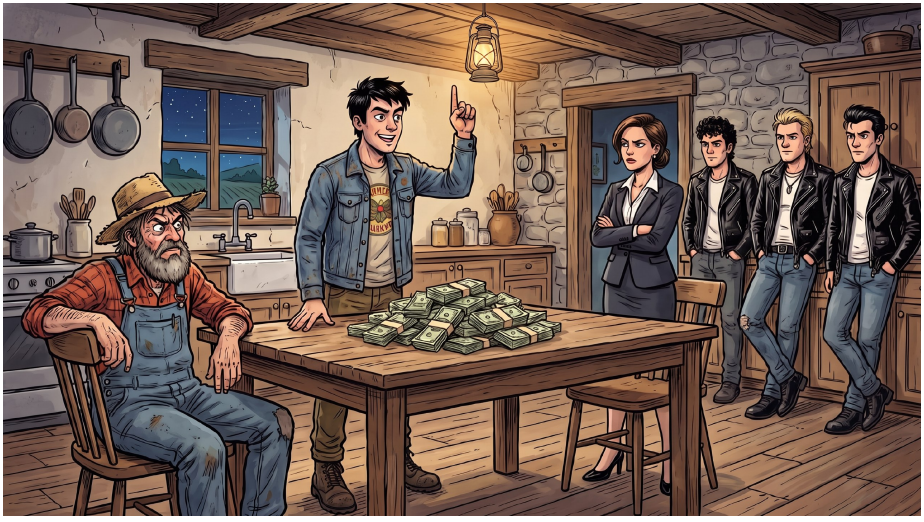
Саймон всё же осмелился спросить:
— Простите, а хвала-то кому?

— Его Величеству... — Долговязый Боб вскинул руки к небу, а затем низко склонился к столу. — Его Величеству, чье время пришло. Его Величеству лорду Люциферу.

— Л... Л... Л... Люциферу? — переспросил Саймон.

— Люциферу, — подтвердил Долговязый Боб. — Или, как правильно произносится его священное имя... КУРИЦЕ-ФЕРУ.

Глава 16

* * *

— Что там произошло? — Рэймонд вцепился в Зефир, пока та гнала мотоцикл вперед. — Те люди... они мертвы. Это было ужасно. Просто ужасно.

С тяжелым миниганом было покончено. Рэймонд только что увидел смерть вблизи и больше не желал иметь с ней ничего общего.

— Спасибо, — выдавил он.

— Спасибо? — Зефир улыбнулась, обернувшись через плечо.

— За то, что спасла меня. Ты не могла бы притормозить? Меня сейчас вырвет.

— Боюсь, у нас нет времени. Но с тобой все будет в порядке. Просто держись крепче, теперь я знаю, куда мы едем.

И Рэймонд держался. «Харлей» заложил вираж налево, потом направо, а он всё не разжимал рук.

— Из-за того, что там случилось, будут неприятности, да? — крикнул он Зефир.

— Огромные, я полагаю. Так что держись крепче, мы почти приехали.

И они действительно почти приехали.

Впереди высилась монументальная пирамида. На вид — чистый мрамор, но это была лишь имитация. Пластик. На золотом конусе верхушки неоном вспыхивал логотип аукционного дома.

— Это оно?

— Да. А теперь — действуй быстро.

— Действовать быстро?

— Веди себя как эдемит. Ты же знаешь, как они себя подают.

— Веди себя как эдемит... Так вот как называется верхний мир? Эдем? Как тот самый Эдемский сад?

— Позже.

Зефир лихо вывела тяжелый байк на элегантную аллею. Ряды обелисков (пластиковых), фруктовых деревьев (пластиковых) и аккуратно подстриженных живых изгородей (тоже пластиковых, хотя на Рэймонда всё это произвело сильное впечатление).

— Ненавижу эту планету, — проворчал он.

— Помни, — бросила Зефир, — уверенная чушь творит чудеса. Ты справишься. А если нет, то я сама...

— Нет! — воспоминание о пиле рыбы-меч было еще слишком свежим. — Я сам разберусь.

Перед громадой пирамиды красовались парадные ворота. С одним из тех подъемных шлагбаумов и маленькой будкой охраны. Ну, вы знаете такие. Они вечно стоят на въездах в парковки, на заводы и всё в таком духе.

Они все как под копирку: крючок для одежды, крошечный телевизор, электрообогреватель на зиму, вентилятор на лето и электрочайник на все остальные времена года. А еще сиденье с персональной подушкой и подборка «безобидных журнальчиков для взрослых», которые, когда сторона обвинения предъявляет их в суде, неизменно именуются «порнографией самого развратного и грязного толка».

В этих будках всегда пахнет одинаково. Затхлый, какой-то биологический запах. О его происхождении лучше не задумываться.

Когда Рэймонд и Зефир подъехали, из будки высунулась крупная темная голова ястреба. Охранник был в аккуратной синей униформе и с планшетом в руках.

Рэймонд не стал искать в нем никаких достоинств. Он просто возненавидел его с первого взгляда.

Зефир остановила «Харлей». Рэймонд слез с заднего сиденья и принялся демонстративно прихорашиваться: поправлял лацканы, расправлял складки на брюках, пригладил волосы.

— Могу я вам помочь? — спросил охранник, когда смотреть на это стало выше его сил.

Рэймонд скользнул по нему взглядом, словно заметил только что.

— Живо подними шлагбаум, — фыркнул он. — Я желаю проехать.

— Цель визита? — Охранник перенял высокомерный тон Рэймонда.

— Торговые представители Эдема. Поторапливайся и пропусти нас.

— Сомневаюсь. Вам назначено?

— Нам не нужны приглашения. Немедленно отойди в сторону.

Ястребоголовый покачал своей ястребиной головой и сверился с записями.

— Вам потребуется не только назначение, но и официальное разрешение правительства, въездные документы с сегодняшней датой, удостоверение личности, а также я должен буду проверить ваши межмировые паспорта, визы и сертификаты о прививках.

— Пф-ф! — бросил Рэймонд.

— И еще мне придется провести тщательный личный досмотр молодой особы.

— Это еще зачем? — возмутился Рэймонд.

— Ты серьезно? — удивился охранник.

— Прочь с дороги, деревенщина! — Рэймонд шагнул вперед. Охранник преградил ему путь. Суровый тип с головой ястреба.

Рэймонд выпятил грудь:
— Я требую пропустить нас сию же минуту. Мы прибыли для досмотра последней партии «Джорджей».

— Сочувствую, приятель, но мне моя работа дороже. Ступайте-ка обратно, откуда пришли, и доброго вам денечка.

Зефир нетерпеливо зацокала языком.

— Я сам справлюсь, — бросил ей Рэймонд. — Послушай любезный, — обратился он к охраннику. — Я действую по прямому поручению моего доброго друга Бинки.

— Бинки? Ты имеешь в виду...

— Его Королевское Высочество Великого герцога. Именно.

— Ты — близкий друг Его Королевского Высочества?

— Именно так, — Рэймонд самодовольно поправил прическу. — Близкий друг.

Охранник окинул Рэймонда взглядом с ног до головы.

— Ага, а у меня из задницы фиалками пахнет, как в райском саду. Проваливай.

— Записывайте, мисс Зефир, — чеканя слова, произнес Рэймонд.

В руках у Зефир тут же возникли блокнот и карандаш.

— Слушаю, сэр, — отозвалась она.

— Его Королевскому Высочеству Великому герцогу Фогерти, Дворец Небесных Наслаждений, номер один по Фешенебельному тракту, город Фогерти.

Дорогой Бинки! Следуя твоим четким указаниям, я в срочном порядке прибыл в аукционный дом для осмотра партии «Джорджей», предназначенных для сегодняшнего государственного ужина в честь твоего бедного больного сына Колина.

Однако, когда я разъяснил суть этой монаршей миссии — а именно, что в продажу могли попасть зараженные образцы, которые наверняка отравят тебя, всё твое семейство и, разумеется, бедного больного сына Колина, — мне было отказано в доступе.

— Поэтому я рекомендую в интересах здравоохранения и гигиены сровнять весь комплекс аукционного дома с землей, а горе-убийц взять под стражу для допроса, суда и казни. Не сомневаюсь, что привратник выдаст имена своих сообщников, если его подвергнуть суровым пыткам в течение недели. Его полное имя... — Рэймонд замолчал. — Кстати, как твое полное имя? — спросил он охранника.

Но охранник уже поднимал шлагбаум.

— Проезжайте прямо, — вежливо сказал он. — И хорошего вам дня.

— Это было весьма эффектно, — заметила Зефир, когда они влетели в пирамиду.

— Спасибо, — ухмыльнулся Рэймонд. — Но я, разумеется, всего лишь подражал профессору.

— Да, однако ты сделал это по-своему.

— Ну, не совсем. На самом деле я сделал это в стиле Саймона.

— Это тот самый Саймон, о котором ты вспоминаешь каждые пять минут?

— Он мой лучший друг. — Рэймонд вцепился в сиденье, пока Зефир лихо вписывалась в поворот. — Я пытался притвориться им, понимаешь? Позаимствовать его выдержку. Использовать его умение пудрить мозги болтовней. Он в этом деле мастер. Саймон может заговорить зубы кому угодно и выпутаться из любой передряги.

— Должно быть, интереснейший человек, этот твой Саймон.

— О, еще какой! — Рэймонд рассмеялся. — Знаешь, я не могу представить ситуацию, из которой он не сумел бы выкрутиться. Саймон — крут и невозмутим. Неимоверно крут.

* * *

Саймона прошиб холодный пот.

— Ку... ку... Курицефер? — пробормотал он. — Вы же это не всерьез?

— Всё дело в птице. — Долговязый Боб замахал пальцами, имитируя трепет крыльев. — Я и сам раньше не знал. Думал, куры — это просто куры. Но это не так. Они знают. И теперь знаем мы.

— Мы знаем, — хором отозвались сидящие за столом. — Мы, З.В.Е.Р.И., знаем всё.

Саймон понимал, что лучше не спрашивать, но любопытство взяло верх.

— А как расшифровывается З.В.Е.Р.И.? — спросил он.

— З.В.Е.Р.И.? — Долговязый Боб наклонился к Саймону. Тот вжался в стул. — З.В.Е.Р.И., — произнес птицевод, — это, разумеется, Земляки, Возжелавшие Еретической Реинкарнации Инферно.

— О да, разумеется. — Саймон вымученно ухмыльнулся. — Я так и думал, что дело в этом. Реинкарнация Инферно, точно.

— Мы — избранные, понимаешь? Ибо Он вылупился нам. Тысячи поколений пернатых, миллиарды и миллиарды кур — всё ради Него. У меня было видение. Озарение. Они открыли мне глаза. Они воззвали ко мне.

— Куры? — переспросил Саймон.

— Куры, — подтвердил Долговязый Боб.

«Боже мой, боже мой, боже мой», — подумал Саймон.

— Я был пьян, — добавил Долговязый Боб.

— Мне бы сейчас тоже не помешало, — пробормотал Саймон.

— Я упал. В курятнике. И они заговорили со мной. Знаешь, куры ведь умеют говорить. Если захотят. Они обратились ко мне. Сказали, что выбрали меня. — Саймон молчал. — Выбрали меня стать отцом Возрожденного. — Саймон снова не нашелся с ответом. — И тогда я отдал свое семя Великой Наседке.

Тут Саймон все-таки обрел дар речи:
— Ты что, трахнул гребаную курицу?

Руки Долговязого Боба сомкнулись на горле Саймона и вздернули его с кресла.

— Прикуси свой богохульный язык! — взревел отец Курицефера.

— Ладно, ладно, виноват! — Руки Саймона тем временем зарылись в кучу денег. Ощущение было божественное. Ему до смерти хотелось забрать их назад. Но с деньгами или без, приоритетом номер один было немедленное бегство. Приоритетом номер два — вызвать армию, чтобы они стерли этот «Ужас в курятнике» [3] с лица земли ядерным ударом.
Саймон вспомнил того бригадира, который командовал Ю.Н.И.Т. в «Докторе Кто». Вот кому надо было звонить. Ю.Н.И.Т. против З.В.Е.Р.И. Самое то.

Что ж, пора сматываться.

— Так, всё, хватит! — Саймон вырвался из хватки фермера. — С меня довольно. Вы всё делаете не так. Я так и знал. Повезло вам, что я пришел.

— Он что, бухой? — спросил Дэйв Вояка. — Или что?

— Тебя здесь вообще быть не должно, — отрезал Саймон, обращаясь к Дэйву. — Ты должен сидеть дома и ждать важного звонка.

— О чем это он? — Дэйв выглядел совершенно сбитым с толку.

— И вы трое, — Саймон развернулся к парням из «Римской свечи». — Вам всем полагается быть в «Веселых садовниках», готовиться к драке!

— Драке? — переспросил один из «Свечей» по имени Кевин. — Какой еще драке?

— С барменом Полом, разумеется.

— С чего бы? — Теперь настала очередь Кевина недоумевать.

— Не могу сказать. — Саймон повернулся к Долговязому Бобу. — Я ведь не могу ему выдать это, верно?

— Не можешь? — Долговязый Боб выглядел слегка растерянным. Хотя по большей части был больше похож на безумца. — О чем ты вообще?

— О книге. — Саймон подмигнул Бобу, сверкнув зубами. — О книге из будущего. О той самой, которую ты так отчаянно жаждешь получить. О книге, которая у меня.

— Ага! — вскричал Боб. — Ага!

— И которую я прочел. От корки до корки.

— Он врет, — Красотка презрительно скривила свои прелестные губки. — Не верьте ни единому его слову.

— Уж кто бы говорил, — Саймон адресовал эту реплику исключительно Долговязому Бобу. Опыт подсказывал: если ввязываешься в разговор троих, тебя легко собьют с толку.

— Это почему еще? — спросил Долговязый Боб.

— Да из-за того номера, который она попытается провернуть с деньгами, что я выиграю завтра.

— Завтра? — переспросил Дэйв Вояка.

— Ты все еще здесь? Пропустишь тот звонок.

— Спасибо. — Дэйв Вояка поднялся, собираясь уйти.

— Сядь, Дэйв, — приказал Долговязый Боб.

Дэйв послушно сел.

— Что именно тебе известно, Саймон? — спросил птицевод.

— По правде говоря, всё. Потому я и твержу: вы всё делаете не так. Вы не должны были меня бить и запугивать. Вам полагается переманить меня на свою сторону, завлечь «общим делом». Так написано в книге. Я вступаю в З.В.Е.Р.И., забираю все эти деньги и завтра же ставлю их на «экспресс». И выигрываю для нас миллионы. Миллионы! Только так вы сможете позволить себе

построить крепость и купить телестанцию для Его Величества. О, в тридцать второй главе есть шикарный момент, когда телестанцию окружает спецназ... кажется, они называются Ю.Н.И.Т. И я спасаю Его Величество тем, что...

— Заткнись! — Долговязый Боб с силой прижал кулаки к ушам. — Ты не должен выбалтывать нам это сейчас! Нам еще рано об этом знать. Так не делается!

— Погоди-ка. — Красотка обвиняюще ткнула пальцем в Саймона. — Он не может всего этого знать, у него же...

— Кратковременная потеря памяти, — поспешно вставил Саймон. — Полагаю, именно поэтому книга и попала ко мне. Завтра я ничего не вспомню. Ни того, что прочел в книге. Ни того, что видел здесь сегодня вечером. Думаю, меня избрала какая-то высшая сила, чтобы я стал скромной, но важной пешкой в великой космической игре.

— Он лжет, — отрезала Красотка. — Неужели не видите? Он всё выдумывает на ходу.

— Кто бы сомневался, что ты это скажешь. Так ведь и в книге написано.

— Боб, скажи ему...

— Заткнись! — Долговязый Боб замахал руками. — Заткнись! Мне нужно это обдумать.

— Ему и правда нужно, — поддакнул Саймон и для пущего эффекта добавил: — Вот только в книге, когда он предается раздумьям, на нем надета особая униформа. Очень элегантная, надо сказать.

— Ага! — снова воскликнул Долговязый Боб. — Опиши-ка мне эту униформу. В мельчайших подробностях.

— С удовольствием, — согласился Саймон. Он в деталях помнил нелепый наряд, который подсмотрел на Долговязом Бобе

позапрошлым утром, когда проходился косилкой по полю рядом с фермой. Саймон прикинул, не пора ли заодно поднять вопрос об украденной косилке, но решил, что сейчас не лучший момент. — ...и с парой куриных крыльев, прикрепленных к шлему, — закончил он.

Все присутствующие, включая Саймона, уставились на Долговязого Боба.

— Истинная правда, — подтвердил тот. — До последней детали. Я как раз собирался надеть её позже, чтобы всем вам показать.

«Удобно вышло», — подумал Саймон.

— Моя вина, — сказал он. — Видимо, я явился слишком рано. Может, мне выйти и зайти снова?

— Нет, — отрезал птицевод. — Я хочу видеть эту книгу. Прямо сейчас.

— Исключено, — ответил Саймон. — Это может всё испортить. Вам придется просто поверить мне на слово.

— Черта с два, — сказала Красотка.

— Дай ему закончить, — приказал Долговязый Боб.

— Видите ли, — сказал Саймон, на мгновение случайно проговорившись, — в книге вообще нет никаких упоминаний о З.В.Е.Р.И. На самом деле там сказано, что я отдал свой выигрыш на благотворительность.

— А-а, — протянул Долговязый Боб.

— Ничего не напоминает? — спросил Саймон.

— Да, именно так мы и договорились написать в книге.

— Вот поэтому вам и придется мне поверить. Книга для вас бесполезна, потому что ради секретности операции вам приходится вписывать в неё всякую ложь. Это сработает только

для меня. Ведь я в этом деле по уши, до самого конца; я — всего лишь пешка, но я нужен вам, чтобы всё сложилось.

Правда, в которую Саймон на миг провалился, тут же испарилась. К нему возвращалась уверенность. Врать — это то, что Саймон умел лучше всего. Ну, если быть точным, врать и заниматься сексом. А еще — заботиться о себе. Эти таланты делили в его личном рейтинге первое место.

— Я должен действовать в одиночку, согласно тому, что предписано в книге. Вам придется мне довериться. А теперь мне правда пора, пока не нагрянула полиция.

— Полиция? — грянул дружный хор голосов.

— Полиция, которая сейчас разыскивает меня по подозрению в убийстве Рэймонда и вон той предательницы, — Саймон снова наставил на Красотку обвиняющий перст. — Они приедут с минуты на минуту. Так что мне лучше поскорее убраться отсюда вместе с деньгами. Тебе, Боб, лучше встретить их у ворот и сказать, что ты меня не видел. Ты ведь не хочешь, чтобы они начали обыскивать курятники, верно?

— Нет, я... э-э... — Долговязый Боб окончательно растерялся.

— Он врет, — бросила Красотка.

— Нет, не врет, — возразила Лиза. — Я виделась с Полом чуть раньше. Он разгружал ящики у «Веселых садовников». Он сказал, что полиция направляется к Писаке искать Саймона.

— А Писака знает, что я пошел сюда, — добавил Саймон.

— Я... э-э... — выдавил Долговязый Боб.

— Надо пойти и вломить этому Полу, — предложил Кевин.

— Теперь до тебя дошло, — сказал Саймон. — Ну так что, я могу идти или как?

Долговязый Боб посмотрел на Саймона. Саймон посмотрел на Долговязого Боба. «Римские свечи» переглянулись. Красотка посмотрела на Лизу.

Лиза посмотрела на Дэйва Вояку. Дэйв Вояка взглянул на часы.

— Я пропущу важный звонок, — бросил он.

— Уходи, — сказал Долговязый Боб Саймону. — Но...

— Но? — переспросил Саймон, уже распихивая по карманам с боем возвращенный выигрыш.

— Если ты нас обманешь хотя бы на грамм, то...

— Знаю, — перебил Саймон. — Не помню точных слов в книге, но, кажется, там упоминались автомобильный аккумулятор, провода для прикуривания и некоторые весьма нежные части моей анатомии.

— Невероятно, — воскликнул Долговязый Боб, который отродясь не отличался такой фантазией. — Именно это я и собирался сказать. Так что считай, что тебя предупредили.

— Считаю себя предупрежденным. Итак, дайте мне десять минут форы, а потом делайте что должно. Когда приедет полиция, скажите им, что вы просто закрывались на ночь и никого не видели.

— Погодите! — вскричала Красотка. — Вы не можете вот так его отпустить!

— О, еще как можете, — вставил Саймон. — И когда завтра будете подкарауливать меня у букмекерской конторы, чтобы отобрать деньги назад, приглядывайте за ней.

— Пригляжу, — пообещал Долговязый Боб. — И спасибо, Саймон.

— Всего лишь вношу свой вклад в общее дело. Слава Курицеферу, и всего доброго.

— Слава Курицеферу, пока.

Саймон покинул ферму рысцой. Он проскочил через залитый лунным светом двор, распахнул дверцу «Ягуара» и запрыгнул внутрь.

— Да! — выдохнул он, лихорадочно пытаясь попасть ключом в замок зажигания. — Я сделал вас, ублюдки! Всех умыл!

Он повернул ключ, и двигатель взревел. Саймон врубил дальний свет. С очередным победным «Да!» и коротким ударом кулаком в воздух он на полной скорости рванул со двора, уносясь в безопасную темноту ночи.

Он сделал это. Правда сделал. Сбежал от этих психов, да еще с деньгами и без последствий. Он позвонит в Ю.Н.И.Т. из первой же телефонной будки. Ну, может, не из самой первой. Из первой в следующем городе. Или через город. А может, уже с борта парома через Ла-Манш. Или вообще из Франции.

— Бум-шанка, — пробормотал Саймон. — Бум-шанка, бум-бум-бум.

— Бум-бум-бум, — эхом отозвалось с заднего сиденья. Это был голос полицейского инспектора Д'Рянь.

— А-а-а! — завопил Саймон, и машину бросило из стороны в сторону.

— Полегче, сэр. — Из-за спинки кресла показалась хитро зачесанная плешь инспектора. — Мы же не хотим давить ни в чем не повинных пешеходов, верно? Кстати, это от вас разит спиртным? И являетесь ли вы законным владельцем этого автомобиля?

— Я... — выдавил Саймон. — Я... я... я...

— Будьте так любезны, притормозите у полицейского блокпоста впереди, сэр. Думаю, на этот раз можно считать, что вы окончательно попались.

[3] Страшная сказка Килгора Спраута.

Глава 17

— Кажется, мы на месте, — сказал Рэймонд. И они действительно были на месте. В самом сердце пирамиды. На скотном дворе.

Он был огромным. Размером с добрых полтора футбольных поля. Высокие потолки. Бетон. Место, прямо скажем, прескверное. Воздух был спертым, а атмосфера — просто дрянь. От жуткого мрака, напоминавшего о Дахау, у Рэймонда волосы на затылке встали дыбом, а сердце ушло в пятки.

Здесь были загоны и клетки, но они, к счастью, пустовали. Имелась стоянка для грузовиков — новеньких, с иголочки машин. Виднелись краны, вилочные погрузчики и какие-то джипоподобные штуки для передвижения по территории. Все в сугубо земном стиле.

А еще здесь были стеллажи. Длинные алюминиевые стеллажи. Немного похожие на ячейки для яиц в дверце холодильника. Только гигантские. И на них держались пузыри. Две сотни

пузырей. В каждом — свой жалкий груз. Одинокий, свернувшийся калачиком, спящий обнаженный человек.

— О Господи! — Рэймонда передернуло. — Это же мерзость. Какая-то дикая мерзость. Я не вынесу этого.

— Соберись, — Зефир соскочила с «Харлея». — Ты проделал такой путь. Справишься и с остальным.

— Ты же знаешь, я не справлюсь, — пробормотал Рэймонд слабым, полным пафоса голосом.

— Конечно, справишься. Итак, что будем делать? Расколотим все пузыри и выпустим людей?

— НЕТ! — Рэймонд вскинул руки и свалился с мотоцикла. — Только не здесь. Двести голых людей в состоянии шока. Даже не думай об этом. Мы должны позволить им спать и как-то доставить их на корабль в их нынешнем виде. Освободить их там. Осторожно. По одному.

— Ты настоящий гуманист, Рэймонд.

— Благодарю. — Рэймонд поднялся с пола и отряхнул свой кожаный прикид. — Ну, давай, — сказал он.

— Что «давай»?

— Твори свою магию, — сказал Рэймонд. — Превратись в вертолёт или ещё во что-нибудь и перевези всех этих людей на корабль.

— Я не могу этого сделать.

— Теперь моя очередь сказать: конечно, можешь. Ты же наколдовала «Харлей», правда?

— Да, наколдовала, но...

— Значит, сможешь наколдовать большой грузовик или что-нибудь в этом роде. Почему бы не наколдовать такой, —

Рэймонд указал пальцем, — как вон тот? У него наверху есть специальный стеллаж для перевозки пузырей и всего остального.

Зефир посмотрела на Рэймонда, а Рэймонд — на Зефир.

— Ну? — спросил Рэймонд. — Что?

Зефир покачала своей красивой головой.

— Ты умеешь водить большой грузовик?

— Вообще-то, умею. — Рэймонд скрестил руки на груди.

— Например, такой, на который ты только что указал?

— Если кабина у него устроена так же, как у земных грузовиков, то да.

— Ну так почему бы тебе просто не не подогнать вон тот грузовик и не воспользоваться им?

— О, — сказал Рэймонд. — Понял. Да, точно, хорошо.

Вокруг ни души. Все, наверное, отмечают государственный праздник, подумал Рэймонд: торчат в цирке или смотрят трансляцию по телевизору. Рэймонд забрался в кабину огромного, новенького грузовика с тем самым специальным стеллажом наверху для перевозки пузырей и всего остального.

Кабина выглядела точь-в-точь как любая кабина, какую Рэймонд видел в жизни. С чего бы это?

Рэймонд внимательно осмотрел руль. На глянцевой накладке в центре руля было написано: «Компания «Большегрузы ACME», Эдем».

— Ну, это многое объясняет, не так ли? — Ключи торчали в замке зажигания. Рэймонд завёл мотор и подогнал огромный грузовик к Зефир. — Проще простого, — сказал он, спрыгивая вниз. — Как отнять конфетку у младенца.

— Позже, — сказала Зефир. — Давай поторопимся и погрузим этих людей.

— И осторожно. Смотри, не закрой маленькие вентиляционные отверстия под сиденьями.

— Настоящий гуманист.

— Еще раз благодарю.

— Ну так давай, — сказала Зефир.

— Давай? Я? Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, Рэймонд, иди и найди нам помощь. Вдвоем у нас на это уйдут часы.

— Но здесь никого нет, — сказал Рэймонд.

— А ты сходи к охраннику на воротах. Потребуй подмоги — ну, знаешь, как это делается.

— Ладно.

Рэймонд зашагал обратно к входу в пирамиду. Пару раз он оглянулся на Зефир. Она и правда была просто невероятна: так бережно закатывала пузыри в грузовик. Такая сильная. Такая уверенная. Но кто она на самом деле? Уж точно не человек. Магия, что ли? Какое-то колдовство? Рэймонд понятия не имел.

Он пошел дальше.

Охранник сидел в своей сторожке. Рэймонд видел его затылок через заднее окно. Ноги охранника были закинуты наверх. Он смотрел портативный телевизор. Подойдя ближе, Рэймонд разглядел, что именно он смотрит.

Цирк профессора Мерлина.

Рэймонд остановился у окна и заглянул охраннику через плечо. Профессор был в полном облачении шпрехшталмейстера: белый цилиндр, фрак в блестках, сапоги для верховой езды —

полный комплект. Он щелкал хлыстом. Дрессированные пудели Полли выполняли свои номера. Судя по всему, представление было весьма причудливым. На собаках были костюмчики: дамы и кавалеры, шляпы с перьями и крошечные шпаги. Они гарцевали на задних лапах, танцевали менуэт, кланялись и делали реверансы.

И те, что играли на клавесине и виолончели, судя по всему, действительно играли.

— Ну и дичь, — прошептал Рэймонд. — Погодите, это еще что?

Экран внезапно погас. Затем на нем появились плечи и голова шакала-диктора.

— Мы прерываем нашу программу, — произнес Хамфри Гог-Магог (ибо это был именно он), — ради экстренного выпуска новостей. Двадцать минут назад наше «летающее око» зафиксировало массовое убийство, совершаемое в юго-восточной части города. Снимки уже прошли обработку в центральной компьютерной системе, и наш канал, вновь подтверждая звание первого в мире новостей, транслирует четкие изображения двух серийных убийц.

На экране вспыхнули два снимка, бок о бок. Фотографии были очень четкими и цветными. На одной был Рэймонд. На другой — Зефир.

Охранник дернулся в своем кресле.

Рэймонд не знал, что делать.

Охранник потянулся к телефону.

Рэймонд прикусил костяшку пальца.

Охранник начал набирать номер.

Рэймонд метнулся к двери сторожки и рванул её на себя. Охранник в ужасе уставился на него. Рэймонд в ужасе уставился на охранника. Затем Рэймонд вырвал телефонную трубку у него

из рук и обрушил её на голову охранника. Снова, и снова, и снова, и снова.

* * *

— Не бейте меня больше. — Саймон вздрогнул и прикрыл голову. Он находился в комнате для допросов полицейского участка Брэмфилда.

Это было неприятное помещение, залитое слишком ярким светом — они всегда такие, это делает их еще более гнетущими. Саймон съежился за мерзким столом с дешевой пластиковой столешницей. На нем стояла огромная полная пепельница. Они всегда там стоят. То ли по традиции, то ли по какому-то старинному уставу, то ли еще почему. А может, просто сократили штат уборщиков.

Констебль, у которого была сестра, прислонился к стене. Он уже снял снаряжение для разгона беспорядков и курил сигарету.

Инспектор Д'Рянь, который только что колотил Саймона по голове, сел перед мерзким столом и отодвинул в сторону полную пепельницу. Сам он не курил. Бросил.

Среди полицейских инспекторов нынче вошло в моду бросать курить. Кажется, это связано с тем, что представителям власти теперь не к лицу появляться на публике с сигаретой в зубах — неполиткорректно.

Саймон припомнил, что читал статью на эту тему. В ней, правда, еще говорилось, что инспектора полиции в идеале должна играть женщина. По возможности — Хелен Миррен.

И уж точно в статье не было ни слова о том, что главного подозреваемого можно бить.

— Оставьте меня в покое, — завыл Саймон. — Я требую женщину.

— Запишите это, констебль, — сказал инспектор. — Даже под стражей подозреваемый ничуть не умерил свой аппетит к женской плоти.

— В смысле? — переспросил Саймон.

— Так, приступим, Саймон, — произнес инспектор.

— Саймон? — отозвался тот. — А куда делось «сэр»? Ой! — вскрикнул он, когда инспектор снова отвесил ему подзатыльник.

— Уверен, ты уловил суть, Саймон.

— Еще бы, как не уловить.

— Ну что, пройдемся по твоим показаниям еще разок?

— О да, с превеликим удовольствием. Слушать это в шестой раз — для меня просто праздник какой-то.

— Сэр, — подал голос констебль, у которого была сестра.

— Констебль? — отозвался упомянутый сэр.

— Мне зафиксировать в протоколе, что «подозреваемый поскользнулся и ударился головой о батарею»?

Инспектор вопросительно приподнял бровь, глядя на Саймона.

— Буду счастлив пройтись по своим показаниям еще разок, — поспешно сказал Саймон. — Если это поможет вам в ходе следствия.

— Вот и молодец. Итак, — инспектор Д'Рянь зашуршал бумагами перед собой. — Ага, вот. Курятник. Расскажи-ка еще раз про курятник.

— Там находится нечто. Ужасная демоническая тварь. Это Сатана. Они его называют Курице-Фер.

— Курице-Фер. — Инспектор подчеркнул слово в протоколе. — Значит, наполовину человек, наполовину курица?

Констебль, у которого была сестра, прыснул:
— Половинка человека, половинка курицы, полпинты светлого и пачка чипсов, да, шеф?

— Спасибо, констебль. И поменьше этого вашего «шеф».

— Но, сэр, по телевизору всегда говорят «шеф».

— Тогда говорите в меру. И затушите эту чертову сигарету.

— Слушаюсь, сэр. Простите, шеф.

— Да поймите же, — сказал Саймон. — Это действительно важно. Они говорили о конце света, о том, что эта тварь захватит власть, и всякую безумную чушь. Это масштабный заговор. Задержите их всех. Я помогу вам развязать им языки.

— Заговор. В котором замешаны З.В.Е.Р.И.? Те террористы, что украли твои деньги? Из-за чего ты и отправился к Долговязому Бобу?

— Земляки, Возжелавшие Еретической Реинкарнации Инферно. Послушайте, я выложил всё, что знал. Вы должны немедленно вернуться туда.

— И арестовать получеловека-полукурицу?

— Нет, уничтожить. Взорвать. Сжечь.

— Что ты, собственно, и собирался проделать при помощи канистры бензина.

— Да, — подтвердил Саймон.

— Ты собирался сжечь курятники.

— Да, — сказал Саймон.

— И тебе велел это сделать Господь Бог.

— В смысле? — переспросил Саймон.

— Бог. Неужели ты забыл о Боге? О том самом Боге, который, по твоим словам, диктовал тебе ту книгу? Книгу, за которой ты собирался подняться наверх, но вместо этого решил дать дёру.

— А-а-а, вот какой Бог, и книга..., — протянул Саймон.

— А-а, — повторил инспектор. — И этот Бог сообщил тебе, что дьявол — это курица, и поэтому тебе следует сжечь курятники дотла.

— Я ничего подобного не говорил.

— Да нет, говорил. — Инспектор показал Саймону протокол. — Вот здесь, смотри.

Саймон уставился в бумагу, разинув рот.

— Вы только что вписали это карандашом! Вы зачеркнули то, что я на самом деле сказал.

— Когда это напечатают, ты не заметишь никакой разницы.

— В смысле? — снова переспросил Саймон.

— Может, поговорим о «Ягуаре»? — спросил инспектор. — О том самом «Ягуаре», в котором я тебя застукал, когда ты катался в нетрезвом виде?

— Он принадлежит женщине, которую, по-вашему, я убил.

— Вы всё записали? — спросил инспектор констебля.

— Так точно, шеф. Подозреваемый ответил: «Он принадлежит женщине, которую я убил».

— Ничего подобного я не говорил! — Саймон забарабанил кулаками по мерзкой пластиковой столешнице.

— Почему бы тебе просто не признаться, Саймон? Ты влип по полной, и сам это прекрасно знаешь.

— Я невиновен. И вы это прекрасно знаете. И не заставите меня подписать эти фальшивые показания. Свободу

Брэмфилдскому Узнику, вот что я скажу! — Саймон скрестил руки на груди и принял решительный вид.

— Мне вписать карандашиком «поскользнулся и приложился головой о батарею», шеф?

— Думаю, да, констебль. И лучше добавьте: «после чего он несколько раз ударился головой о стол, выбив себе несколько передних зубов».

— Нет! — взвизгнул Саймон. — Только не зубы! Что угодно, только не зубы!

— Тогда колись, парень. Мне нужно полное признание. Причем короткими цитатами для броских заголовков: «Бог велел мне это сделать, — заявляет Брэмфилдский мясник». Начнем с чистого листа или ты все-таки подпишешь те показания, что я составил в твое отсутствие? Я уже и фотокопии для прессы подготовил.

— Послушайте, — взмолился Саймон. — Пожалуйста. Клянусь, я никого не убивал. Книга всё объяснит. Там всё есть.

— В книге Бога?

— Не Бога. В книге из будущего. Той самой, за которой охотятся Долговязый Боб и его чокнутые приспешники. Всё в ней. Если хотите подкинуть прессе сенсацию, просто подождите, пока прочтете эту книгу.

— И это та книга, которая, как ты утверждаешь, спрятана в… — инспектор заглянул в протокол, — «тайнике в кустах на вершине холма с видом на ферму Долговязого Боба»?

— Значит, это вы вычеркивать не стали?

— Пока нет. Я послал офицера на поиски этой книги. Он должен вернуться с минуты на минуту.

— Хорошо, — сказал Саймон. — Отлично. Тогда вы всё поймете. Сами увидите.

— Очень на это надеюсь. Потому что, если нет, — инспектор указал на стоматологическую гордость Саймона, — мир впредь будет знать тебя под кличкой Шамкающий.

Саймон съежился.

Раздался стук в дверь.

— А вот и зубная фея, — сказал инспектор Д'Рянь. — Войдите!

На пороге возник констебль — тот самый, у которого не было сестры, зато он однажды видел ордер на обыск. Дерек, кажется? Или тот другой был Дереком? Впрочем, неважно.

— Ну что, констебль? — инспектор поднялся из-за убогого стола. — Нашли эту волшебную книгу?

Констебль Дерек, а именно так его и звали, достал свою собственную книжицу — официальный блокнот столичной полиции. И принялся читать. Вслух.

— Действуя по указанию полицейского инспектора Дряни…

— Поздно, — прервал его инспектор.

— Поздно, сэр? Для чего, сэр?

— Для шуток по поводу моей фамилии, констебль. Если уж затеваешь повторяющуюся шутку про чью-то фамилию, её нужно запускать с самого начала и тянуть до конца.

— Как ту, что про мою фамилию, — услужливо подсказал Саймон. — И мою шляпу.

— Именно, — кивнул инспектор. — Нельзя просто так взять и ввернуть её ни к селу ни к городу, это не работает. Не смешно.

— Оу, — протянул констебль, у которого не было сестры, зато он однажды видел ордер на обыск (что, вероятно, само по себе было сквозной шуткой, но не очень удачной). — Мне тогда начать сначала?

— Будьте любезны.

— Слушаюсь, сэр, — констебль откашлялся. — Действуя по указанию полицейского инспектора Д'Рянь, я в установленном порядке проследовал к описанному мне ранее «тайному кусту» на вершине холма, откуда открывается вид на куриную ферму некоего Роберта Попкина...

— Стоп! — рявкнул инспектор Д'Рянь. — Роберта кого?

— Попкина, сэр.

— Вы это сейчас выдумали, констебль. Это не смешно. Это ребячество.

— А по-моему, довольно забавно, — вставил Саймон. — Я с ним в одну школу ходил. Не то чтобы я когда-нибудь позволял себе грубости по поводу его фамилии.

— Ну ещё бы, — отрезал инспектор. — С твоей-то фамилией...

— И то верно, — согласился Саймон. — Может, констебль продолжит? Я начинаю нервничать.

— Продолжайте, констебль.

— Да, сэр, — продолжил констебль. — Обнаружив вышеописанный мне «тайный куст», я приступил к поискам книги, на которую ссылался подозреваемый в своих показаниях. В ходе обыска я наткнулся на пустую бутылку из-под хереса, подходящую под описание бутылки, украденной у мистера Килгора Спраута, которого мы официально допросили в связи с нынешним местонахождением подозреваемого.

— Очень хорошо, констебль. Добавим это в обвинительный акт.

— Благодарю, сэр. Бутылка сейчас у криминалистов. Уверен, мы найдем на ней отпечатки пальцев.

— Отлично. Продолжайте.

— Продолжать, сэр?

— Книга, парень. Ты нашел книгу?

— Нет, сэр.

— Нет, сэр?

— Никак нет, сэр. Никакой книги там не было.

— В смысле? — это снова было то самое «в смысле» Саймона.

— Никаких следов книги, сэр. Только куча куриных перьев и просто ужасная вонь.

* * *

Если у аур есть запах, то аура Рэймонда сейчас смердела нещадно. Он, пошатываясь, вернулся к Зефир, которая возилась с пузырями. Она увидела выражение его лица и — кем бы она ни была на самом деле — тоже почуяла запах его ауры.

— Что случилось? — спросила она.

— Кажется, я только что убил охранника.

— Зачем?

Губы Рэймонда задрожали.

— Он увидел нас по телевизору. Наши лица были на экране. Нас разыскивают за убийство.

— Тогда нам лучше поторопиться. Иди помоги мне.

— Зефир, кажется, я только что убил охранника.

— Я слышала. А теперь иди и помоги.

— Зефир, умоляю.

Зефир подошла и обняла Рэймонда. Прикосновение её тела. Аромат её духов. Она поцеловала его.

— Ты заглядывал в его ланч-бокс? — спросила она.

— В ланч-бокс? Э-э… нет.

— А стоило бы. Полагаю, в его сэндвичах был спрятан «Джордж».

— О Господи, — простонал Рэймонд, давая волю слезам.

— Если ты их не спасёшь, все эти люди погибнут. Ты собираешься и дальше реветь или поможешь с погрузкой?

— И то, и другое, — всхлипнул Рэймонд.

— Хорошо, — сказала Зефир. — Тогда за дело.

И они взялись за дело.

Вероятно, они справились бы куда быстрее, если бы не хныканье Рэймонда, перемежавшееся «ценными советами», как ускорить процесс погрузки. Когда Зефир наконец надоело и то, и другое, она отвесила Рэймонду оплеуху и заставила его сидеть в грузовике, пока сама не закончила работу.

— Вот и всё. — Зефир закрепила последний пузырь на специальной стойке и забралась в кабину к Рэймонду.

— Полегчало? — спросила Зефир.

— Да, — шмыгнул носом Рэймонд.

— Тогда возвращаемся на корабль. — У Зефир не было часов, но стоило ей взглянуть на запястье, как они услужливо появились. — У нас двадцать минут.

— Успеем, — Рэймонд повернул ключ зажигания, заставил двигатель довольно заурчать и вдавил педаль газа в пол.

— Тише, — сказала Зефир.

— Конечно, тише. Я просто хотел послушать, как рычит мотор, только и всего.

— Поехали, — скомандовала она.

И Рэймонд поехал. Проезжая мимо будки охранника, он вытянул шею в надежде заметить хоть какое-то движение. Но там было тихо.

— Черт возьми, — процедил Рэймонд. — Черт, черт, черт возьми.

— Здесь поверни налево.

— Вообще-то, направо.

— Налево, Рэймонд.

— Ты уверена? Я бы повернул направо.

— Поворачивай налево, или я снова тебя ударю.

Рэймонд повернул налево: — Не уверен, что мне нравится этот новый элемент дисциплины в наших отношениях.

— В конце улицы — направо.

— Только без рукоприкладства. — Рэймонд свернул направо.

— Тогда веди себя прилично.

Рэймонд нахмурился и продолжил путь. С огромным грузовиком он справлялся на удивление неплохо: передачи переключал плавно, с пневматическими тормозами обращался бережно. После пары ситуаций, когда они чуть было не отправились на тот свет, он даже сообразил, по какой стороне дороги положено ехать. — Как у нас со временем? — спросил он.

— Осталось минут десять.

— Профессор успеет вернуться на корабль вовремя?

— Минута в минуту. Он профессионал.

— Эй, смотри, впереди причал! Кажется, мы всё-таки успеваем.

— Красный свет, Рэймонд! Красный свет!

— Вижу я, вижу! — Тяжелый грузовик мучительно содрогаясь, замер у светофора.

— Ты его не видел.

— Да видел я его! — Рэймонд опустил стекло, выставил локоть и принялся небрежно барабанить пальцами по дверце. Внутри у него всё дрожало от страха. Напряжение копилось и росло, особенно теперь, когда до корабля было рукой подать. Рэймонд начал слегка раскачиваться на сиденье. Улица перед глазами то и дело расплывалась.

— У нас ведь получится, правда? — спросил он дрожащим, срывающимся голосом.

— Конечно, — сказала Зефир. — Теперь нас ничто не остановит.

По воле случая они остановились прямо у кафе на углу. Кафе это, по правде говоря, было престранное. Очень широкий дверной проем, высоченный потолок. Рассчитано оно было на более экзотическую публику из других миров. Не двуногую. Не из рода Homo sapiens. Или каких-либо его производных.

Что-то вроде того бара из «Звездных войн», где диковинные пришельцы играли на невообразимых инструментах. Но лишь отчасти.

На деле же в музыкальном автомате гремела Faith No More, а фанаты конкурирующих спортивных брендов мутузили друг друга сатурнианским аналогом кия для снукера. Той самой модели, что была разработана «с учетом щупалец».

Один подозрительного вида инопланетянин, растянувшись на трех сиденьях у окна, лениво наблюдал за уличным движением. Его звали Абдулла, и был он летающей морской звездой с Урана.

И вот Абдулла приметил новенький грузовик аукционного дома. А вместе с ним разглядел и груз, который тот вез. И нашло на Абдуллу крайнее раздражение, и воззвал он громко к небесам,

ну или хотя бы к потолку: «Какой-то ублюдок спер моих Джорджей!»

И узрел он водителя угнанного транспортного средства, и новые слова посыпались из его неприглядного ротового отверстия. «Это же тот остолоп из Брэмфилда, за чью голову на Венере назначена нехилая награда. Как его занесло сюда?»

Абдулла высунул в щель для писем свою пугающую псевдоподию с вращающимся глазным отростком, протянул её через тротуар и вдоль борта огромного новенького грузовика, чтобы проследить за направлением, куда так пристально уставился Рэймонд.

— Гляди-ка, — пробасил огромный Абдулла. — Вижу кое-что на букву «С». Неужели это тот самый корабль, украденный у моего величайшего правителя, султана Урана, сотню с лишним лет назад? Или моя устрашающая псевдоподия с вращающимся окуляром меня подводит? Нет! Это точно чертова «Саламандра». Официантка!

— Ну, чего надо? — Официантка была по большей части бесформенным простейшим. Однако на ней красовались фартук и парик из обесцвеченных волос, она жевала жвачку и изъяснялась тем самым гнусавым бруклинским акцентом, который всегда присущ официанткам в американских фильмах.

— Ну, чего надо? — повторила она. — Придурок, — добавила она для верности.

— Телефон, — сказал огромный Абдулла.

— В подсобке.

Абдулла непристойно приподнялся и поплыл в глубь кафе. Отвратительным отростком он снял непомерно большую трубку (сконструированную с учетом щупалец) и приложил её к той части себя, которая у него отвечала за ухо.

— Номер, пожалуйста, — отозвался голос телефонистки.

— «Инопланетянин звонить домой», — пророкотала летающая морская звезда. — Уран, живо. Мне нужно поговорить с султаном.

* * *

— В полицию, живо. Мне нужно поговорить с полицией.

Это был охранник из аукционного дома. Слегка помятый в районе головы, но всё ещё по эту сторону могилы. — Да, полиция, алло. Те двое психов, которых ищут за массовые убийства. Они были здесь. Мужчина и женщина, да. Они…

— …похитили нашу последнюю партию Джорджей, — вклинился сменный охранник аукционного дома, только что пришедший на дежурство. — Я видел, как они проезжали мимо. Женщину я тоже узнал. Она приехала с цирком, была на том огромном корабле, что пришвартовался в порту чуть раньше.

— Ты всё это записал? — спросил охранник с побитой головой.

— Будем считать, что да, — последовал услужливый ответ. — Группа вооруженного захвата уже выдвигается к докам. Подтягивайся сам, если чувствуешь в себе силы.

— Премного благодарен, — сказал охранник. — Так и сделаю.

* * *

— Премного благодарен, — сказал инспектор Д'Рянь. — А теперь не соблаговолите ли вы подписать здесь, здесь и вот здесь тоже.

— Я откажусь от всех показаний в суде, — заявил Саймон, ставя подписи под ложными признаниями.

— Само собой. Все так делают.

— Я скажу им, что вы угрожали выбить мне зубы, если я не подпишу.

— Полагаю, так оно и будет, да. Подпиши-ка и эту бумагу, будь любезен.

Саймон подписал и её.

— Вы так ничего и не поняли, да? — спросил он. — Эта тварь там, в курятнике. Её необходимо уничтожить.

— Разумеется. Это всё прописано в Книге Господней. Жаль только, что Господь забрал её с собой. Продолжай подписывать.

Саймон продолжил подписывать.

— Книга у них. Тот запах в кустах, где было логово — это был запах этой твари. Вы должны что-то предпринять.

— Я и предпринимаю. Оформляю показания серийного убийцы, который сам во всём сознался. Подпиши и эту.

Саймон подписал и эту.

— Вы ещё пожалеете. Я найму себе по-настоящему крутого адвоката. Женщину. Такую, чтоб была похожа на Хелен Миррен.

— За счёт государственной юридической помощи? Сильно сомневаюсь. Подпиши-ка ещё вот здесь.

— А это еще что?

— Мой альбом для автографов. Ты первый серийный убийца, которого я арестовал.

— Ладно, пойдет. — Саймон расписался. — И что вы там плели про бесплатную юридическую помощь? Мне она не нужна. Я могу позволить себе лучших.

— На зарплату садовника? Ты, должно быть, шутишь. — Инспектор Д'Рянь спрятал свою книжку в карман.

— Забудьте про мою зарплату, — Саймон вернул инспектору ручку. — Вы прекрасно знаете, сколько у меня денег. Вы сами считали мой выигрыш, когда обыскивали меня наверху. Эти

деньги сейчас заперты в вашем сейфе. Выиграны честно. В этой стране есть два вида правосудия: одно для богатых, другое для бедных. Теперь я могу позволить себе правосудие для богатых.

Саймон ослепительно улыбнулся.

— Вот так-то.

— Неужели? — инспектор Д'Рянь поправил сальные пряди на лбу. — Что ж, весьма любопытно. Не припомню, чтобы у Саймона при обыске нашли хоть какие-то деньги. Вы помните, констебль?

— Никак нет, сэр-шэф, — ответил констебль, тот самый, у которого была сестра, и покачал головой. — Вообще никаких денег не припомню.

— В смысле? — выдавил Саймон.

— Констебль, у которого не было сестры, зато он однажды видел ордер на обыск, — обратился инспектор Д'Рянь, — вы помните, чтобы мы клали в сейф наверху целое состояние двадцатифунтовыми банкнотами?

— Нет, сэр. — Этот констебль тоже покачал головой. — Насколько я помню, у подозреваемого мы нашли лишь потрепанный бумажник с запиской от врача, которую вы назвали важной уликой. Но деньги? Нет, сэр. Я бы точно запомнил, если бы у подозреваемого при себе была крупная сумма, да еще и двадцатифунтовыми купюрами, рассованными по всем карманам — причем многие из них нам пришлось вырывать у него из пальцев во время обыска.

— В смысле? — снова выдавил Саймон.

— Вот такие дела, — инспектор Д'Рянь картинно развел руками. — Вернее, в твоем случае — никаких дел. Денег нет.

— В смысле? — Саймон перешел на такой визг, какого от него еще не слышали. — Денег нет? Что?!

— Разумеется. Ты ведь был пьян, когда я тебя задержал. Провалил алкотест, не помнишь? Ах да, конечно, не помнишь. Потеря кратковременной памяти и всё такое.

— Что? Что?! — Саймон задергался на стуле, нелепо размахивая руками, как безумный. — Этого не может быть! Вы не имеете права так со мной поступать. Вы не можете просто украсть мои деньги, заставить меня подписать ложные показания и игнорировать всё, что я вам говорил. Вы не можете так поступить. Не можете!

— А вот и могу, — инспектор Д'Рянь осклабился. — Я могу всё, что захочу. Ты — маньяк-убийца. Никому не будет дела до того, что с тобой станет, и никто не поверит твоим словам, против моих.

— Нет! — взвизгнул Саймон. — Нет, нет, нет!

— Он что-то разошелся, сэр-шэф, — вставил констебль, который уже прикидывал, какой именно скутер купит на свои внезапно свалившиеся с неба деньги. — Может, угостить его дубинкой?

— Не стоит, — инспектор продолжал улыбаться. — Вот что. Сходи-ка лучше за полицейским врачом. Скажи, что у нас тут клиент буйный, пусть прихватит свой шприц побольше.

— Нет! — заскулил Саймон.

— Слушаюсь, сэр-шэф, — кивнул констебль. — Смирительную рубашку тоже захватить?

— Отличная мысль, констебль.

— А как насчет кожаной маски, с решеткой около рта?

— Нет! — закричал Саймон. — Нет, нет, нет!

— И это тоже отличная идея. Ну же, констебль, поторопитесь. У Мясника из Брэмфилда уже пена у рта выступает. Чем скорее его упекут под замок и накачают фенобарбиталом, тем крепче мы будем спать в своих кроватях.

— Нееет! — взвыл Саймон.

* * *

— Биип! — Красный сигнал светофора сменился зеленым, и машины загудели.

Рэймонд неуклюже завозился с рычагом переключения передач на огромном, с иголочки, грузовике аукционного дома.

— Шевелись, — поторопила его Зефир. — Нам нужно успеть к профессору. Мы должны убраться с этой планеты как можно скорее.

Рэймонд взял себя в руки, воткнул передачу и двинул тяжелую машину вперед.

— Там охранник у ворот дока, — сказал Рэймонд, заприметив препятствие. — И у него в руках планшет для бумаг.

— Сейчас не до того. Дави его.

— Не буду.

— Будешь. — Зефир схватилась за руль, и грузовик вильнул в сторону охранника.

Пока тот в ужасе улепетывал, спасая свою жизнь, грузовик в щепки разнес его будку. Электрочайник, электрообогреватель, вентилятор, телевизор, непристойные журналы — всё пошло под колеса.

— Скоты! — выругался охранник, выхватывая переносной телефон. — Соедините с полицией!

Виу-виу! — послышался вой полицейских сирен.

— Вот чем мне нравится Сатурн, — заметил охранник. — Полиция всегда под боком, когда она нужна.

— Я слышу сирены, — простонал Рэймонд. — Как думаешь, выдержит корабельный трап вес такой махины?

— Нет, — ответила Зефир. — Но продолжай ехать. — То она была здесь, а в следующий миг — исчезла. Рэймонд направил грузовик к трапу, который теперь чудесным образом оказался усилен мощными стальными балками.

Интересно, как она это делает, подумал Рэймонд, переключая передачу и нажимая на гудок, который отозвался раскатистым «Биииииии-ип!», после чего он предельно осторожно въехал по трапу в недра «Саламандры».

Залязгали шестерни, зашипела гидравлика. Трап поднялся и плотно закрыл борт корабля.

Дело в шляпе.

Рэймонд заглушил двигатель. Выбрался из кабины. Вскарабкался по многочисленным трапам и наконец присоединился к Зефир, стоявшей на палубе.

— Мы сделали это, а? — Рэймонд вскинул кулаки к небу, сгреб Чудотворную в охапку и поцеловал её. — Мы справились!

— Справились, — Зефир высвободилась из его пылких объятий. — Но посмотри туда.

Рэймонд посмотрел. Весь причал теперь был наводнен тем, что называют «силами правопорядка». Дюжина черно-белых патрульных машин, точь-в-точь как американские на Земле. Офицеры сновали туда-сюда. Вскидывалось оружие. Крики и толкотня. Далекий рокот лопастей возвестил о скором прибытии трех штурмовых вертолетов.

— Черт побери, — выдохнул Рэймонд. — Уматываем отсюда. Запускай пространственный привод, произноси свои волшебные слова. Давай взлетать!

Зефир покачала головой:
— Мы не можем.

— В смысле «не можем»? Ты о чем?

— О том, что мы не можем покинуть планету.

— Терпеть не могу тебе противоречить, но я настаиваю. Где профессор?

— Там, — Зефир указала за пределы доков в сторону города. — Где-то там, с цирком. Они не вернулись, Рэймонд. Случилось что-то ужасное.

Глава 18

Султан Урана был той еще дрянью. И нет, он не был летающей морской звездой — те относились к коренному населению, порабощенному ещё за столетия до прихода эдемитов. Султан был эдемитом. Огромным и жирным. Очень старым, но при этом на удивление крепким. И с прескверным характером.

Он был одним из трех братьев, которые, хотя и ненавидели друг друга той особой лютой ненавистью, на какую способны только братья, и не обменялись ни единым словом за добрые двести лет, все же сообща обладали колоссальным межпланетным влиянием.

Можно было бы потратить немало времени на описание султана и чудес его дворца, но не сейчас.

Этот крупный, толстый, старый, бодрый и злой субъект орал в телефонную трубку. Орал вещи гневные. Что-то вроде: «Принесите мне их головы», «верните мой корабль» и «сделайте это немедленно, или познаете всю ярость моего недовольства». Ну, и всё в таком духе.

* * *

— Слушаю и повинуюсь, — отозвался здоровяк Абдулла, опуская трубку.

— Слушаю и повинуюсь. — Профессор Мерлин стоял посреди арены, усыпанной опилками, во дворце небесных наслаждений и еще раз поклонился Его Королевскому Высочеству Великому герцогу Бинки. — Сейчас мы дадим еще одно полное представление.

Его Королевское Высочество великий герцог был той еще дрянью. И нет, он не был сатурнианским собакоголовым или кем-то в этом роде. Коренное население Сатурна поработили еще много веков назад.

Эдемиты. Великий герцог был эдемитом.

Огромным и жирным. Очень старым, но при этом на удивление крепким. И с прескверным характером.

Одним из трех братьев.

Конечно, можно было бы потратить немало времени на описание Великого герцога и чудес его дворца. Но, к счастью, в этом нет нужды. Ибо выглядел он точно так же, как его брат султан. Да и дворцы их были практически идентичны.

Фух!

— Минутку освежиться, Ваше Величество, и мы снова будем к вашим услугам. — Профессор Мерлин с поклоном покинул цирковую арену и заковылял на натруженных ногах в сторону гримерок.

Там в полном изнеможении сидели его артисты. Каждого из них заставили исполнить свой номер как минимум дважды, и теперь все они были выжаты как лимон.

— Мы больше не можем, — Месье Ля Рош, согнувшийся в три погибели, заметил приближающиеся ноги профессора. — Моя спина сказала «адье». Черт бы побрать этого Бинки, и пусть его паршивый сынок покроется язвами.

— Да поразит его Черная смерть, — согласился доктор Бактерия. — Этот мелкий засранец трижды требовал, чтобы я помер у него на глазах от малярии. Трижды! Я отказываюсь повторять это снова.

Воздух наполнился похожими стонами и жалобами. Профессор поднял свои удивительные пальцы.

— Я вымолил у него передышку. Этот человек явно полный псих, а мы и так опаздываем. Немедленно возвращаемся на корабль.

— Ему это не понравится, — Аквафагус с кашлем выплюнул небольшую форель. — А, вот куда она делась. Великий герцог нас из-под земли достанет.

— Как бы то ни было, мы уходим. Берите только самое необходимое, и за мной.

* * *

— Что нам делать? — Рэймонд попытался перекричать шум. Из-за оглушительного хлопанья лопастей вертолетов, круживших над головой, любое общение, кроме разве что языка жестов, стало делом затруднительным.

— Я должна найти цирк и вытащить их оттуда в целости и сохранности, — крикнула Зефир.

— Что?

— Оставайся здесь. Предоставь это мне.

— Что?

— Жди тут, я приведу профессора.

— Нет! — Рэймонд затащил Зефир в ближайшую каюту и захлопнул дверь. — Нет.

— Да, Рэймонд. Я могу покинуть корабль незамеченной и тем же путем вернуться с профессором и остальными. Нас никто не увидит.

— Нет, — повторил Рэймонд. — Тебя могут убить.

— Меня невозможно убить.

— О, — Рэймонд опешил от такого заявления. — Ну, а меня можно. Что, если они возьмут корабль штурмом, пока тебя не будет?

— Мы не можем улететь без профессора, а я единственная, кто сумеет провести его через полицейское оцепление.

— Полетели на корабле, — сказал Рэймонд.

— Что? — не поняла Зефир.

— Полетели на корабле. Давай просто подлетим и заберем профессора.

— А это отличная идея, Рэймонд.

— Правда? Мне казалось, это довольно очевидно. Конечно, при условии, что вертолеты отступят.

— Внимание, пароход «Саламандра»! — взревел полицейский мегафон. Его было отлично слышно, потому что вертолеты как раз отошли в сторону, уступая место «номеру с мегафоном», который всегда предшествует «сцене с грандиозной перестрелкой». — Вам не уйти. Сдавайтесь немедленно, или мы открываем огонь. (Та самая сцена).

— Вот сейчас — самое подходящее время, — заметил Рэймонд.

— Ладно. Поднимайся в рубку и запускай двигатели. А я отвлеку полицию.

— Нет, — сказал Рэймонд.

— В смысле «нет»?

— В смысле, я не умею управлять кораблем. Так что давай лучше я буду заговаривать зубы полиции. Если меня подстрелят, у тебя хотя бы останется шанс улететь со спасенными людьми и спасти цирк.

— Это очень смело с твоей стороны.

— Да?

— Да. Я помогу тебе, чем смогу.

— Выходите на палубу, или мы открываем огонь!

— Пошли, — сказал Рэймонд. Но Зефир уже исчезла.

— Эй, эй, полегче! — Рэймонд неспешно вышел на палубу и помахал пустыми руками перед полицейскими снайперами. — Ни к чему всё это.

Пуля просвистела мимо и с глухим стуком вонзилась в спасательный круг.

— Прекратить огонь! — скомандовал полицейский в мегафон.

— Так-то лучше, — Рэймонд поправил гульфик своих кожаных штанов. Вроде сухо, но надолго ли? — Вы же не хотите превратить этот город в дымящиеся руины, верно? — крикнул он.

— Чего?

— Один выстрел не туда, и нам всем конец.

— Чего?

— Система пространственного привода корабля.

— А что с ней?

— Она крайне нестабильна. Работает на основе трансперамбуляции псевдокосмической антиматерии.

— Да иди ты!

— Без шуток. Если хоть одна ваша пуля нарушит перекрестную поляризацию потока бета-частиц... Бабах!

— Ты кого это бабой назвал?

— Город сделает «бабах». Весь город. Целиком. Исчезнет. Просто пшик — и нет его.

— Исчезнет?

— Полностью.

— Совсем?

— Совсем, — подтвердил Рэймонд.

— Ага, конечно. А у меня из задницы подснежниками пахнет.

— Мы с вами раньше не встречались? — поинтересовался Рэймонд.

— Нет, зато ты знатно отделал моего брата-охранника на аукционе.

— Всего лишь отделал? Хотите сказать, он не помер?

— Нет, с ним всё в порядке. Только голова побаливает.

— Что ж, передавайте ему мои наилучшие пожелания, пусть поскорее поправляется.

— Ладно, передам. Ну так что, ты спускаешься, или нам тебя пристрелить?

Рэймонд почесал затылок, лихорадочно соображая, что бы еще выкинуть, раз уж уловка с нестабильным приводом не сработала.

— У меня дипломатический иммунитет! — крикнул он. — Я новый официальный посол Эдема. Убьете меня — спровоцируете межпланетный конфликт!

— Ты лживый мерзавец, — отозвался полицейский, чей брат был отделан, но не убит. — Я считаю до десяти. Если не спустишься, мы тебя пристрелим, а корабль возьмем штурмом.

«Вот бы сейчас миниган "Дженерал Электрик"», — подумал Рэймонд. И тут же добавил: «О!», когда тот, словно по волшебству, материализовался у него в руках.

На этот раз на кнопке спуска красовалась крупная наклейка: «Нажми здесь, чтобы посыпались пули, и держись крепче».

— Назад! — заорал Рэймонд. — А то буду стрелять! Я знаю, как обращаться с этой штукой!

— Это не настоящий ствол!

— А вот и настоящий!

— А вот и нет!

— Ну, как хотите. — Рэймонд направил шесть вращающихся стволов в сторону полицейских и вдавил кнопку спуска.

Для ценителей скорострельного оружия — тех унылых типов, что скупают оружейные журналы и коллекционные издания про Вьетнам, — миниган «Дженерал Электрик» стоит особняком. Проверенный в деле на множестве невинных фермерских общин в дельте Меконга, он изрыгает по шесть тысяч пуль в минуту с широкой зоной поражения, обеспечивая максимальную пробивную способность и оптимальное поражение живых целей.

Жарил он не по-детски. Рэймонд изо всех сил вцепился в оружие, пока амортизаторы гасили отдачу, а пули полосовали причал.

Бравые ребята Фогерти дали дёру: у полицейских машин в клочья разлетались покрышки, срывало капоты, взрывались бензобаки. Столбы дыма взметнулись к небу, сбивая с толку пилотов боевых вертолетов — те просто получили приказ открыть огонь и принялись нарезать бестолковые круги.

Полный хаос!

Рэймонд крепко зажмурился: если он и занимался сейчас поражением живых целей, то видеть этого не хотел. Вдобавок он скрестил ноги. Всего этого было слишком много, чересчур много.

Ну и дымища!

Если вы и впрямь выпускаете шесть тысяч пуль в минуту, боезапас кончается довольно быстро. Если, конечно, у вас его не завались. А у Рэймонда, похоже, дефицита не наблюдалось. Стволы огромной пушки бешено вращались. Дым, пламя и хаос.

Совершенно расточительно. Но если вы один из тех унылых типов, что скупают оружейные журналы и выпуски про Вьетнам — то это как раз по вашей части.

Ну и дымища.

Рэймонд ничего не видел. Он выронил пушку и вцепился в поручни. Всё вокруг тряслось и содрогалось. Разрывы снарядов. Дым и пламя. Лязг рвущихся тросов и цепей.

Больше погрома.

Больше хаоса.

А потом — чистое, ясное небо.

Рэймонд моргнул. Корабль поднимался. Огромный лайнер устремился ввысь. Дым остался внизу, черным саваном накрыв верфь. Лопасти вертолета забарабанили по днищу. Врезались в него. Боевой вертолет, завертевшись волчком, рухнул в гавань.

Рэймонд закрыл лицо руками, а затем сделал то, что до него проделывали многие пассажиры морских судов, хотя и по куда менее драматичным причинам. Его стошнило за борт.

«Саламандра» развернулась в небе. Величественно и волшебно. И в то же время — головокружительно. Рэймонд повалился на палубу. Вцепился в шезлонг. Заскользил по палубе,

не выпуская его из рук. А затем, вплыл в открытую дверь рулевой рубки.

— Всё нормально? — спросила Зефир.

— О да, лучше не бывает.

— Тогда держись крепче. Сейчас нас как следует потрясет.

* * *

— Ваше Величество. — раболепный прислужник с головой ибиса и в щегольской алой ливрее склонился к монаршему уху Великого Герцога. — Профессор Мерлин только что покинул здание.

— Без моего разрешения? — Толстяк поднялся из своей королевской ложи, бесцеремонно сбросив с колен бедного больного сына Колина. — Зовите стражу! В погоню! Мой мальчик хочет снова увидеть малярийного человека.

— Но у стражи сегодня выходной, Ваше Величество. Вы же сами объявили национальный праздник.

— Болван! Шут гороховый! Верни цирк. И подними моего сына.

— Слушаю и повинуюсь.

— Еще бы, черт возьми! А теперь пошевеливайся!

* * *

— Пошевеливайся, Джамбо, ну же! — Профессор Мерлин пришпорил своего ворчливого толстокожего спутника.

— Полегче со шпорами. Я иду так быстро, как могу.

— Ты говоришь? Святые угодники, ты умеешь говорить!

— Конечно, умею. Просто раньше не хотелось.

— Это что, индийский акцент?

— Я индийский слон. Или ты ожидал услышать идиш?

— Нет, я... ну, надо же. С чего это вдруг, мой старый дружище? С чего это ты решил заговорить именно сейчас?

— Просто пользуюсь своим законным правом, — ответил слон с весьма неубедительным индийским акцентом. — Настали последние времена, и заговорят все звери земные.

— Все до единого? — уточнил профессор.

— Все, — подтвердил Джамбо. — И лев, и агнец. И шимпанзе, и цыпленок. Особенно цыпленок.

— А рыбы? — спросил мистер Аквафагус, который болтался сзади, вцепившись в слона.

— Не будь остолопом, — отрезал слон. — Говорящая рыба? Чтоб я так жил. Ой-вей.

* * *

— В погоню за этим слоном! — возопил раболепный прислужник.

— Кто, я? — Одинокий стражник в будке у дворцовых ворот покачал головой. Голова у него была как у кефали. — Мне нельзя покидать будку, иначе работу потеряю.

— Тогда вызывай полицию!

— Бесполезно. Они все на причале, палят по той махине, что привезла цирк. Гляди, прямой эфир. — Он ткнул пальцем в портативный телевизор. — Хамфри Гог-Магог ведет репортаж.

— О, мне он нравится. Сделай погромче.

— Может, чайку сообразим?

— Ну, — прислужник поскреб клюв, — вообще-то мне полагается гнаться за цирком.

— Да забей. Сделай вот что: звякни в полицию на пристань, пусть повяжут циркачей, когда те попытаются вернуться на корабль.

— Дашь позвонить?

— Валяй. Позови моего брата Чарли, он там с мегафоном сидит.

— Отлично, — сказал прислужник. — А где у тебя телефон?

— Вон там, рядом с порножурналами.

— Где?

— Там, внизу.

* * *

— Вон там, внизу! Вон там! — Рэймонд указал пальцем. — Профессор на слоне. Да там вообще все на слоне!

— Тогда держись крепче, мы идем на снижение.

Хлоп-хлоп-хлоп — донесся рокот лопастей боевого вертолета.

— Вон они! — закричал пилот. — Корабль снижается, чтобы забрать цирк. Открыть огонь! Палите по всем и по каждому!

— Там, наверху! — леди Алостраэль указала в небо. — «Саламандра»!

Циркачи принялись махать руками и ликовать.

Рэймонд глянул в зеркало заднего вида.

— У нас вертолеты на хвосте. Что будем делать?

— Берись за штурвал, Рэймонд, и веди нас вниз.

— Я? За штурвал? Вот так запросто?

— Вот так запросто. Живее!

— Значит, у тебя есть план? — Рэймонд ухватился за штурвал и в очередной раз обнаружил, что Зефир и след простыл. — Ну и верткая же женщина.

Мимо со свистом пронеслась ракета «воздух-воздух». Она просвистела над самой палубой, в считаных дюймах от рулевой рубки, ушла в пике и угодила точно в будку стражника у дворцовых ворот, разнеся ее в щепки. Не слишком справедливо, но что поделать.

— А это даже захватывающе, — заметил Рэймонд. — Хотя и довольно страшно, когда лично во всем этом участвуешь.

Он крутанул штурвал, и корабль пугающе накренился на левый борт.

— Ой, — сказал Рэймонд.

В трюме новенький, с иголочки, грузовик аукционного дома, ручной тормоз которого Рэймонд по легкомыслию забыл затянуть, покатился вперед и впечатался в переборку (что бы это ни значило).

— Сюда, сюда! — махали внизу циркачи.

Рэймонд помахал им в ответ. «Интересно, как эта штука работает? — подумал он. — Сюда крутить или туда?» Он рванул штурвал на правый борт, что привело к самым тревожным последствиям.

Огромный новенький грузовик аукционного дома покатился через весь грузовой отсек и врезался задним бампером в вертикальную стенку судна (ту самую переборку).

Хлоп-хлоп-хлоп — доносилось стрекотание лопастей боевых вертолетов.

Ра-та-та-та-та-та — заговорили их пулеметы.

— Прячьтесь за слоном! — заорал мистер Аквафагус, пока улицу полосовали очереди.

— «Прячьтесь за слоном», — передразнил Джамбо, брезгливо вскинув хобот. — Этот гой похоже решил, что я мешок с песком. В жизни не видел такого бедлама.

Хлоп-хлоп-хлоп.

Ра-та-та-та-та-та.

Рэймонд резко вильнул, изо всех сил налегая на штурвал.

С лязгом и грохотом огромный новенький грузовик аукционного дома перевернулся, рассыпав груз.

— Что-то сдвинулось! — Рэймонд повалился грудью на штурвал. «Саламандра» резко пошла на снижение.

— Штурвал на себя! На себя! — завопил профессор Мерлин, когда громадина корабля заслонила собой добрую половину неба.

— Штурвал на себя, пожалуй, — решил Рэймонд и потянул его на себя до упора. Корабль содрогнулся и замер в воздухе, а первый из двух налетавших вертолетов врезался в корму и взорвался.

— Ой, — сказал Рэймонд.

Второй вертолет развернулся и прошил очередью переднюю часть рубки.

— Ой-ой-ой, — пробормотал Рэймонд, благоразумно распластавшись на полу.

— О-о-ох, а-а-ах, ой-ёй-ёй и так далее, — голосили циркачи, когда на улицу градом посыпались пылающие обломки первого вертолета.

— Что-то у меня не очень получается, — вздохнул Рэймонд. — Попробуем чуть вперед и капельку влево.

Чуть вперед и капельку влево.

Огромный корабль качнулся, описывая дугу вперед и влево.

— Отходим, отходим! — завопил пилот вертолета. — Он пытается нас протаранить, назад!

— Или, может, попробовать чуть назад и капельку вправо?

Чуть назад и капельку вправо.

— Маневр уклонения! Он снова прет прямо на нас!

— Или… капельку вниз, капельку влево, капельку вверх и…

— Я катапультируюсь! — взвизгнул пилот вертолета, когда «Саламандра» приложила его чуть вниз, чуть влево, чуть вверх и точно в яблочко.

Второй, весьма внушительный, взрыв.

Второго вертолета как не бывало.

— Вверх, вниз, туда-сюда… Подозреваю, в этом деле наверняка есть какой-то секрет. — Рэймонд крутанул штурвал влево-вправо. Океанский лайнер накренился, развернулся и пошел на посадку.

Правда, корабль был очень уж большим, так что мог бы опускаться чуточку медленнее. На пару капелек, если быть точным. И еще на чуть-чуть.

И еще на капельку.

— Отойдите от дверей. — Рэймонд вцепился в штурвал. — Провожающим просьба покинуть судно. О господи, мамочки мои.

То, как он снес целый ряд магазинов…

На это стоило посмотреть.

Пыль и летящие во все стороны обломки.

Искрящие электрические кабели.

Разбегающиеся циркачи.

Еще больше суматохи.

Еще больше хаоса.

А потом — этот чудовищный скрежет, с которым корпус судна начал вспахивать землю.

Еще несколько взрывов.

Очередная порция хаоса.

И целое море тишины.

А затем...

— Боже мой, — прохрипел Рэймонд и рухнул без чувств. — Кажется, я только что потопил корабль.

Глава 19

* * *

Саймон проснулся, не ощущая привычного утреннего оптимизма. Вдобавок ко всему, его терзала ужасная головная боль — куда сильнее любой, что он испытывал прежде. Виной тому, как он полагал, была лошадиная доза барбитуратов, вколотая ему накануне.

Последние часы той ночи выдались для Саймона безрадостными. Грубые руки посягнули на его чувствительную персону. Жестоко стянули на нем ремни смирительной рубашки. Злодейски нацепили на лицо кожаную маску. А потом — ох! — пустили в ход иглу.

А потом. Ох, потом, потом, потом...

Самая гнусная и немыслимая часть.

Тот момент, когда его швырнули в камеру.

Впрочем, возможно, вы сочтете, что в этом нет ничего уж такого кошмарного и немыслимого. В конце концов, кого из нас хоть раз не бросали в полицейскую камеру? Бывало всякое. Но всё дело было в обитателях камеры и в том, что они сотворили с Саймоном.

Да! ИМЕННО ЭТО!

Саймон вспомнил последние мстительные слова инспектора Д'Рянь: «У нас тут как раз сидит твой дружок, будет с кем поболтать. Поймали его, когда он ошивался возле дома Писаки с незарегистрированным дробовиком. Ветеринара в такой час не добудишься, так что пришлось и пса его запереть вместе с ним».

А затем Саймона, погружающегося в наркотическое забвение, швырнули в камеру. В смирительной рубашке, беспомощного перед лицом недоброй милости Дика Годольфина и его лерчера.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Саймон забился в путах. Пусть это будет неправдой. Пусть это окажется сном. Пусть они не делали с ним ЭТОГО.

Что угодно, только не ЭТО.

Но они сделали.

Саймон уставился на высокое зарешеченное окно.

* * *

Впиваясь в узкую полоску,
В тот голубой узор,
Что, узники, зовем мы небом
И в чем наш весь простор.

* * *

Это ведь Оскар Уайльд, верно? Оскар Уайльд…

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! — снова закричал Саймон.

Мерзкое стальное окошко в двери камеры лязгнуло, открываясь, и рот констебля Дерека изрек:
— Заткни свою поганую пасть.

— Выпустите меня! — вопил Саймон. — Мне нужно в душ! Мне нужно к врачу! Мне наверняка нужны прививки от бешенства! Я осквернен! Выпустите меня!

— Тихо! — Мерзкая стальная заслонка захлопнулась.

Дикий взгляд Саймона обшарил камеру. Он был совсем один. Браконьера и его пса уже выпустили. Инспектор Д'Рянь наверняка еще и выдал Дику денег на автобус до дома. Боже, неужели полицейский действительно стоял и смотрел, пока Дик со своей собакой…

Саймон выдавил из себя очередное «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!», но здесь этим не поможешь. В подобных местах «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!» — стандартная валюта.

Никто, кроме него самого, не вытащит его отсюда. Ему нужно выбраться. Немедленно. Сию же секунду.

Ему нужно бежать. Сбежать и всё исправить.

Потому что до Саймона наконец дошло: всю эту кашу он заварил сам.

Он своими глазами видел, как его лучшего друга утянула в космос летающая морская звезда из другого мира. Он встречался с людьми в сером и узнал, что людей регулярно похищают с Земли, что ими торгуют как обычным товаром. И что существует масштабный заговор, призванный это скрыть.

Он узнал эту страшную тайну, а затем к нему в руки попала книга из будущего — «Величайшее шоу за пределами Земли». Книга, которая, распорядись он ею с умом, могла бы помочь ему разоблачить этот чудовищный бизнес и спасти жизни невинных жертв.

Но что он с ней сделал?

Что он, Саймон, подонок этакий, с ней сделал? Да он использовал её ради наживы! Чтобы разбогатеть! И куда привела его эта жадность? Прямо сюда, вот куда!

Жадность свела его с Курице-Фером, порождением самой бездны. Жадность бросила его в лапы Долговязому Бобу и его сатанинским психам. И теперь он потерял всё. Книгу. Деньги. Свою девушку. И ТО САМОЕ!

И вот он здесь. Валяется на полу полицейской камеры, в смирительной рубашке и кожаной маске; его запугали, выбили ложное признание в серийных убийствах и заклеймили Мясником из Брэмфилда.

Одинок, безнадежен, проклят. И во всем виноват сам.

Ему действительно нужно было выбираться отсюда. Выбраться. Искупить вину. Прямо сейчас.

Как-нибудь.

Но как?

Саймон вспомнил книгу о великом Гудини, которую когда-то читал: о том, как этот ныне легендарный маэстро находил выход из запертого сейфа, имея при себе лишь кошачий ус да кусочек хрусталя. Или это было что-то совсем другое?

А смирительные рубашки? Гудини над ними насмехался. В грош их не ставил, вот что. Выставлял на посмешище.

Саймон задергался в своей рубашке. Она держала его мертвой хваткой. Насмешкам она не поддавалась. В грош не ставить? Куда там.

Саймон перестал дергаться. Скорее всего, со времен великого мастера побегов конструкцию смирительных рубашек изрядно усовершенствовали. Да и где ему взять кошачий ус в такой час?

Нет, чтобы выбраться отсюда, ему требовалось лишь одно.

Чудо.

Может показаться, что раздобыть его непросто.

Но ведь мы говорим о Саймоне.

Саймон закрыл глаза. «Боже милостивый, — взмолился он. — Прости, что беспокою Тебя. Я никогда раньше этого не делал и знаю, что молиться полагается на коленях. Но, как видишь — если, конечно, Ты сейчас смотришь, — я в данный момент слегка обездвижен.

Причина, по которой я посягаю на Твое драгоценное время, в том, что вчера вечером я столкнулся лицом к лицу с дьяволом. И если он явился во плоти, значит, Долговязый Боб был прав и Конец времен действительно настал.

Поэтому я хотел бы предложить свою помощь. Я знаю, что в прошлом был грешником, но буду бесконечно благодарен, если Ты найдешь способ позволить мне искупить вину и хоть раз в жизни поступить правильно.

Итак. С Твоего любезного разрешения я вызываюсь добровольцем: поднять меч праведности против сил тьмы и отправиться на битву с Лукавым.

Боюсь, я буду один. Потому что не знаю, кому еще в этой деревне можно хоть сколько-нибудь доверять.

В общем, надеюсь, Ты слушал. И если Ты услышал и готов мне помочь, то просто дай знать — и я к Твоим услугам.

Во веки веков. Аминь. С любовью, Саймон».

Сказав это, Саймон откинулся назад и приготовился ждать. Все знали: Всевышнего не поторопишь. Если Бог в Своей бесконечной мудрости решал призвать тебя на святое дело, Он делал это в Свое благостное всеведущее время. Так уж Он вел дела.

Маленькая стальная задвижка на двери с лязгом отъехала в сторону.

— К тебе посетитель, — сообщил констебль Дерек.

— Слава Господу, — выдохнул Саймон. — Слава Господу.

— В точку, приятель. Это монашка.

* * *

— Это лишь шишка на его башка, — пробормотал месье Ля Рош. — Думать, этот безумный англичанин выживет.

— Галлон ледяной воды — вот что ему нужно, — вставил Аквафагус. — Может, мне срыгнуть ему на голову?

— Нет-нет, со мной всё в порядке. — Рэймонд с трудом поднялся с пола рулевой рубки. — Где мы?

За разбитыми окнами рубки небо было черным, как ночь. Даже чернее. И звезд было больше.

— Мы снова в космосе, — профессор Мерлин помог Рэймонду встать на ноги. — Мы вырвались с Сатурна и держим курс на Землю.

— Фух, — выдохнул Рэймонд. — Значит, получилось.

— Это ты сделал, мой мальчик. Ты герой, настоящий герой.

— Мы сделали это. Хотя, по правде, большую часть работы проделала Зефир. Где она?

Профессор Мерлин покачал головой. Покрытые пылью, побитые артисты переглядывались и молчали.

— Где она? — снова спросил Рэймонд.

Профессор Мерлин развел руками. — К сожалению, её с нами больше нет.

— Вы хотите сказать, мы оставили её на планете? Мы должны немедленно вернуться и найти её!

— Её не найти, Рэймонд. Она покинула нас.

— Мертва? Вы хотите сказать, она умерла? Она не могла умереть! Она говорила, что её невозможно убить.

— Она утрачена, Рэймонд. Храни о ней добрую память.

— Нет, — сказал Рэймонд. — НЕТ, нет, нет. Она не могла просто исчезнуть. Нет.

— Рэймонд, мне жаль.

— Нет, — к глазам Рэймонда подступили слёзы. — Она не могла просто взять и перестать существовать.
Профессор Мерлин мрачно кивнул.

— Нет. — Рэймонд теребил свой кожаный костюм. — Видите этот наряд? Она наколдовала его для меня. Сама. Если её больше нет, то и это... — он осекся. Кожаный костюм начал рассыпаться прямо у него на плечах. Он опадал хлопьями пыли, исчезая на полу и вновь оставляя Рэймонда в одиночестве. Жалкого, озябшего, голого остолопа.

— Нееееееееет!

— Позволь, я найду, во что тебя одеть. — Профессор Мерлин положил руку на дрожащее плечо Рэймонда. Артисты отвели глаза от его наготы, погрузившись в собственную печаль.

— Пойдем со мной, нам нужно поговорить.

Профессор Мерлин проводил Рэймонда в роскошные апартаменты. Обстановка была пышной, вычурной, изумительной. Глубокие мягкие диваны. Изысканные персидские ковры. Ореховые комоды. Изящные позолоченные этажерки.

Но антикварная роскошь ничего не значила для сломленного человека, который рухнул на диван, кутаясь в стеганое одеяло.

Профессор Мерлин протянул ему хрустальный бокал с чем-то алкогольным.

— Она не была настоящей, понимаешь? — сказал он.

— Для меня она была настоящей, — Рэймонд отхлебнул из бокала.

— Она выглядела так, как ты хотел её видеть. На ощупь была такой, какой ты её себе воображал.

— О чем еще может мечтать мужчина?

— Она была просто мечтой. Нашей коллективной мечтой.

Рэймонд осушил бокал одним махом и со стуком поставил его на стол.
— Тогда давайте мечтать снова. Если она была вашим волшебством, верните её мне.

— Я не могу. Я помог ей обрести плоть, но теперь её время вышло.

— Я ничего не понимаю. Если вы даровали ей бытие, то как? Скажите мне, как!

— Мы молились о ней.

— Что?

— Когда много лет назад цирк захватили и увезли на Уран. Нас там ждал котел. Моих чудесных артистов. Рэймонд, ты, без сомнения, уже понял, что это не обычный цирк. Трюки, которые выполняют мои артисты, попросту невозможны. Ты читал о месье Ля Роше — многие пытались повторить его номер. Ни у кого не вышло. Потому что без магии, истинной магии, это неосуществимо.

— Значит, вы все чернокнижники, так?

— Вряд ли чернокнижники. Разве что самую малость серые — от седины на висках. Каждый из моих артистов уникален. Дар,

которым обладает каждый из них, уникален. Драгоценен. Неповторим. Мы объединили наши таланты в час великой общей беды, и тогда она пришла к нам. Зефир пришла к нам. Освободила нас. А теперь она ушла. Её время вышло. Теперь настало твоё время.

— Моё время? Не смотрите на меня так. У меня нет никаких магических сил. У меня вообще ничего нет, — Рэймонд еще глубже погрузился в свое уныние.

— Но они у тебя есть. Ты — человек настоящего. Моё время, время моего цирка — оно прошло. Мы все устали. Наш мир устал от нас. Он устал от цирка. Устал от магии.

— Ну да, конечно, — буркнул Рэймонд.

— Но так и есть. Ты сам, чтобы сразиться с врагом и освободить людей, призвал мотоцикл и грозное оружие. Я бы на твоем месте вызвал белоснежного скакуна и сверкающий меч.

— Тогда полиция вас бы просто пристрелила.

— И, возможно, магический щит, — добавил профессор. — Но ты понимаешь, к чему я клоню. У нас было свое время. Оно ушло. Теперь твое время. Наше волшебство угасает. Не думаю, что мой цирк когда-нибудь еще даст представление.

Жалобный тон в голосе старика заставил Рэймонда поднять взгляд.

— Конечно, вы еще выступите.

— Во всей вселенной не осталось планеты, где мы могли бы дать представление. Кроме Земли, но, боюсь, даже там нам не рады.

— Вы еще выступите, — повторил Рэймонд. — И именно на Земле.

— Боюсь, Земля обречена.

— Черта с два она обречена.

— Что, прости?

— Ладно, — Рэймонд хлопнул себя по голым коленям. — Ваша скорбь ничуть не меньше моей. Но мы же не можем просто сдаться, так? На Земле миллиарды людей, и наше горе — сущий пустяк по сравнению с тем, что ждет их, когда эдемиты закупорят полярные отверстия и передушат их всех до одного. У меня там семья. Я хочу, чтобы вы с ними познакомились.

— Для меня это было бы великой честью, — профессор отвесил поклон.

— Значит, нам придется их спасти, верно?

— Значит, ты...

— Я сделаю всё, что в моих силах, хотя без Зефир... — Рэймонд печально пожал плечами.

— Я знал, что не ошибся в тебе. — Профессор Мерлин плеснул Рэймонду еще одну щедрую порцию. И себе тоже. — За твое доброе здоровье, — произнес он.

— За Землю, за магию и за цирк. — Рэймонд помолчал. — И за Зефир.

— За это я выпью. — Профессор Мерлин осушил бокал. — А теперь скажи мне, Рэймонд, что такое болельщик «Миллуолла»?

— Что? — Рэймонд поперхнулся, и алкоголь попал ему не в то горло. — С чего это вы вдруг спрашиваете о таком в подобный момент?

— Ну, — профессор подергал себя за усы, — судя по всему, их там человек двести, и они вовсю громят нам трюм.

* * *

— Пресвятая дева, — произнесла монахиня с тем самым ирландским акцентом, который всегда есть у монахинь в

американских фильмах — да и вообще в любых фильмах, если честно.

— Уж будьте любезны, прикройте дверь камеры, когда пойдете, молодой человек.

— Ни за что. — Констебль Дерек яростно замотал головой. — Я не могу оставить вас наедине с этим маньяком.

— Да полно вам, по мне так он вполне безобидный. Скручен, точно рождественская индейка.

— Он — само зло, — отрезал констебль.

— Я позову вас, если понадобитесь, ступайте с Божьим благословением.

— Ну, ладно. — Констебль Дерек вышел из камеры, но перед этим мимоходом пнул Саймона под ребра. Как и полагается. — Кричите, если что, я буду в конце коридора.

Дверь с грохотом захлопнулась, ключ повернулся в замке.

Монахиня посмотрела на Саймона сверху вниз.

— Ты только погляди на себя, — сказала она. — Вид — краше некуда, честное слово.

— Снимите с меня эти ремни, — прошептал парень, лежа на полу. — Освободите меня.

— Освободить, говоришь? — Монахиня размахнулась и с силой пнула Саймона между ног.

— А-а-а-а-а-а! — взвыл Саймон.

— А ну заткнись! — донесся из коридора голос констебля Дерека.

Монахиня пнула Саймона еще раз. Удар у нее был что надо для монахини. Крепкий такой, молодой удар. Удар изящной ножки. Ножки, которая, по глубокому убеждению Саймона, и

должна была находиться именно там — если это женская ножка — внутри белой остроносой туфельки на трехдюймовой шпильке.

— Лиза, — взвыл Саймон. — Это ты. Хватит меня пинать.

— Ах ты мерзавец. — Лиза пнула его еще раз. — А ну вставай.

— Чтобы ты меня головой боднула? Нет уж, спасибо.

— Чтобы я могла тебя освободить.

— А, ну да. Тогда пожалуйста.

Лиза помогла побитому страдальцу подняться и принялась расстегивать пряжки смирительной рубашки.

— Так ты значит, прозрела? — спросил Саймон.

— Что ты вообще городишь? — Лиза расправилась с ремнями.

— Узрела свет Господень.

— Ты издеваешься, что ли?

— Зачем ты пришла? — спросил Саймон.

— Долговязый Боб прислал, разумеется.

— Долговязый Боб? — Саймон сорвал с себя смирительную рубашку и швырнул на пол.

— Вид у тебя в этой маске — как у полного кретина.

Саймон сорвал маску с лица и проверил зубы. Целы. Но почистить бы не мешало. — Значит, Долговязый Боб прислал.

— Ну конечно. Дик заявился на ферму часа в три ночи. Сказал, тебя полиция повязала. Не знаю, что с ним было, но едва сдерживал смех. Да и пес его выглядел до смерти измотанным.

Саймон вздрогнул. — Ты прихватила пистолет или типа того?

— С ума сошел? Долговязый Боб собирается взорвать боковую стену полицейского участка.

— Вот как? — Саймон потирал ушибленные места. Ушибленным оказалось почти всё тело.

— В смысле «вот как»? Ты же читал книгу из будущего, разве нет? Ты и сам знаешь, что будет дальше.

— А, ну да. — Саймон включил мозги. — Конечно, знаю.

— Ну вот. Только Долговязый Боб хочет знать: если ты знал, что нагрянет полиция, какого черта позволил себя схватить?

— Еще бы не хотел.

— Ну?

— Ну, — Саймон помедлил. — Потому что так написано в книге. Вот почему. Но я не мог сказать об этом Долговязому Бобу. Как я уже говорил у него на ферме, ему знать не положено. Только мне. Так это работает.

— Логично, — согласилась Лиза.

«Значит, ты еще большая дурочка, чем я думал», — решил Саймон. Но теперь он был в полном замешательстве. Где книга? У кого она? Констебль, который ходил на поиски, сказал, что в кустах-тайнике, ничего нет, зато сами кусты покрыты перьями и жутко воняют. Саймон решил, что книга теперь у Курице-Фера и его приспешников. Но, очевидно, это было не так.

Так у кого же она, черт возьми?

Саймон поправил волосы и изобразил на лице озадаченность.

— Ты ведешь себя чертовски странно для человека, который, по идее, должен знать будущее, — заметила Лиза.

Саймон окинул ее взглядом. Эта женщина стала для него сплошным разочарованием. Подалась к сатанистам-психопатам. Спуталась с Дэйвом Воякой. Просто позорище. Господь ведь наверняка позволит ему маленькую, оправданную месть?

— На самом деле, — сказал Саймон, — я просто немного дезориентирован. Видишь ли, в книге прямо сказано — цитирую: «Саймон и Лиза предавались любви в камере, когда Долговязый Боб вызволил Саймона», а часов у меня при себе нет. Как скоро нам его ждать?

— Минут через пять.

— Тогда скорее, снимай одежду.

— Это называется облачение, — сказала Лиза.

Саймон не ответил.

Глава 20

— Двести фанатов «Миллуолла»? — Рэймонд откинулся на спинку кресла. — Устраивают беспорядки в трюме?

— И скандируют, — добавил профессор.

— Скандируют?

— О-ле-о-ле-о-ле-о-ле… О-ле… О-ле…

— О боже, — простонал Рэймонд. — О боже, боже, боже.

— Зато настоящие воины, — профессор Мерлин отдал честь. — Весьма боевые ребята.

— И они всё еще голые? — Рэймонду эта мысль совсем не понравилась.

— Были голые.

— Но вы их одели?

— Они, так сказать, оделись сами.

— Во что?

— В большой, с иголочки грузовик аукционного дома. Разобрали его на части и смастерили себе доспехи.

— Да, пожалуй, это в их духе.

— Весьма предприимчивые молодые люди. Занятные татуировки. Но несколько буйные. Я счел разумным пока запереть все люки, ведущие в трюм.

— Да, пожалуй, так будет лучше.

— Но они, похоже, твердо намерены выбраться. По очереди колотят головами в двери. Не мог бы ты спуститься и перемолвиться с ними словечком? Разъяснить ситуацию, так сказать.

— А вы пробовали?

— Пробовал. — Профессор погладил свой подвижный подбородок. — Я помахал им через одно из смотровых окошек в дверях. Знакомство со мной их, кажется, не слишком обрадовало.

— И что они сказали?

— Скандировали: «Старый ломик! Старый-ломик-старый-ломик-старый-ломик! Ста-а-арый ломик! Ста-а-арый ломик!» Что это вообще значит?

— Это рифмованный сленг кокни. «Старый ломик» означает...

— Ага! — Профессор Мерлин воздел дивный палец. — Рифмованный сленг. «Ломик» рифмуется с... ну, скажем, «комик»? Некоторые меня именно так и называют, совершенно безосновательно, замечу. Или «томик» — намёк на мои учёные труды? А может, «гномик»? Хотя вряд ли при моем росте.

— Наверное, что-то в этом роде.

— Ну, и слава богу. А я-то испугался, что они обозвали меня гомиком.

Рэймонд снова поперхнулся напитком.

— Значит, ты спустишься и поговоришь с ними.

— Спущусь. Но мне нужна одежда. У вас найдется что-нибудь в бело-голубых тонах?

— У меня есть весьма недурственный сюртук со стеганными лацканами, разрезами на рукавах и кружевными жабо, и, боюсь, это всё.

— О боже, — снова вздохнул Рэймонд. — О боже, боже, боже.

* * *

— О-о, — простонала Лиза. — О-о-о.

— Бум, — отозвался Саймон. — Бум-шанка-бум.

— Эй! — крикнул констебль Дерек. — Что там у вас происходит?

— О боже мой! — воскликнул он, заглянув в мерзкое смотровое окошко в двери. — Ублюдок, он теперь насилует монахиню!

Констебль Дерек кое-как вставил ключ в замок и распахнул дверь камеры. — А ну, прекратить! О, так вы уже. Где же вы?

— Я здесь.

Констебль обернулся. Саймон с размаху ударил его дверью. Дверь с глухим стуком врезалась констеблю в лоб.

— О-ох, — выдохнул констебль, оседая на пол бесформенной кучей.

— Лихо ты его, — сказала Лиза, поправляя рясу. — Теперь уходим.

— А вот и нет, — Саймон крепко перехватил ее за руку. — Только не ты.

— Что ты делаешь? — Лиза попыталась вырваться. Саймон заломил ей руки за спину и связал их её же четками. (Прочная нить, однако.)

— Только не сейчас. Ты же знаешь, мне нравится только с меховыми наручниками и сбруей для пони.

— Прости. — Саймон увернулся от пинков и заткнул ей рот тем самым нагрудником, который монахини носят на шее. — Мне пора. Но ты со мной не пойдешь.

— Грмммф мммф ммм, — промычала Лиза.

— Тебе легко говорить. — Саймон на секунду задержался, любуясь своей работой. Монахини в бондаже. В этом что-то было. Возможно, как-нибудь в другой раз, с той девицей из проката костюмов в Брайтоне. Как-нибудь потом.

«Если у меня вообще будет это «потом». Саймон вышел из камеры, запер дверь, прокрался по коридору, а затем поднялся по лестнице.

У стойки дежурил один-единственный констебль. Он сидел, закинув ноги на стол, и читал свежий номер «Брэмфилд Меркьюри».

Этого констебля Саймон раньше не видел.

А значит...

— Доброе утро, констебль, — бросил Саймон, уверенно подходя к нему. — Решили немного передохнуть?

Констебль отбросил газету и вскочил на ноги: — Вы кто такой?

— Вы знакомы с инспектором Д'Рянь?

— Нет. Меня только сегодня перевели. Буквально этим утром. Я его в глаза не видел.

— Ну, так вот вы на него смотрите. А теперь застегните пуговицу и примите подобающий вид.

— Да… я… — Констебль торопливо застегнулся. — А вы не слишком молоды для инспектора?

— Сэр, — поправил его Саймон. — «Не слишком ли вы молоды для инспектора, сэр?»

— Сэр, — повторил констебль.

— То-то же, — сказал Саймон. — Ключи от сейфа у вас?

— Да, сэр.

— Тогда открывай, парень.

— Можно взглянуть на ваше удостоверение, сэр?

— Какая похвальная бдительность. Мы еще сделаем из тебя настоящего полицейского.

— И всё же, сэр, можно взглянуть?

— Оно в сейфе, парень. Я допрашивал крайне опасного преступника, так что все мои личные вещи заперты там. И удостоверение, и деньги.

— Да, сэр, точно.

— Тогда пошевеливайся, парень. Ночка у меня выдалась та еще.

— Слушаюсь, сэр. — Новый констебль выудил из кармана ключи, подошел к сейфу и, повозившись, вставил один в замок.

Саймон следил за тем, как тикают секунды на больших часах над стойкой. — Поторапливайся.

— Я стараюсь, сэр. Вот. — Констебль распахнул дверцу сейфа.

Сейф был пуст.

— Дерьмо, — сказал Саймон. — Черт, черт, черт.

— Сэр, пожалуйста, я не понимаю. Погодите-ка… — Констебль юркнул мимо Саймона и схватил свою газету. На первой полосе

красовался огромный заголовок: «ПОЛИЦИЯ АРЕСТОВАЛА БРЭМФИЛДСКОГО МЯСНИКА».

А под ним красовалась фотография Саймона. Немного размытая, но вполне узнаваемая. Снимок увеличили с группового фото команды паба «Веселые садоводы», победителей кубка по дартсу. Редактор «Брэмфилд Меркьюри» отвалил Энди за него целых сто фунтов.

— Ты! — вскрикнул молодой констебль. — Это же ты!

— Вот дерьмо. — Саймон перемахнул через стойку.

Молодой полицейский выхватил дубинку.

Саймон рванул к двери.

Констебль бросился за ним.

И тут раздался оглушительный БАБАХ, и оба повалились на пол.

* * *

Раболепный прислужник пал на колени. — Ваше Величество, — пролепетал он, съежившись.

Его Королевское Величество Великий Герцог посмотрел на него сверху вниз (во всех смыслах этого слова).

— Ты не тот раболепный прислужник, которого я отослал раньше. Что с ним случилось?

— Его взорвали, Ваше Величество.

— Безумный профессор?

— Нет, сир, один из ваших вертолетов.

— Тогда принесите мне головы экипажа.

— Экипаж тоже взорвали, сир. Безумный профессор.

— Возмутительно. А где полиция?

— В основном в больнице, сир. На пристани было столько дыма, что в суматохе они, похоже, перестреляли друг друга.

— Есть еще что-нибудь, о чем мне стоит знать?

— Ну, добрая часть города сейчас в огне. Пожар начался с торговых рядов, в которые врезался корабль профессора, когда приземлялся, чтобы его забрать.

— А где пожарные?

— У них выходной, сир. Вы же объявили этот день государственным праздником.

Великий герцог заломил свои пухлые, унизанные перстнями пальцы. — У нас еще остались военно-воздушные силы? — осведомился он.

— Будут, когда завтра вернутся с выходного.

— О боги! — Великий герцог вцепился в горло подобострастному слуге. — Не могу в это поверить. Профессор истребляет мою полицию, сжигает мой город...

— И крадет всех ваших «Джорджей», сир.

— Что?

— Двести пузырьков с «Джорджами». Теми самыми, которых вы так предвкушали отведать.

— ЧТО?!

— Украдены с аукциона и погружены на его корабль.

— Ну всё! — Великий герцог с трудом поднялся на свои жирные ноги, снова сбросив Колина на пол. — Он за это заплатит. Его цирк за это заплатит. Все эти проклятые эдемиты из Эдема за это заплатят. Живо к телефону! Звони Хамфри Гог-Магогу. Передай ему, что я желаю — нет, требую! — через полчаса выступить с королевским обращением к нации, ко всей планете. Уяснил?

— Да, сир, — съежился прислужник.

— А теперь пошел вон.

— Есть еще кое-что, сир.

— Что еще?

— Там снаружи слон.

— Цирковой слон? Джамбо?

— Да, сир. Похоже, цирковые удрали, бросив животных. Все они до сих пор во дворце. Кроме слона. Тот снаружи.

— Ну, хоть какая-то польза. Вели повару забить всё зверье и приготовить на ужин. На закуску, пожалуй, пойдут пудели.

— Вот об этом-то слон и хочет с вами поговорить, сир.

— Поговорить со мной? Что ты несешь?

— Он умеет говорить, сир. Честное слово, я сам слышал. И он хочет, чтобы вы отпустили всех остальных животных.

— Чего?

— Отпустить их. Говорит, что его теперь зовут не Джамбо, а Моисей. И велел передать: «Отпусти народ мой».

* * *

— О-о, отпусти-и, о-отпусти-народ-мой, отпусти-и, отпусти-и.

Это скандирование встретило Рэймонда, когда он спускался по трапу в грузовой трюм. Маленькое окошко в двери, через которое фанаты «Миллуолла» до этого высказывали свое авторитетное мнение о профессоре Мерлине, было разбито. Но руки, тянувшиеся сквозь него, не могли дотянуться до внешних засовов.

Рэймонд поправил шелковый шейный платок и разгладил складки бархатных панталон на коленях. Задачка предстояла не из легких. Во-первых, у него имелись некоторые проблемы с

имиджем. Во-вторых, он понятия не имел, что именно стоит сказать этим людям. «Здорово, парни! Ни за что не догадаетесь, что стряслось: вас похитила летающая морская звезда, увезла на Сатурн, чтобы продать в качестве еды, а потом вас спасли, и теперь вы на викторианском пароходе летите сквозь космос на битву с обитателями другой Земли, которая окружает ту, где живете вы». Как они на это отреагируют? Рэймонд задумался. Скорее всего, не слишком дружелюбно.

На переборке рядом с дверью трюма висело переговорное устройство. Рэймонд догадался (и, по счастливой случайности, совершенно верно), что это средство связи с воинами, запертыми в трюме. Он снял трубку и дунул в нее. По грузовому отсеку разнесся пронзительный свист.

— Кхм, — произнес Рэймонд, лихорадочно соображая, с чего начать. Профессор сообщил ему, что, согласно данным его «разведывательной сети», болельщики «Миллуолла» ехали в трех междугородных автобусах на выездной матч против «Манчестер Юнайтед», когда их похитили инопланетяне.

Рэймонд сразу увидел в этой версии очевидный изъян, но надеялся, что никто другой его не заметит.

— Кхм. — Рэймонд еще раз прокашлялся. Нужно было что-то сказать. Как бы на его месте поступил Саймон? Пожалуй, вот так.

— Кхм. Добрый день. Говорит капитан Рэймонд из компании «Силинк Лайн». Приветствую вас на борту парома «Саламандра», идущего через Ла-Манш. Мы надеемся, что вам нравится путешествие, но, к сожалению, из-за прогнозируемого сильного волнения на море мы вынуждены держать двери трюма плотно запертыми.

— Возможно, вы испытываете легкую дезориентацию и недоумеваете, как здесь оказались и почему на вас нет одежды. — Рэймонд замолчал, подыскивая мало-мальски правдоподобное объяснение, подходящее к случаю. — Вас накачали наркотиками,

— нашелся он. — Вот в чем дело. Пока вы ехали в автобусах в Манчестер, болельщики соперников подмешали вам в напитки ЛСД. Или в пиво, если вы пили пиво. Или в сигареты. — Рэймонд на секунду задумался о маловероятной возможности того, что кто-то из фанатов «Миллуолла» мог не пить и не курить по дороге на матч. — Или же отраву пустили через кондиционеры в автобусах.

— Так что у вас у всех был жесткий кислотный трип, и менеджер «Миллуолла», мистер... — Рэймонд понятия не имел, как зовут менеджера «Миллуолла», — мистер... — он изобразил треск радиопомех, — отправил вас в эту поездку во Францию за счет клуба, чтобы вы могли прийти в себя.

— Ваша одежда, изъятая для очистки от токсинов, вскоре будет возвращена. Врач компании не рекомендует в дальнейшем биться головой о двери, так как это может вызвать токсический шок и необратимое повреждение мозга. Вскоре вам подадут еду и напитки, и мы надеемся, что вы насладитесь своим полностью оплаченным отпуском во Франции. Благодарю за внимание.

Рэймонд повесил переговорную трубку и приложил ухо к переборке.

Наступила временная тишина.

Так всегда бывает перед тем, как разразится по-настоящему сильный шторм.

* * *

Взрыв в полицейском участке сотряс лучшую часть Брэмфилда. Та часть Брэмфилда, что похуже, по другую сторону Хай-стрит, ничего не почувствовала.

Было много дыма, пыли и летящих камней; завыли пожарные сигнализации, воцарились хаос и неразбериха.

Вооруженные люди в масках из чулок ворвались в участок. У одного из них к ноге прицепился лерчер.

Молодой констебль, пытавшийся подняться из-под обломков, был жестоко сбит ударом приклада. Вооруженные люди вышибали двери, метались по коридорам и выкрикивали имя Саймона.

Но Саймон им не ответил. Его в участке уже не было: он прорвался на свободу через боковое окно, ведущее на парковку.

Там стояла конфискованная машина — один из тех старых «Ягуаров», так любимых криминальной братией в полицейских сериалах вроде «Летучего отряда Скотленд-Ярда». И у Саймона были ключи. Откуда?

Ну... э-э... он стянул их с щитка с ключами в участке прямо перед тем, как сигануть в окно. Вот как!

Саймон заглянул в салон. На всякий случай, чтобы убедиться, что на этот раз на заднем сиденье нет непрошеных пассажиров. Чисто. Он прыгнул внутрь, повернул ключ в замке зажигания и был таков. Но куда теперь?

У Саймона на примете было одно место. Дом, притаившийся в самом конце «Переулка, что не смеет назвать свое имя». Дом Писаки.

Пока Саймон ехал по Хай-стрит, кое-где начали просыпаться встревоженные горожане, но их было немного. Он сбросил скорость и медленно поехал мимо лавок и витрин, которые теперь вызывали у него лишь дурные воспоминания.

Паб «Брэмфилд Армс», где он впервые столкнулся с людьми в сером. Букмекерская контора, где он выиграл свое состояние. Банк, который закрылся и не дал положить это состояние на счет. Участок тротуара, по которому он мчался со своим богатством. Вход в супермаркет, где его сбили с ног и этого самого богатства лишили.

Саймон вздрогнул: какой кошмар. Но теперь нужно оставить всё это в прошлом. Было бы, конечно, славно, если бы деньги оказались в полицейском сейфе, но это было бы уже наглостью по отношению к Богу.

А поскольку теперь он — воин Господень, связанный священной миссией, он должен быть выше подобных материй. По крайней мере, пока.

Воин Господень аккуратно объехал по кругу мини-развязку, которую все обычно проскакивают насквозь, свернул направо у большого дома, который вечно ремонтируют, проехал по Кинг Нептун Роуд, миновал «Веселых садовников» и на вершине холма повернул налево.

«Ягуар» то и дело подпрыгивал на ухабах, за которые никто не хотел брать на себя ответственность. Проезжая мимо дома Рэймонда, Саймон пригнулся — на случай, если мать Рэймонда караулит у окна в ожидании возвращения блудного сына.

В конце переулка Саймон припарковал машину у заброшенных железнодорожных путей. Он сунул ключи в карман, но оставил водительскую дверь незапертой — на случай, если придется делать ноги.

Затем он прокрался вдоль высокой живой изгороди, укрывавшей дом Писаки. Интересно, не выставили ли снаружи полицейский пост? Саймон сомневался. И оказался прав — никого не было.

Он прошел в калитку и двинулся по садовой дорожке.

Молочник и разносчик газет уже побывали здесь. Саймон вытащил из почтового ящика свежий выпуск «Брэмфилд Меркьюри» и швырнул его обратно через изгородь. После чего решительно постучал в дверь.

Секунда тишины, затем послышалось шарканье.

— Кто там? — донесся голос Писаки.

— Почта, — ответил Саймон голосом почтальона. — Нужно расписаться за посылку. Заказное. Кажется, деньги.

— Вот и чудно! — Послышался лязг отодвигаемых засовов. Дверь приоткрылась, удерживаемая цепочкой. В щели показался глаз Писаки.

— О нет! — выдохнул Писака.

— О да. — Завязалась короткая потасовка, но Саймон намертво вклинился ногой в дверной проем.

— У меня пистолет! — заорал Писака, отступая в поисках оружия.

Саймон отступил на три шага и протаранил дверь плечом. Тот факт, что в реальной жизни такие фокусы не проходят, его ничуть не смутил. Цепочка лопнула, и Саймон ворвался в прихожую, пополнив своим теперь уже основательно отбитым плечом и без того внушительный список ссадин и ушибов.

— Назад, не то выстрелю! — Писака стоял перед ним в пижаме, халате и тапочках. И пистолет у него действительно был.

«Да как так-то? — подумал Саймон. — Почему в этой чертовой деревне пушка есть у каждого встречного, кроме меня?»

— У меня просто нет на это времени. — Саймон выбил пистолет из рук Писаки, нагнулся, подобрал его с пола и наставил на задрожавшего автора. — Руки вверх!

— Нет, — сказал Писака. — Не буду.

— Почему?

— Потому что пистолет не заряжен.

— Справедливо. — Саймон поднял пистолет, как дубинку. — Руки вверх, или я тебя как следует отделаю.

Писака задрал руки.

— В гостиную.

Саймон проследовал за заложником в гостиную.

Там царил полный разгром. Столы перевернуты, бумаги повсюду. Стопки глянцевых журналов с одинаковыми корешками валялись вперемешку, вопреки хронологии. «Текстовый проектор» лежал на ковре вверх тормашками.

— Что здесь произошло?

— Ко мне заходила полиция.

— И ко мне тоже. Но зачем ты это сделал? Я же просил: если кто-нибудь будет меня искать, скажи, что я пошел домой спать. Я повторил это несколько раз. И что ты делаешь? Говоришь им, что я отправился к Долговязому Бобу. Зачем?

Писака выглядел озадаченным. — Но я сказал им, что ты ушел домой. Однако эта дрянь инспектор...

— Д'Рянь, — поправил Саймон. — Мы решили не злоупотреблять сквозной шуткой на тему его фамилии.

— Мне никто не сказал.

— Неважно, продолжай.

— В общем, инспектор Д'Рянь мне не поверил. Он повел себя крайне неприятно. А так как я как раз писал о том, что ты направляешься на ферму к Долговязому Бобу, я ему так и сказал. И он ушел. А что ты вообще делал на ферме у Долговязого Боба?

— Неважно. — Саймон опустился на диван, накрытый тем самым кошмарным шерстяным лоскутным пледом. — Так почему он разгромил твою комнату?

— Это не он. Это другие полицейские, которые нагрянули позже. В штатском.

— Какие еще в штатском? — Теперь уже Саймон выглядел озадаченным.

— Сказали, что они из спецподразделения. Их вид мне совсем не понравился. Все одеты в серое. Серые осунувшиеся лица. Даже очки — и те серые.

— О нет, — Саймон буквально вжался в диван.

— Ты их знаешь? Можно мне уже опустить руки, пожалуйста?

— Знаю. И да, конечно, опускай. Почему ты пытался не пустить меня в дом?

— Инспектор Д'Рянь сказал мне, что ты психопат.

— Ну, это не так.

— Тогда зачем ты пришел?

— Мне нужно увидеть рукопись, над которой ты работаешь. Я должен знать, что будет дальше. Это очень, очень важно.

— У меня её нет, — сказал Писака.

— Почему?

— Люди из спецподразделения забрали её с собой.

— Что? Ты позволил этим серым типам просто уйти с ней? Как ты мог?

— Они сказали, что она нужна им для следствия.

— Но ты ведь знаешь, кто они на самом деле.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Всё ты, черт возьми, понимаешь. — Саймон поднялся с места и угрожающе двинулся на Писаку. — Ты сам написал о них в этой чертовой книге. Ты прекрасно знаешь, кто они такие и чем занимаются.

— В моей книге? — Писака попятился. — Да брось. Ты хочешь сказать, что те серые люди, которые приходили вчера, — это те

самые, о которых я писал? Моя книга — просто фантазия. Ты что, спятил?

— Еще как, — Саймон оскалил ряд ровных зубов и начал наступать на него. — Ты мне лжешь.

— Нет же! — Писака отступил назад и едва не свалился в нишу у камина. — Оставь меня в покое.

— Я хочу видеть рукопись. — Саймон закатал рукава и сжал кулаки. — И хочу видеть её немедленно.

— У меня её нет. У-у-ух!

Саймон одной рукой вцепился Писаке в горло, а другую занес для удара.

— Сейчас я тебя отделаю, — процедил он. — Как только надумаешь выложить мне всю правду и признаться, как ты во всё это вляпался, только скажи — и я остановлюсь. Я ясно выражаюсь? Я ясно выражаюсь?

Но Писака, похоже, его не слышал. Его взгляд был прикован к точке где-то за левым плечом Саймона, а глаза буквально вылезали из орбит.

— Я ясно выража… — Саймон осекся. В гостиную проник омерзительный запах. Запах, который Саймон уже встречал раньше. А вместе с ним в комнату ворвался ледяной холод.

Саймон разжал пальцы и медленно обернулся, проследив за направлением взгляда выпученных глаз Писаки.

Там, в полумраке дверного проема, что-то стояло. Нечто огромное. Поистине огромное. Большое, широкоплечее и покрытое перьями. И воняло от него, как от самого дьявола.

Это ужасное нечто подняло окровавленную на вид когтистую лапу и продемонстрировало большую глянцевую, пусть и изрядно потрепанную, книгу.

— Полагаю, вы ищете это, — произнесло оно мрачным тоном Курице-Фера.

Глава 21

— Что ты им сказал? — спросил профессор Мерлин.

— Ну, мне нужно было хоть что-то им сказать. — Рэймонд рухнул на набитую до отказа софу. — Они будут отличными бойцами, если дело дойдет до сражения. Но сейчас мы не можем позволить им разнести корабль в щепки. Вам придется спускать им еду. И всё, что найдется из выпивки. На веревке или как-нибудь еще.

— Тра-ля-ля, тру-лю-лю. — Старик приподнял парик и смахнул пыль с головы. — Итак, за работу. Мы на всех парах идем к Эдему. Излагай же свой план.

— План? — вздохнул Рэймонд. — Надо полагать, план по спасению полярных отверстий Земли от закатывания в асфальт эдемитами.

— Алетично, моя дорогая лапшичка. В смысле философских концепций истины, необходимости, возможности и случайности. Выкладывай план, бро.

— У меня нет плана, — отрезал Рэймонд, — и вы прекрасно об этом знаете. Я ничего не смыслю в Эдеме и понятия не имею, как помешать им осуществить их злодейские замыслы.

— Прескверные новости. — Профессор скорчил самую удрученную гримасу. — Я-то надеялся, мы просто сверим часы, как в прошлый раз.

— Вряд ли. — Рэймонд покачал головой так, что не осталось сомнений в его отношении к этой затее. — Предлагаю собрать всех ваших уникальных артистов за одним столом, и, раз уж у нас снова общий кризис, попытаться сообща наколдовать план — примерно так же, как вы вызвали Зефир.

От одного упоминания её имени у Рэймонда защемило сердце, но мужчина должен делать то, что должен, — вся эта бравада и прочие мужские штучки.

Профессор Мерлин потеребил подбородок. — В твоих словах есть мудрость, но мои артисты измотаны.

— Я тоже измотан, — сказал Рэймонд. — И на душе кошки скребут. Но я готов сделать всё, что в моих силах. Знаете, я вообще-то обычный водопроводчик из Брэмфилда. Вы когда-нибудь слышали, чтобы водопроводчик спасал мир?

— Марио, — сказал профессор. — И его брат Луиджи.

— Сделаю вид, что я этого не слышал.

— Виноват. Итак. — Профессор Мерлин вскочил на ноги, покачиваясь на скрипучих коленях. — Что ж, решено. Да будет так, воистину и все такое. Мы созовем военный совет. Я распоряжусь спустить воинам перекус, велю пройтись тряпкой по парадному салону, и мы все соберемся там через полчаса. Что скажешь?

— Звучит неплохо, — ответил Рэймонд. — Погнали.

* * *

— Обратный отсчет, — произнес режиссер. — Пять, четыре, три, два, один. Начали.

— Добрый день, и всем привет! — Шакалоголовый в щегольском смокинге оскалил два ряда зубов. — С вами Хамфри Гог-Магог, прямой эфир из Дворца Небесных Наслаждений. Для меня огромная честь и великое смирение иметь привилегию представить вам человека, который не нуждается в моих представлениях. Наш благодетель, наш правитель, человек, которого мы обожаем и перед которым преклоняемся, его великолепие, его красота, сам именинник собственной персоной — встречайте, Великий Герцог!

Хлоп-хлоп-хлоп, выдал аппарат с записанными аплодисментами, хлоп-хлоп-хлоп и восторженные крики.

Те жители Фогерти, кого еще не выгнало из домов бушующее пламя, пожирающее город, и кто наблюдал за всем этим в прямом эфире, дружно встали, чтобы выключить телик и поставить чайник.

— Не переключайтесь! — возопил Хамфри. — Эта трансляция имеет мировое значение и касается лично вас. Его Королевское Высочество...

— Спасибо, Хамфри. — Жирное лицо здоровяка заполнило весь экран. — Люди добрые, — улыбнулся он. — Я обращаюсь к вам в этот день, в этот особый праздник, который я даровал вам в честь своего дня рождения, вовсе не для того, чтобы поблагодарить за тысячи открыток и добрых пожеланий, которыми вы меня осыпали...

— Потому что этот жирный ублюдок не получил ни одной, — шепнул Хамфри оператору.

— ...но с печалью в сердце, дабы сообщить, что объявляю чрезвычайное положение мирового масштаба. Сегодня наша столица подверглась вероломному нападению и была предана огню. Вы и сами видели это на экранах своих телевизоров.

— Наши доблестные пожарные не смогли обуздать пламя…

— Потому что ты сам дал им выходной, придурок, — прошептал Хамф.

— Тысячи людей охвачены ужасом, дома разрушены, бизнес разорен. Трагедия. Какая трагедия. — Маленькие трубочки, искусно спрятанные на висках Великого Герцога, выпустили «слезинки», которые потекли по его щекам. — Шмыг-шмыг, — произнес Великий Герцог. — Сердце разрывается.

— Ага, как же, — прошептал Хамф.

— Это кошмар, которого мы все втайне опасались. Вероломное нападение эдемитов. Этой воинственной и тиранической расы, под чьим игом мы слишком долго изнывали.

— Кто бы говорил.

— Я и сам, — продолжал Великий Герцог, — родом с Эдема. Но я не такой, как они. Я один из вас. Я неустанно боролся за независимость Сатурна. Но здесь, как, впрочем, на Уране и Марсе, коварные эдемиты насаждали свою культуру, свои товары и свой язык.

Жаль, что Рэймонда здесь не было. Это бы многое ему объяснило.

— Мы импортируем их товары, они заправляют нашей экономикой, а теперь стремятся нас уничтожить. Неужели мы будем стоять в стороне и смотреть? Будем ли беспомощно наблюдать, как горят наши прекрасные города? Или нанесем ответный удар? Поднимем оружие против злобного тирана и сокрушим его до основания?

— Может, это просто предлог, которого он ждал годами, чтобы поквитаться с ненавистным братцем? — прошептал Хамфри. — Или я просто стал законченным циником?

— Мой собственный брат... — Великий Герцог пролил еще больше слез. — Один из нашей тройни, мой близнец, король Эдема Эдди. Как, спросите вы, может такой миролюбивый, милосердный человек-душка, как я, направить руку войны против собственной плоти и крови? С великой скорбью, вот как. Но он пользовался нами и угнетал нас, и мы больше этого не потерпим. Я объявляю полную мобилизацию. Армию привести в полную боевую готовность, военно-воздушным силам — приготовиться к атаке. Мы выступаем против Эдема. Мы в состоянии войны.

— Слава Сатурну! — Великий Герцог вскинул пухлый кулак. — Благодарю за внимание.

— Снято, — сказал режиссер. — Запускайте гимн.

Жирный Великий Герцог отер с лица фальшивые слезы. — Думаю, вышло довольно недурно. А ты как считаешь, Хамфри?

«Если любишь иронию, то просто блеск», — подумал шакалоголовый. — Потрясающе, сир, — сказал он, подбегая и низко кланяясь. — Надеюсь, вы окажете мне честь стать эксклюзивным военным корреспондентом на все время конфликта.

Великий Герцог погладил свой необъятный жирный подбородок.

— Не думаю, Хамфри.

— Нет, сир?

— Нет, Хамфри. Понимаешь, за время моего долгого, бесконечно долгого правления этой планетой я поднаторел в подслушивании едких замечаний, которые отпускают мои подданные, когда думают, что их никто не слышит. Так что, пожалуй, я просто прикажу отрубить тебе голову, ты, наглый псоглавый ублюдок.

— Оу, — протянул Хамфри. — Какой облом.

Оператор прыснул в кулак.

— И ты за собой следи, — добавил Великий Герцог. — А не то сдохнешь, вонючка.

* * *

Саймон зажал нос от невыносимой вони. Чудовище заполнило собой дверной проем, перекрыв единственный выход. Глаза Писаки закатились, и он рухнул в обморок прямо в каминную нишу.

«Спасибо за помощь, — подумал Саймон. — Проклятье!»

Тварь шагнула в комнату и снова подняла свою жуткую клешню.

— Книга.

Саймон не мог вымолвить ни слова. В горле пересохло, сердце отбивало чечётку, а ноги, хоть и рвались наутек, предательски подкашивались. Дело пахло керосином. С такой штуковиной не повоюешь. Шансов против нее не было.

Еще шаг.

Кошмар.

Саймон совершил нечто настолько нелепое, что, наблюдай за ним Господь, Он наверняка отвратил бы свой Лик и вздохнул: «О Боже мой».

Саймон сложил указательные пальцы крестом и выпалил: — Назад! Именем Господним повелеваю тебе!

— Книга, — существо рванулось к нему, споткнулось и рухнуло бесформенной кучей на пол к его ногам.

— Обалдеть, — выдохнул Саймон, разглядывая свои пальцы. — А ведь работает!

Он уставился на монстра. На это нечто. На Курице-Фера.

Но это был не Курице-Фер.

Саймон уставился на вытатуированную пентаграмму на забрызганной кровью голове. Это был не Курице-Фер.

Это был мистер Хилсэвиз!

Саймон наклонился и с трудом перевернул здоровяка. Тот был в совершенно ужасном состоянии. Весь в перьях, V-образных порезах и залитый кровью. Этот человек побывал в настоящем сражении. И, судя по всему, проиграл.

— С вами всё в порядке? — Саймон тут же тряхнул головой. Почему люди вечно задают этот идиотский вопрос тем, у кого явно всё не в порядке? Саймон не знал. — Простите, — поправился он. — Вы вообще живы?

— Едва-едва, — мистер Хилсэвиз вцепился в плечо Саймона, перекрыв кровоток и вывихнув пару суставов. — Принеси-ка мне выпить.

«С удовольствием, да и мне не помешает», — решил Саймон и направился на кухню Писаки. Кухня выглядела крайне фешенебельно. Он открыл холодильник. Шампанское. Две дюжины бутылок.

— Вот гад, — пробормотал Саймон, выудил бутылку и вернулся в гостиную, на ходу извлекая пробку.

— Держите. — Он поднес горлышко к губам своего работодателя.

— Спасибо. — Мистер Хилсэвиз сделал несколько мощных глотков. — Довольно.

— Отлично, теперь моя очередь. — Саймон вытер горлышко бутылки о манжету (гигиена полости рта превыше всего) и приложился сам. В бутылке ничего не осталось.

— Помоги мне встать. — Саймон помог раненому перебраться на диван.

— Что с вами стряслось? — спросил Саймон.

— Куры. Чертовы куры. Вонючие, проклятые куры. Налетели на меня, как стервятники.

— Вы достали книгу. — Саймон поднял её с ковра. — Я ничего не понимаю.

— Я видел тебя, — мистер Хилсэвиз начал приходить в себя. — Вчера вечером я выгуливал собаку и приметил тебя. Ты мочился на холме над фермой Долговязого Боба.

Саймон вспомнил того туриста в синем анораке — или это была ветровка?

— Так что я поднялся туда, чтобы поджарить твои чертовы яйца за то, что на мой грузовик повесили блокиратор, за то, что ты потерял мою косилку «Аллен» и смылся с работы, не сказав ни слова.

— А-а, — только и выдавил Саймон.

— Но ты уже ушел. Я услышал, как зарычала собака, как ты взвыл, и нашел книгу. Подумал, что ты за ней вернешься, и сел ждать. А пока ждал — прочитал ее.

— А-а, — снова отозвался Саймон.

— И наблюдал за всем остальным. Как ты спустил шины Долговязому Бобу, как понес бензин к курятникам, Дик Годольфин...

— Можете не продолжать, — перебил Саймон. — Я и сам все прекрасно помню.

— Я упоминал, что мне приглянулась твоя новая шляпа? — спросил мистер Хилсэвиз.

— Мы завязали с шуткой про шляпу, — отрезал Саймон. — Никто ее не понял, да и не смешная она была.

— О, ну ладно. Так вот, позже я вижу, как ты уезжаешь на «Ягуаре». Но фишка в том, что я в этот момент читаю об этом в книге. И прямо в тот же момент — ты уезжаешь на «Ягуаре».

— Значит, я вернулся. — На лице Саймона расплылась зубастая ухмылка. — Я вернулся в книгу. Сработало.

— Мне нужно еще выпить, — сказал мистер Х. — Тащи еще бутылку, Саймон, у меня в горле пересохло.

— Слушаюсь. — Саймон принёс ещё шампанского. Две бутылки. Он вернулся и откупорил обе. Писака, очнувшийся было от обморока, увидел это и тут же снова лишился чувств.

— Так вот, — мистер Хилсэвиз взял одну бутылку, Саймон приложился ко второй. — Читаю я это и думаю: «Быть того не может». Листаю туда-сюда и натыкаюсь на строчку: «Мистер Хилсэвиз сидел в засаде в кустах и читал книгу, когда куры учуяли его и напали». Я такой: «Чего?!» — и последнее, что я помню...

— Да, — прервал его Саймон. — Я всё понял. Не хочу об этом слышать.

— Эти твари чуть не прикончили меня. Хотя парочке я всё же откусил головы.

— Достаточно, — сказал Саймон. — Я всё понял.

— Но дело дрянь, Саймон. Всё очень плохо.

— Знаю. Я сам по уши в этом дерьме.

— Судя по книге, ты уверовал в Господа.

— Да, это так. — Саймон внезапно отпрянул. — Но вы... я думал...

Мистер Хилсэвиз приподнял безволосую, в пятнышках крови бровь. — Ты никогда не был особо сообразительным, Саймон, — сказал он, указывая на пентаграмму на голове. — Она острием

вверх. Я не сатанист. Я приверженец старой веры. Белый маг, если хочешь. Хотя мне больше по душе термин «белый колдун».

— О, — протянул Саймон. — И у вас есть свой шабаш?

Колдун кивнул. — В Брэмфилде много тех, кто чтит древнюю веру. Как-никак, деревенская глушь.

— А вы... — Саймон замялся, — как бы это выразиться? Вы танцуете с молодыми женщинами в чем мать родила? Ну, знаете, при свете луны?

— Почти каждую среду, да.

— И вы ни разу не позвали меня? — Саймон состроил крайне обиженную мину.

— А ты бы сам себя позвал?

— Хм-м, — буркнул Саймон. — Ну, слава богу, хоть в одном мы на одной стороне.

— Но я всё равно поджарю твои орешки, если ты не вернёшь мою косилку «Аллен».

— Она у Долговязого Боба.

— Это правда?

— Вот вам крест, чтоб мне сдохнуть. — Саймон приложил руку к сердцу, искренне надеясь, что этого не произойдёт. — Как вы себя чувствуете?

— Паршиво, мне бы ванну принять. Но, думаю, сил на то, что должно быть сделано, хватит.

— Сразиться с Курице-Фером и его приспешниками?

— Уничтожить Курице-Фера и разогнать его свору.

— Браво, — сказал Саймон. — Разумеется, у меня и самого есть безупречный план, как с ними разобраться, но... — он

приостановил свою ложь, — я был бы признателен, если бы вы поделились своими соображениями.

— Еще бы. — Мистер Хилсэвиз улыбнулся. Саймон никогда раньше не видел его улыбки. Зрелище было крайне пугающее. — Если собрался уничтожить дьявола в курятнике и спасти человечество, — сказал он, — есть только один верный способ.

— Облачиться в черную кожу и оседлать «Харлей-Дэвидсон»?

— Нет, — отрезал мистер Х. — Явиться туда ночью с толпой деревенских жителей с факелами. Ты что, кино вообще не смотришь?

— Очевидно, не то, что смотрите вы.

— Так. Я сделаю пару звонков. А ты свяжи этого остолопа у камина и сообрази чего-нибудь на завтрак.

— Верно, — сказал Саймон. — Нет, неверно, — поправился он. — Я хочу сказать, разве этот остолоп не должен писать в книге, что будет дальше?

— Насколько я могу судить, он писал, пока люди в сером не отобрали у него рукопись. Полагаю, остальное, скорее всего, дописал ты.

— Да! — Саймон вскинул кулак. — Значит, решено: связываю этого остолопа, и занимаюсь завтраком. Ибо позже нам предстоит выступить на войну.

* * *

— Прежде чем мы выступим на войну, — сказал Рэймонд, сидя во главе стола, — я вот думаю, не лучше ли нам выступить с миром.

Артисты цирка профессора Мерлина снова собрались за чудесным столом в большом салоне. Его протерли, прибрали и вновь уставили роскошными угощениями. Впрочем, никто особо

не проголодался. Артисты были измотаны. Плечи поникли, грим осыпался. Рэймонд обвел взглядом эту унылую компанию.

— Никто не хочет мира? — спросил он.

Никто не ответил.

— Может, мы могли бы договориться с эдемитами?

Месье Ля Рош отозвался: — Забудьте, mon ami. Для них мы пустое место. Просто «Джорджи» для их стола, вот и всё.

— Но если мы скажем им, что игра окончена? Если откроем людям Земли, что происходит, и сообщим эдемитам, что люди в курсе?

Профессор Мерлин покачал головой: — Эдемиты-оборотни держат власть на Внутренней Земле. Они позаботятся о том, чтобы там, внизу, никто тебе не поверил. А даже если поверят, ничего не изменится.

— Расскажите об этих оборотнях. Эдемиты наделены магической силой или как?

— Всего лишь владеют технологиями. Несколько более продвинутыми, чем те, что есть на Внутренней Земле.

— Вы имеете в виду что-то вроде голограмм?

— Принцип более совершенный. У меня когда-то тоже была такая голографическая реклама. Но кто-то её сломал.

— Вот как, — сказал Рэймонд. — Но позвольте уточнить. Вы хотите сказать, что президенты, премьер-министры и прочие правители Земли были заменены этими продвинутыми голограммами?

— Короче говоря. Вкратце. Ты же помнишь, как президента Рейгана ранили в сердце, а он выжил? Как никому не позволяют прикасаться к королеве Англии? Как главы государств пожимают руки только другим главам государств?

Рэймонд проигнорировал зияющие дыры в этой теории. — И как же это устроено?

— Проекции сверху, мой мальчик. Актер, играющий роль президента, допустим, работает в специальной студии на Эдеме. Его голографическое изображение, смоделированное на компьютере точь-в-точь с внешностью президента, транслируется вниз. Его движения становятся движениями президента на Земле.

Рэймонд почесал нос. — Не представляю, как это работает на практике. А если президент в движущейся машине или в самолете? Как это тогда работает?

— Не знаю. Но это работает.

Рэймонд покачал головой. — И что будет, если мы каким-то образом отключим голограммы на Эдеме?

— Хаос на Земле! — Профессор Мерлин вскинул руки, снова их опустил и сунул в карманы. — Все мировые лидеры исчезнут в мгновение ока.

— Мне нравится, как это звучит. Но хаос на Земле не остановит закатывание мира в асфальт.

— Есть лишь один способ это прекратить, — мрачно (и угрожающе) произнес доктор Бактерия. — Убить короля. И дело с концом.

— По-моему, это звучит как объявление войны.

— Я мог бы справиться одним рукопожатием. Сибирская язва, пожалуй, или холера.

— Вот именно, — Рэймонд откинулся на спинку стула. — Но что это нам даст? Даже если мы его убьем — а я не горю желанием кого-либо убивать, — его место, скорее всего, займет другой король. Проблему это не решит. Нет. Погодите-ка. А ведь может.

— У него появилась идея! — профессор Мерлин хлопнул в ладоши. — Видали? Я же говорил, что он что-нибудь придумает. Продолжай, мой милый мальчик. Я сверю часы.

— Это просто мысли вслух. Но если эти супер-пупер голограммы дурачат людей на Земле, как вы думаете, смогут ли они одурачить самих жителей Эдема?

— Полагаю, кого угодно можно одурачить. Главное, чтобы не пытались потрогать.

— А короля никто не трогает?

— Никто.

— Ну, — сказал Рэймонд.

— Что «ну»? — спросил профессор Мерлин.

— Да ладно вам.

— Прошу прощения?

Рэймонд вздохнул. — Допустим, мы смогли бы добраться до Эдема и по-тихому убрать этого короля, ну, или похитить его, или что-то в этом духе. А потом заменить его голограммой. И эта голограмма объявит своему народу: «Давайте не будем закатывать полярные дыры в асфальт, давайте лучше жить в мире с нашими братьями из Внутренней Земли. Начнем новый золотой век любви и взаимопонимания. Давайте делиться знаниями и...»

— Прошу прощения, меня сейчас стошнит, — перебил мистер Аквафагус. — Кто-нибудь хочет суши?

Профессор Мерлин расплылся в улыбке от уха до уха, да что там — от носа до самого пупка. — Нет, клянусь Годфри, Рэймонд прав. Его план крайне вдохновляющий.

— Но нам все равно нужно как-то подобраться к королю.

Профессор Мерлин призадумался. — Можешь пробраться туда ночью в одиночку, — предложил он.

— Нет, — ответил Рэймонд.

— Тогда возьми с собой доктора Бактерию.

— Нет, — ответил доктор Бактерия.

— Тогда те две сотни воинов.

— Нет, — снова сказал Рэймонд. — Но, кажется, я знаю способ.

— Это меня ни капли не удивляет.

— Можно устроить представление.

— Устроить что?

— Представление. Как вы делали для великого герцога. Вы могли бы предложить королю устроить для него шоу. — Рэймонд рассмеялся. — Небось у короля сегодня тоже день рождения, а?

— Ах, — жалобно вздохнул профессор.

Глава 22

В Брэмфилде царила суматоха. Было уже половина одиннадцатого, пабы открылись.

В «Веселых садоводах» яблоку негде было упасть. Сегодня здесь собрались не обычные утренние завсегдатаи, а пресса со всей страны. Энди вовсю крутился за стойкой, и фраза «Вот и чудно!» почти не сходила с языка. Тот факт, что некие пока еще не установленные террористические силы освободили «Мясника из Брэмфилда», изрядно подогрел интерес к происходящему. Наши ревнители морали жаждали взять интервью у любого, кто имел хоть какое-то представление о психике этого психопата.

К ним примкнула целая компания кокеток, которые, начитавшись о «журналистике с чековой книжкой», жаждали продать свои эксклюзивные истории. Заголовок «Саймон, которого я знала: рассказ невесты, которая его любила» был самым ходовым товаром.

Бокалы то поднимались, то опускались, рычаги пивных кранов ходили туда-сюда, а касса то и дело звенела.

— Мы были в баре одни, — вещал Пол репортеру с блокнотом. — Только я и Мясник. Атмосфера была такая — хоть бритвой режь. Именно я сообщил полиции, где он прячется. Полагаю, львиная доля заслуги в его поимке принадлежит мне. Кстати, вы не знаете парня, что составляет кроссворды?

— О да, — вторил забинтованный констебль Дерек другому репортеру. — Мужчины с оружием в руках. Их было примерно шесть. Да не рук. Шестеро вооруженных мужчин. Я отбивался как мог, но они оглушили меня и освободили его. Благодарность за храбрость? Да, поговаривают и об этом. Сообщения о монахине, которую видели убегающей вместе с террористами? Нет, никакой монашки я, разумеется, не видел.

* * *

В «Брэмфилд Армс» было потише. Впрочем, учитывая специфику «Брэмфилд Армс», атмосферу там по-прежнему стоило проверять разве что при помощи шахтерской канарейки или какого-нибудь ее подводного эквивалента.

Блэк Джек Вуллер затаился за стойкой, а в самом дальнем, зловонном углу двое мужчин в сером склонились над кипой напечатанных листов.

— Я же говорил, — сказал серый номер два. — Я знал, что этот ублюдок врет насчет потери кратковременной памяти. Мы были правы, установив за ним слежку. Судя по всему, он пишет свои чертовы мемуары.

Серый человек под номером три скрежетнул серыми зубами. — Судя по этой писанине, он был на своем огороде, когда Абдулла умыкнул того остолопа. Гляди, а вот этот момент мне нравится, где он вышвыривает тебя из дома.

— Он не вышвыривал меня из дома. Это вранье.

— Ну да. А что насчет остального? Что насчет этих приключений Рэймонда? Это ведь наверняка выдумка, верно?

Серый человек номер два выглядел озадаченным. — Но ведь всё сходится. Про Эдем и всё такое. Ты же не хочешь сказать, что он это просто выдумал? А как насчет того, что эдемиты заделывают полярные отверстия? Что, если это правда? А что будет с нами?

— Заткнись! — шикнул серый номер три. — Этот жирный ублюдок подслушивает.

— Ну и пусть. Мне всё равно это не нравится. Нам не заплатили, и я не горю желанием оставаться здесь подыхать.

— Заткнись, говорю. Скоро узнаем, что к чему. Серый номер один звонит боссу в Эдем. Он узнает правду.

— Серый номер один? У него что, имени нет?

Серый номер три пролистал страницы рукописи Писаки. — Видимо, нет. Но глядите, вот и он.

Серый номер один вынырнул из сумрака и подсел к своим безымянным спутникам.

— Ну, что там? — спросил серый номер два.

— Не знаю. До шефа не дозвонился. Включен автоответчик. Оставил сообщение, чтобы перезвонил нам сюда.

— Мне это не нравится. — Серому номеру два это определенно не нравилось. — По-моему, нас кинули. Бросили на произвол судьбы. Вот что я думаю.

— Нет, — Серый номер один покачал своей серой головой. — Эдемиты с нами так не поступят. Они нас уважают. Мы — верные работники. Будем продолжать дело. Разберемся с этим Саймоном.

— А как насчет мистера Килгора Спраута?

— Он не важен. Парень с зубами — вот наша цель. Устраним его, и дело в шляпе.

— Да, но...

— Поверь мне, — сказал серый номер один. — Эдемиты о нас позаботятся. Или я не серый номер два.

* * *

— Имя мне Моисей, — сказал слон. — И я говорю: отпусти народ мой.

— Послушайте, я уже передал это Его Величеству, — ответил раболепный прислужник. — Но он сейчас крайне занят. У него война на повестке дня. Почему бы вам не перезвонить позже?

— Передай фараону, — провозгласил Моисей, — если ты откажешься отпустить их, то вот, я поражу все пределы твои жабами. Исход 8:2.

— Жабами? — переспросил прислужник.

— Жабами, — подтвердил Моисей.

— Ладно. Что ж, я передам. Но не думаю, что он будет в восторге.

* * *

Инспектор Д'Рянь был не в духе. Накануне вечером он ложился спать с приятным осознанием: мало того что он сцапал серийного убийцу, обеспечив себе отличные шансы на повышение, так еще и прибрал к рукам деньги этого маньяка, что гарантировало ему безбедную жизнь в качестве владельца маленького деревенского паба где-нибудь в глуши после досрочного выхода на пенсию. Однако бесцеремонное известие о том, что вооруженные люди в масках взорвали участок и умыкнули Саймона, мигом развеяло это благодушное настроение.

Теперь, когда половина полицейского участка превратилась в дымящиеся руины, возник вопрос: где разместить штаб оперативной группы для координации масштабной операции, которую предстояло развернуть?

В деревенском клубе проходила весенняя выставка цветов, а молодежный центр, где по понедельникам гремела музыка, закрыли на ремонт фундамента. Единственным помещением приличных размеров во всем Брэмфилде оказался «банкетный зал» над баром «Веселые садовники».

Энди был несказанно рад сдать в аренду эту затхлую, затянутую паутиной каморку, а инспектор Д'Рянь, находясь не в том положении, чтобы торговаться, был вынужден платить ежедневную арендную плату, более чем вдвое превышавшую среднюю недельную выручку «Веселых садовников».

И вот теперь инспектор сидел и кипел от ярости за складным столом, пока его подчиненные сновали туда-сюда: устанавливали телефоны, подключали компьютерные терминалы, точили карандаши и бросали курить. Поползли слухи, что из Скотленд-Ярда едет главный инспектор, чтобы взять руководство на себя. И еще говорили, что этот главный инспектор — женщина. И что она вылитая Хелен Миррен.

В кармане у инспектора Д'Рянь лежал пистолет. И он вовсе не был бы рад ее видеть.

* * *

— Прошу прощения, сир. Умоляю, сир. Вы должны на это взглянуть. Раболепный лакей (в отличие от прислужника, разница здесь тонкая, но существенная) без доклада ворвался в опочивальню Султана Урана.

Султан праздновал день рождения в компании наложниц, и одну из них как раз опускали в спальню в плетеной корзине, вращающейся на тросах. Время для вторжения было выбрано крайне неудачно.

— Вон из моей спальни! — взвизгнул султан.

Раболепный лакей простерся ничком на полу. — Это ваш брат, сир, Великий герцог Сатурна.

— Мой брат здесь? Хватит церемониться. Отрубите ему голову, немедленно.

— Нет, сир, не здесь. На спутниковом телевидении.

— Что? — Султан поднялся и отбросил в сторону свою болтающуюся прелесть (можете понимать это как угодно). — Ты ворвался ко мне, чтобы сообщить, что моего никчемного братца показывают по телику?

— Он объявил войну, сир.

— Что? Нам?

— Нет, сир. Эдему. Вашему другому брату, королю Эдди.

— Этому куску дерьма!

— Не больно-то вы дружны для тройняшек, а, сир?

— Чума на твою дерзость. Целуй мой палец ноги, сейчас же.

Раболепный лакей приложился к султанскому пальцу. «Лучше бы я поцеловал твою болтающуюся прелесть», — пробормотал он себе под нос.

— Довольно лобызаний. Почему этот кусок дерьма объявил войну другому куску дерьма?

— Из-за вашего корабля, сир. Того самого, о котором звонил Абдулла. Корабль покинул Сатурн, и Великий герцог отправляет свои ВВС чтобы его уничтожить.

— Уничтожить мой корабль? — Султан пнул лакея в ухо.

— И заодно воевать с Эдемом, — добавил лакей, потирая ушибленное место.

— Плевать на Эдем. Я хочу вернуть свой корабль. Созывай морскую пехоту! Отправляй ударную группу! Разнесите сатурнианцев в щепки и верните мой корабль!

— Но...

— «Но»? — взревел султан.

— Но вы же дали им всем выходной, чтобы отпраздновать ваш день рождения.

— Р-р-р-р-р-р-гр-х! — выдал султан. — А где Абдулла?

* * *

И где же, в самом деле, был Абдулла?

— А где Саймон и где все наши деньги? — Долговязый Боб скорчил свирепую гримасу, глядя на Лизу через кухонный стол.

— Я не знаю. — Лиза попыталась высвободиться. Она была все еще в костюме монахини и по-прежнему связана. Монашки в бандаже — в этом что-то было. Вполне во вкусе Долговязого Боба.

— Отпустите меня! — Лиза снова попыталась высвободиться. — Саймон вырубил констебля, связал меня и сбежал.

— Она его выгораживает, — подала голос Красотка. — Они заодно. Наверняка планируют поделить деньги. А еще он угнал мою тачку.

— Плохи твои дела, — бросил Лизе Долговязый Боб. — Его Величество остался прошлой ночью без жертвоприношения. А он парень растущий. Ему нужно хорошо питаться.

— Что? — переспросила Лиза. — Что?

— Боюсь, что так. Разве что, — Долговязый Боб окинул взглядом комнату, где собрались остальные члены З.В.Е.Р.И., — кто-то из вас хочет подменить Лизу.

Головы дружно замотали из стороны в сторону. Желающих не нашлось.

— Нет! — взвизгнула Лиза. — Вы не можете так со мной поступить!

— Почитай это за честь.

— Отпусти меня, полоумный псих!

— Ц-ц-ц, — Долговязый Боб покачал длинной головой. — Дик, — скомандовал он, — заткни этой дамочке рот, тащи ее в сарай и запри.

Пес браконьера довольно завилял хвостом.

— Сделаем в лучшем виде, — отозвался Дик.

* * *

«Сделаем в лучшем виде, — отозвался Дик!» — Саймон с силой захлопнул «Величайшее шоу за пределами Земли». — Эти маньяки собираются принести Лизу в жертву. Господи Иисусе! Ой, прошу прощения. Но какие же они ублюдки!

— Одно к одному, — мистер Хилсэвиз, теперь уже вымытый, перебинтованный и втиснутый в лучший костюм Писаки, с силой бросил трубку. — Ни до кого не могу дозвониться. Почтовое ведомство отключило половину деревенских линий, чтобы переключить их на полицейский штаб в «Веселых садовниках».

— Мы должны что-то предпринять, — сказал Саймон. — Прямо сейчас.

— Без деревенских с горящими факелами нам там делать нечего.

— Плевать на деревенских, — Саймон схватил книгу. — Я пролистаю вперед и посмотрю, что будет дальше.

— Не думаю, что тебе стоит это делать, Саймон.

— А я вот думаю — стоит.

— Мне кажется, тебе не положено знать, что произойдет.

— Мне плевать. Я все равно посмотрю.

— Не делай этого, Саймон.

— И кто меня остановит?

Мистер Хилсэвиз вздохнул. А затем впечатал кулак размером с призовую репу прямо в подбородок Саймону.

Искатель знаний о будущем обмяк и без чувств рухнул на диван, накрытый жуткой шерстяной шалью всех цветов радуги.

Колдун возвел очи горе. — Прошу прощения, Господи, — произнес он, — но если бы он прочел о том, что ему предстоит сделать, еще неизвестно, на что бы он решился. Надеюсь, Ты понимаешь, о чем я, а я уверен, что понимаешь. Поэтому лучше дать ему поспать и на этом закончить главу, чтобы мы могли сразу перейти к нагнетанию обстановки перед большим и захватывающим финалом. Если Ты не против.

Господь ничего не ответил, поскольку редко снисходит до подобного. Но раз глава в этот самый момент резко оборвалась, можно с уверенностью предположить, что Он согласился.

Глава 23

— Овцы Шивы! — воскликнул Рэймонд. — Вы только гляньте, что там внизу?

Циркачи стояли на палубе «Саламандры», которая теперь вращалась на орбите над северным полушарием Эдема.

Довольно шустрое путешествие от Сатурна, не находите?

И кто же, интересно, вел корабль?

Вопросы правильные. Но мы движемся дальше.

Планета выглядела точь-в-точь как Земля, только крупнее. И с огромной, безобразной дырой там, где должен был находиться северный полюс.

— Очень красиво, — восхитился Рэймонд. — Такие яркие краски.

— Это Эдем, — профессор Мерлин водрузил на переносицу своего шнобеля, похожего на акулий плавник, темное пенсне. —

Колыбель человечества. Земной рай и все в таком духе. Или, по крайней мере, когда-то им был. Видишь эту гарь?

Рэймонд увидел темное марево, которое тянулось из огромной безобразной дыры на месте северного полюса. — Какая жалость.

— А луны видишь?

Рэймонд вгляделся в черное небо. — Вижу две.

— Блестящая наблюдательность, дружище Галилей. Две маленькие луны, недавно выведенные на орбиту, вскоре будут притянуты вниз, чтобы заткнуть дыры на полюсах.

Рэймонд пожал плечами. Он ожидал чего-то невероятного, когда речь шла о способах заделки полярных отверстий. Возможно, не настолько невероятного, как это, но чего-то в этом роде.

— Ну что ж, — без особого энтузиазма произнес профессор Мерлин. — Полагаю, мне стоит повисеть на трубке и звякнуть в Эдем.

— И что вы собираетесь им сказать?

— Ну... — профессор Мерлин приосанился, поправляя щегольские лацканы. — Вообще-то, мне в голову пришла довольно блестящая идея.

— Да неужели? — с сомнением переспросил Рэймонд.

— О да, еще какая. Как ты уже знаешь, сегодня еще и день рождения короля Эдди. Поэтому я сообщу им, что мы — цирк с Сатурна, присланный в качестве особого подарка на день рождения его любящим братом, великим герцогом.

— Вы не думаете, что король может воспользоваться старым добрым межпланетным телефоном и позвонить брату, чтобы проверить наши полномочия?

— С чего бы ему вдруг это делать?

Рэймонд снова пожал плечами. — Так, просто мысли вслух.

— Тогда выбрось их из своей ветреной головы, — профессор широко улыбнулся. — Видишь ли, Рэймонд, не только тебя могут посещать по-настоящему дельные мысли.

* * *

— Кто меня ударил? — Саймон очнулся от резкого всплеска холодной воды. — Это сделали вы. Зачем?

— Я споткнулся, — сказал мистер Хилсэвиз. — Прошу прощения.

Саймон схватился за саднящий подбородок и потрогал зубы. — Кажется, вы мне коронку расшатали.

— Забудь хоть раз о своих чертовых зубах. Нам пора идти.

— Вот и отлично, а я ведь говорил, что нельзя терять ни минуты. — Саймон нетвердо поднялся на ноги и потянулся. За окнами гостиной царила тьма. — Уже ночь? Сколько же я был в отключке?

— Я решил, что отдых пойдет тебе на пользу.

— Но Лиза...

— С ней все будет в порядке. Но мы должны уходить прямо сейчас.

— Значит, деревенские с факелами уже здесь?

— А-а, эти, — мистер Хилсэвиз болезненно ухмыльнулся.

— Что значит «а-а, эти»?

— Ситуация несколько осложнилась, — пояснил мистер Х. — Видишь ли, пока ты, э-э, почивал, в Брэмфилде ввели комендантский час. Все дороги из деревни перекрыты, местность прочесывает спецподразделение полиции. П.У.К.

— Избавьте меня от подробностей.

— П.У.К. — Подразделение Ударного Контроля. Судя по всему, довольно отчаянные ребята.

— Типично, — отозвался Саймон. — Стоит паре вооруженных террористов разнести полицейский участок, чтобы выпустить на волю серийного убийцу, как власти тут же выдают поспешную реакцию.

— Вполне. Поэтому людей с факелами мне удалось набрать куда меньше, чем хотелось бы.

— Но хоть пара сотен набралась?

— Ну...

— Сотня?

— Ну...

— Пятьдесят?

Мистер Хилсэвиз почесал бритую голову. — Ты читал тот отрывок в «Величайшем шоу за пределами Земли», где Рэймонд спрашивает профессора, сколько солдат тот уже завербовал для своего дела?

— Конечно, — ответил Саймон, который читал только те части, где фигурировал он сам. — И сколько, напомните, он ответил?

Мистер Хилсэвиз вручил Саймону палку с привязанной к концу промасленной ветошью. — Он сказал: «Только ты. Ты и есть всё наше войско».

* * *

— Он сказал, что мы можем спускаться, — профессор Мерлин вернулся на палубу. Рэймонд стоял в полном одиночестве. Он был занят у борта тем, чем заниматься не следовало.

— Кто сказал? — Рэймонд поспешно застегнул ширинку.

— Мой добрый друг король Эдди.

— Ваш добрый друг?

— Очаровательный малый. Мы долго беседовали. Он большой поклонник цирка. Забавно, но он словно ждал нашего появления. Очаровательный человек.

— Тот самый очаровательный человек, который собирается заткнуть полюса планеты лунами и погубить всё живое на Земле?

— Тра-ля-ля, тру-лю-лю.

— И тру-лю-лю тоже. Сможете выдать хоть что-то похожее на представление, профессор? Почти всё осталось на Сатурне.

— Шоу должно продолжаться. Кстати, где мои артисты?

— Ушли переодеваться, кажется. Выглядят они совершенно измотанными. Пожалуй, это огромная ошибка.

— Они настоящие мастера своего дела. Если это наше последнее выступление, мы выложимся по полной.

— Справедливо. Только одно, профессор. Можно вас попросить об одолжении?

— И просить не надо. Если это в моих силах, считай, что просьба исполнена.

— Большое спасибо, — бросил Рэймонд, направляясь по палубе к рулевой рубке. — Я просто хотел сам привести корабль в Эдем.

* * *

— Я намерен разобраться с этим самостоятельно, — инспектор Д'Рянь вытянулся перед элегантно одетой женщиной, стоявшей перед ним в оперативном штабе над пабом «Веселые садовники».

На ней был приталенный синий шерстяной костюм, белая блузка, черные чулки и туфли на каблуках как раз такой высоты,

чтобы заставлять мужчин оборачиваться. К тому же она обладала сверхъестественным сходством с некой Хелен Миррен.

— Главный инспектор Дженни Лестрейд. Можете называть меня «мэм».

— А можно «шеф», мэм? — вставил констебль Дерек.

— Разумеется, констебль. Итак, инспектор, что мы имеем?

Инспектор Д'Рянь прикусил губу и перегруппировал несколько дезертировавших прядей волос, которые дотянулись аж до самого подбородка. С натянутой улыбкой он указал на большую карту местности, прикрепленную пластилином к стене у окна: — Мы выставили блокпосты здесь, здесь, здесь, здесь, здесь и здесь.

— А здесь? — Главный инспектор Лестрейд ткнула пальцем в карту.

— И там, — отозвался Д'Рянь. — И там, и там, и там, и там.

— И там?

— И там.

— А насчет этого участка?

— И там тоже.

— И там?

Инспектор Д'Рянь внимательно вгляделся в карту: — Это «Веселые садовники», мы сейчас здесь находимся.

— Просто проверяю. Что ж, похоже, вы перекрыли вообще всё.

— Именно так, — с гордостью подтвердил инспектор.

— В таком случае будем надеяться, что он не решит просто уйти полями на все четыре стороны.

— Он этого не сделает.

— Оу. — Главный инспектор достала из сумочки пачку сигарет, с тоской посмотрела на нее и убрала обратно.

— Бросаете? — спросил Д'Рянь, не без злорадства.

— Только сегодня. — Она снова впилась взглядом в карту. — У вас есть какие-то конкретные основания полагать, что убийца все еще в этом районе?

— Вообще-то, у меня их полмиллиона.

Констебль Дерек нервно кашлянул.

— Поясните, — потребовала Лестрейд.

— Я знаю этого психа, мэм. Знаю ход его мыслей. Он где-то рядом, и я его возьму.

Главный инспектор еще раз ткнула пальцем в карту: — А это что за огромный кусок территории, вокруг которого вообще нет ни одного блокпоста?

— А, это. — Инспектор Д'Рянь улыбнулся. — Это всего лишь птицеферма. Принадлежит одному видному члену местной торговой палаты. Городскому советнику. Его зовут Роберт Попкин.

— Вы сказали, Попкин?

— Именно так, но ничего особенно смешного тут нет.

— Любопытно.

— Нет, правда. Совсем не смешно.

— А мне смешно, — подал голос констебль Дерек.

— Заткнитесь, констебль.

— Нет, — произнесла главный инспектор. — Мне вот любопытно, не тот ли это самый Попкин.

Констебль Дерек хихикнул и толкнул инспектора Д'Рянь локтем. — Один Попкин ничем не лучше другого. Если только вы не переели «индийской кухни», а, шеф?

— Констебль, заткнитесь.

— Слушаюсь, сэр шеф.

— Тот же самый, что и какой Попкин, мэм?

— Был такой доктор, Робард Попкин, инженер-генетик, работал в министерстве сельского хозяйства. Блестящий ученый. Но он слетел с катушек, пытался вывести новую породу кур, используя человеческие гормоны. Ходили слухи, что он, ну, в общем, сожительствовал с птицами.

Инспектор Д'Рянь застонал.

— В парламенте поднимали этот вопрос, проект закрыли. Попкин исчез из виду.

— Смылся в унитаз? — Констебль Дерек согнулся пополам от хохота.

— Я вас предупреждаю, констебль.

— Виноват, сэр.

— Я слышала, он открыл какой-то заповедник или что-то в этом роде, — главный инспектор не обратила внимания на бьющегося в конвульсиях констебля. — Кажется, назывался «ЗВЕРЬЕ». Нет, З.В.Е.Р.И., вот как.

Инспектор Д'Рянь снова застонал.

— И всё же я не понимаю, какая связь между ним и человеком, которого мы ищем, или террористами, которые его освободили.

— О господи, — произнес Д'Рянь. — А я, кажется, понимаю. Это тот самый Попкин, мэм, и именно он — мозг всей операции. Констебль!

Констебль Дерек одной рукой держался за живот, а другой утирал слезы веселья. — Да, сэр, — выдавил он.

— Возьмите себя в руки, идиот. Живо к телефону, вызывайте спецподразделение полиции, которое сейчас прочесывает район.

— Спецподразделение, сэр?

— Подразделение Ударного Контроля. П.У.К.

— Что? — Глаза констебля полезли на лоб.

— П.У.К., идиот. П.У.К. Если Попкин задумал то, что я думаю, то остановить его сможет только П.У.К.

— Только П.У.К. может остановить Попкина? — констебль рухнул на пол, где и остался лежать, корчась от хохота и дрыгая ногами в воздухе.

Инспектор Д'Рянь позвонил сам.

* * *

— Видите, я же говорил, что справлюсь сам, — Рэймонд стоял у штурвала.

— Мы еще не сели, так что поосторожнее. — Профессор Мерлин закрыл лицо руками.

— Пара пустяков, — отозвался Рэймонд. — Я уже приноровился. А что на самом деле заставляет этот корабль летать, профессор?

— Двигатель, Рэймонд.

— Да, но как он работает?

— Понятия не имею.

— Но ведь работает. Ладно, неважно. Держитесь крепче, заходим на посадку.

Величественный викторианский корабль снижался к Эдему. Внизу проплывали океаны, обретали очертания континенты, тянулись горные хребты и петляли реки. Леса и равнины, деревушки и снова моря.

— Здесь бери левее, Рэймонд.

Рэймонд взял левее.

— Самую малость, — уточнил профессор.

— Это и была самая малость.

— Это было скорее «чуток», чем «самую малость».

— А, — сказал Рэймонд. — Понял, в чем была ошибка.

Впереди на побережье вырос великий город.

— Эутопия, — сказал профессор Мерлин.

— Эутопия? Они назвали свою столицу Эутопия?

— Это люди высоких помыслов.

— Они — сборище ублюдков, и я их ненавижу.

Если Фогерти был египетским Мемфисом, то Эутопия — нет. В ней чувствовался привкус Нью-Йорка. Но такого Нью-Йорка, который спроектировал бы архитектор Вавилонской башни.

Масштабы внушали трепет. Ярус за ярусом из желтого камня взмывали к облакам.

— Зиккураты, — пояснил профессор. — Им тысячи лет. Внутри, разумеется, все современные удобства. Вон там, — старец указал на мать всех зиккуратов, — королевский дворец.

— Может, приземлиться у него на заднем дворе?

— Нет, Рэймонд. Думаю, нам стоит соблюсти протокол. Приземляемся в гавани.

— Ладушки. — Рэймонд налег на штурвал. — Еще на пол-капельки вниз, и поехали.

Гавань есть гавань, и добавить тут нечего (хотя гаванские сигары весьма хороши), так что гавань и доки Эутопии выглядели почти так же, как в Фогерти.

На якоре стояло несколько великолепных судов; они напоминали галеры Древнего Рима, хотя и казались совсем новыми. Искусно раскрашенные, с двумя рядами весел по каждому борту.

— Корабли работорговцев? — спросил Рэймонд.

— Не каждый «Джордж» идет в котел.

— Что? — Рэймонд сжал кулаки.

— Обе руки на штурвал, пожалуйста, рулевой.

— Ублюдки! — буркнул Рэймонд.

— Совершенно верно. Чуть правее и на два «чуть-чуть» вниз.

На пристани толпился народ. Нарядно одетые, ликующие люди. И люди настоящие. Ну, по крайней мере, той же коренной расы. Пока Рэймонд плавно опускал огромный корабль, профессор махал толпе, которая махала ему в ответ.

— Встречающая делегация, — промурлыкал он. — Видишь, Рэймонд, куда бы ни прибыл цирк профессора Мерлина, народ снимает шляпы и приветствует нас радостно машет руками. Тра-ля-тра-ля-тра-ля-тра-ле.

Рэймонд приподнял бровь. Старик, похоже, окончательно поборол свою «усталость». Поразительно, как ликующая толпа умеет подлечить уязвленное эго.

— Ублюдки-каннибалы, — прошептал Рэймонд себе под нос, резко дернул штурвал на полтора «чуть-чуть» назад и потянул на себя ручной тормоз. «Саламандра» всей тушей шлепнулась в

гавань, подняв изрядную волну, которая с размаху ударила о причал и окатила ноги встречающих.

— Прошу прощения, — сказал Рэймонд, хотя вины ничуть не чувствовал.

— Тра-ля-ля, тру-ля-ля, — отозвался профессор Мерлин.

Рэймонд нашел кнопку сброса якоря и нажал ее. На причале заиграл оркестр.

— Не пора ли нам сверить часы? — спросил профессор Мерлин.

* * *

В других местах тоже сверяли часы. Например, те, что красовались на жилистых запястьях бойцов спецподразделения П.У.К. — «грязной полудюжины». Это были настоящие мачо. Некоторых даже вышвырнули из спецназа за избыток мужественности. Они носили черные бронежилеты, черные штаны и огромные тяжелые ботинки. Лица у них были вымазаны сапожным кремом — настолько суровые, закаленные и мужественные это были парни, что даже глазные яблоки они для верности закрасили гуталином. Вооружены они были крупнокалиберными штурмовыми винтовками с инфракрасными прицелами ночного видения, а за поясами у них торчали «Дезерт Иглы».

Встретить таких темной ночью — не дай бог. Да и в любое другое время, если честно.

* * *

Трое в сером тоже сверяли часы.

Они все еще сидели в «Брэмфилд Армс». И хотя серый человек номер один (который чуть раньше по ошибке назвал себя серым человеком номер два) неоднократно звонил своему боссу

на Эдем и все более настойчиво умолял автоответчик, ответа не последовало. Теперь трое серых собирались уходить.

— Куда мы? — спросил серый человек номер два.

— К Попкину, — ответил серый человек номер один.

— О, вообще-то я сходил перед выходом.

— На куриную ферму Попкина. Поверь мне, я знаю, что делаю.

* * *

А на куриной ферме Попкина Долговязый Боб, у которого не было наручных часов, сверил время по кухонным.

— Может, облачимся в наши мантии? — предложил он.

— В мантии? — переспросил Дэйв Вояка, у которого на коленях теперь сидела Красотка. — Я и не знал, что у нас будут мантии.

— Я сам их состряпал. — Долговязый Боб открыл кухонный шкаф, выудил их оттуда и раздал всем.

Красотка брезгливо понюхала свою обновку: — Да это же просто старые мешки из-под корма, сшитые вместе и выкрашенные в черный цвет.

Долговязый Боб указал на нагрудные эмблемы в виде пернатых пентаграмм.

— Я нанес их светящейся краской. А еще у каждого из вас есть шлем с крылышками.

«Римские свечи» переглянулись.

— Шик, — сказали они.

— А где Дик? — спросил Долговязый Боб. — Я и для него одну сделал, и еще маленькую — для его собаки.

— Думаю, он всё еще в сарае с инструментами, — сказал один из «Свечей» по имени Кевин.

— Ну так иди и притащи его. Он должен был подготовить трибуны, чтобы куры могли сидеть на них во время службы. Сегодня ночью будет совершено кровавое жертвоприношение, и начнется новый мировой порядок. Слава Курице-Феру.

— Слава Курице-Феру, — отозвались они хором.

Чокнутые, все до единого.

* * *

Толпа на причале всё еще ликовала. Ноги у них порядком промокли, но они продолжали радоваться. Правда, большого парада им не видать. Из хрипящей акустической системы донесся «Марш гладиаторов», и артисты гурьбой двинулись по пассажирскому трапу вниз с палубы.

Рэймонд с тоской смотрел на них. Они казались такими хрупкими, словно могли рассыпаться от малейшего прикосновения. Пожалуй, всё это было дурной затеей. Но иначе нельзя. Артисты вышагивали с важным видом. Они были настоящими артистами и маршировали как подобает.

Из своего укрытия в рулевой рубке Рэймонд видел, как оркестр внизу изо всех сил старается попасть в такт «Маршу гладиаторов», и как ликующая толпа обступает циркачей, стоило им ступить на причал.

А потом он увидел солдат.

Дюжина человек в красно-белой форме.

Они возникли из ниоткуда и внезапно оказались повсюду. У них было оружие устрашающего вида, которое они направили на профессора Мерлина и его труппу.

Ликование стихло, музыка оборвалась. Корабельная акустика, словно по команде, дала сбой: игла запрыгала на пластинке, и три такта мелодии повторялись снова, и снова, и снова.

А потом всё смолкло.

— О господи. — Рэймонд съежился на полу рулевой рубки. Снова один. На этот раз хотя бы в одежде, пусть и чужой, но снова совсем один. — О господи, что же мне делать?

Он подполз к двери по левому борту и выглянул в разбитое оконце. Толпа, еще минуту назад ликовавшая, таяла на глазах. Солдаты гнали циркачей прочь. Другие заняли позиции у подножия трапа.

— Что же делать?

Рэймонд подполз к двери рулевой рубки по правому борту, тихо приоткрыл её и выскользнул на палубу. Прыгнуть за борт и доплыть до берега? Рэймонд сомневался. Плавал он из рук вон плохо. Смерть от утопления была его личным кошмаром. Прокрасться на корму и попытаться спрыгнуть на причал? Корабль слишком большой. Слишком высоко прыгать.

Рэймонд притаился за шезлонгом и снова взглянул на трагическую сцену. Он услышал окрик солдата: «Живее!» — и увидел, как приклад винтовки врезался профессору в спину, между торчащими лопатками.

Рэймонд отвернулся и закусил костяшку пальца.

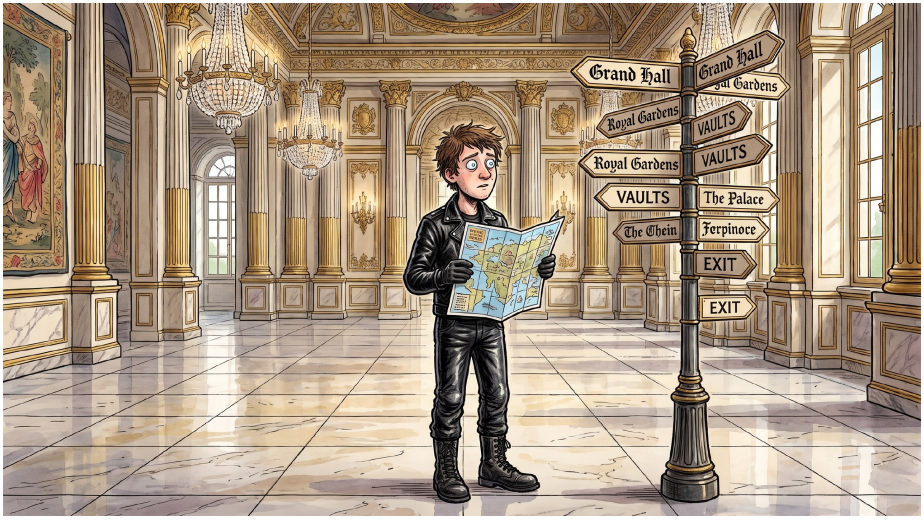
Нужно что-то делать. Прямо сейчас.

Выхода не было. Рэймонд снял со стены старый спасательный круг и пополз обратно к правому борту.

До воды было далеко. Вода, скорее всего, очень холодная и очень, очень глубокая. Плавать он почти не умел. И был напуган так сильно, как только вообще возможно.

Рэймонд надел спасательный круг на пояс, глубоко вдохнул, вознес моряцкую молитву о спасении и прыгнул в море.

Глава 24

Многие по-настоящему жуткие вещи, кажется, происходят в замедленной съемке. Автокатастрофы, например, или когда в тебя стреляют, если верить рассказам. Или, как в случае с Рэймондом, прыжок навстречу почти верной смерти с борта океанского лайнера.

Во время долгого полета вниз перед ним промелькнула большая часть его короткой жизни. Она казалась чередой мелких ошибок, которые неумолимо вели к этой последней, очень большой ошибке. За мгновение до того, как удариться о воду, Рэймонд подумал, что, пожалуй, прыгать вовсе не стоило. Может, лучше было выпустить на волю две сотни воинов Миллуолла? Но теперь жалеть об этом было поздно.

С тихим, невзрачным всплеском, который никто не услышал, море приняло тело Рэймонда и скрыло его под водой. Спасательный круг на нем был настолько ветхим и потрепанным, что давным-давно растерял всю свою плавучесть.

Волны лениво накатывали на корпус «Саламандры». В небе кружили чайки. Похоже, погода обещала быть хорошей.

* * *

В Брэмфилде стояла кромешная тьма, воздух был пропитан запахом надвигающейся грозы. Саймон осветил фонариком Писаки заброшенные рельсы. Палку с промасленной ветошью на конце он берег для момента, который, как он надеялся, вот-вот наступит.

— Нам нужны ваши деревенские, — прошептал он мистеру Хилсэвизу. — У шайки Долговязого Боба есть пушки.

— Я видел, как ты сунул пистолет Писаки себе в карман.

— В нем нет патронов. — Саймон поежился. — Вы должны были позволить мне заглянуть в книгу. Тогда бы я знал, что делать.

— Я читал эту книгу, — прошептал мистер Х. — И когда делаешь то, что в ней описано, книга тебе без надобности. Если ты понимаешь, о чем я.

Саймон в темноте скорчил отчаянную гримасу. — У вас нет ощущения, что за нами следят?

Колдун, среди чьих способностей было и ночное зрение, — о чем Саймон даже не подозревал, — ответил: — Нет, тебе кажется.

Однако он не сводил внимательного совиного взгляда с фигур, которые отчетливо видел: они крались от куста к кусту по гребню над заброшенными путями. — Просто продолжай идти, — прошептал он.

* * *

«Просто продолжай идти». Профессор Мерлин и его изрядно потрепанная цирковая труппа добрались до дворца короля Эдди.

Зиккурат. Из желтого камня. Огромный, но нет времени описывать его подробно.

У парадного входа стоял один из тех подъемных шлагбаумов и небольшая будка охраны. Из нее вышел здоровенный охранник с планшетом в руках.

— Стой! Кто идет? — окликнул он.

— Те же солдаты, которые вышли отсюда полчаса назад, остолоп! — рявкнул офицер.

— А, ну так я-то не видел. Я только на смену заступил.

— Мы ведем заключенных к королю. А теперь закрой ворота и смотри, чтобы никто не проскочил.

— Будет сделано. — Охранник выхватил пистолет. — Назад! Проход запрещен!

— Никто, кроме нас!

— Виноват, я лишь выполняю приказ. А теперь — назад.

— Прошу прощения, — профессор Мерлин поднял руку, — но у нас тут не принято разыгрывать юмористические сценки с будкой охраны и планшетом. Это, вообще-то, по части Рэймонда.

Охранник заглянул в планшет: — Ага, точно. У меня тут есть кое-какая экспозиция. Вы, должно быть, те самые циркачи, которых король собирается подвергнуть мучительной смерти за развязывание войны между Сатурном и Эдемом. Король как раз пару часов назад увидел объявление об этом по спутниковому ТВ.

— Фу-ты, ну-ты, — пробормотал профессор.

— Проходите, друзья, — сказал охранник. — И хорошего дня.

* * *

А на пристани день по-прежнему стоял погожий. Рэймонд, у которого оставалась еще уйма дел — включая, разумеется,

выяснение отношений с охранником в той самой будке, — очнулся от забытья, в которое впал, когда тонул, и обнаружил, что больше не тонет: его выбросило на берег неподалеку.

Пляж оказался на удивление приятным. В духе Майами. И битком набитым людьми. Что ж, сегодня был день рождения короля, и в стране объявили выходной.

Отдыхающие уставились на выброшенный на берег мусор в сюртуке. Тот поднялся на ноги и принялся выжимать воду из промокших панталон.

— Чего уставились? — свирепо спросил он.

Любители солнца вернулись к своим занятиям.

Рэймонд, шаркая, побрел по пляжу, поднялся по каменным ступеням на набережную и остановился, чтобы перевести дух. Ему нужно было добраться до дворца, куда, как он справедливо предположил, доставили циркачей. Но идти пешком не было сил. По набережной фланировали разодетые эдемиты. Проходя мимо, они воротили носы от Рэймонда, но тот не обращал на них внимания. Ему требовался транспорт, и его внимание привлекла кучка молодежи, столпившаяся у края тротуара.

Рэймонд подошел ближе и вытянул шею, пытаясь заглянуть им через плечо. Изнеженного вида юноша, чем-то похожий на самого Рэймонда и с ног до головы облаченный в черную кожу, сидел на мотоцикле и лениво газовал.

Это был «Харлей-Дэвидсон».

Рэймонд протиснулся сквозь толпу и взобрался на заднее сиденье.

— О боже, — сказал изнеженный юноша, оборачиваясь. — Ты весь мокрый! Гадкий тип, слезай немедленно с моего мотоцикла.

Рэймонд сунул правую руку в карман промокшего сюртука и ткнул пальцем юноше в поясницу.

— Слушай сюда, — произнес он голливудским тоном, — у тебя отличный байк, — а затем добавил: — Это пистолет. А теперь поехали.

* * *

Во дворце короля Эдди наблюдалось некое движение. Но исходило оно вовсе не от самого короля. Эдди был редкостной дрянью. Куда более гнусной, чем каждый из двух его братьев-близнецов. Он был огромным, жирным, старым, но при этом на удивление прытким, и развалился на громадном троне в громадном зале, который прямо-таки напрашивался на описание, но так его и не дождался. Эдди ткнул толстым, усыпанным перстнями пальцем в сторону приунывшей, но отнюдь не сломленной компании, стоявших перед ним, и проговорил: — Так вы и есть тот самый цирк с Сатурна, приехали меня развлечь? Хе-хе-ха-ха-хо-хо-хи-хи.

Это был один из тех маниакальных смешков, которые, всегда бывают у, скажем... маньяков. От такого и описаться недолго.

— Прибыли, чтобы меня потешить. Хе-хе-хо-хо-ха-ха.

Профессор отвесил низкий поклон.

— Если ваша жажда зрелищ столь велика, сир, то никто не устроит их лучше нас. Позвольте представить вам «Величайшее шоу за пределами, э-э, Сатурна».

— О, да, да, — отозвался король. — Это займет пару минут, пока мой раболепный прихвостень (в отличие от простого слуги или лакея) притащит орудия пыток, с помощью которых вы устроите превосходное представление для меня и моего двора.

— Вашего двора? — Профессор обвел взглядом громадный зал, который по-прежнему напрашивался на описание. — И где же он, этот двор?

— Вообще-то, у них сегодня выходной. Хотя, кажется, у меня наверху осталась одна прелестница, висящая в подвесной корзинке. Впрочем, не беда: мои солдаты будут восторженно вопить по моему приказу, а я буду хлопать в ладоши и смеяться. Вот так. — Он захлопал в ладоши. — И ха-ха-ха-ха-хо.

— Если будет угодно Вашему Величеству, — сказал доктор Бактерия, делая шаг вперед, — позволено ли мне будет поцеловать королевскую руку?

— Нет, конечно, не позволено.

— Ну же, всего один поцелуйчик. Без языка.

— В жизни не встречал более отвратительного типа, чем ты. Думаю, для тебя у меня припасено нечто по-настоящему ужасное. Пожалуй, автомобильный аккумулятор и пусковые провода. Хи-хи-хи. Где мой раболепный прихвостень?

— Я здесь, сир. — В дверях показался прихвостень в королевской ливрее, вкатывая передвижную стойку, заваленную кнутами, цепями, кандалами, кольцами с шариком-зажимом, тоннелями для пирсинга и эрекционными кольцами с бандажом.

— Тирли-тирли, — одобрительно хмыкнул профессор Мерлин. — Напоминает мне выходные, которые я однажды провел в Лурде.

* * *

— Лягушки! — взвизгнул раболепный слуга Великого герцога. (Лягушки — Французы — Лурд... довольно натянутая, если не сказать неполиткорректная связь, но что поделать). — Дворец кишит лягушками!

— Ты про французов? — взревел Великий герцог, который, недавно спровадив наспех собранные, но весьма внушительные военно-воздушные силы, удалился в свои покои с собственной прелестницей — совсем как его братья, которые уж точно знали

толк в праздновании дней рождения. — Что еще за лягушки? Ты что, окончательно спятил?

— Они повсюду, сир. У-у-у! — Слуга выудил из кармана жилета лягушку и швырнул ее на пол. — Это всё слон Моисей. Он наслал на вас «нашествие жаб».

— Какая забота. Что ж, собирай их и тащи на кухню. Лягушачьи лапки к чаю — мое любимое.

— Но, сир, лягушки — это только первая казнь. Он говорит, если вы не отпустите его народ, будет хуже. Вши, мухи, нарывы, язвы и огненный град.

— Что за огненный град?

— Мне кажется, это та шестиствольная пушка из «Хищника». Которая выкашивает джунгли под ноль.

— Ну, животных я не отпущу. Я их съем. Пригласи этого своего слона во дворец. Его я тоже съем.

— Горе дому фараона! — прихвостень понуро поплелся прочь из спальни.

— Так, на чем я остановился? — спросил Великий герцог.

— На ублажении своей болтающейся прелести, — ответила лягушка.

* * *

Султан Урана оставил свою прелесть болтаться без дела. Он обосновался на борту четырехмачтового флагмана уранского флота, который в данный момент стремительно прорезал заполненное воздухом пространство, держа курс на Эдем. Уран, видите ли, по большей части состоит из воды, что и объясняет наличие флота, флагмана и парохода «Саламандра». А заодно и летающих морских звезд.

Всё встает на свои места, если сложить кусочки пазла.

— Долго еще до Эдема, раболепный прихвостень?

— Недолго, — прихвостень сверился с несинхронизированными наручными часами. — Скоро будем. Но у банды Великого Герцога есть фора.

— А у нас корабли побольше.

— Потому что у них вовсе нет кораблей. У них авиация.

— Как думаешь, это дает им преимущество?

— Понятия не имею, сир. Полагаю, если они разнесут нас в клочья, ответ будет «да».

— Постарайся, чтобы этого не случилось. И где большой Абдулла?

* * *

Где, в очередной раз, был большой Абдулла? Где, почему и чем занят?

* * *

А Рэймонд? Что насчет него?

Рэймонд ехал на «Харлей-Дэвидсоне». На сей раз не пассажиром, а за рулем. И был он в черной коже.

Изнеженный юнец, законный владелец и байка, и кожаного прикида, сидел в придорожной канаве, кутаясь в промокший сюртук.

Он безутешно рыдал.

Рэймонд неплохо управлялся с тяжелым мотоциклом. Выше первой передачи он переключиться не мог, но «Харлей» способен развить приличную скорость и на первой, при этом издавая по-настоящему утробный рев двух выхлопных труб. Хотя движку от этого несладко. Молодые эдемитки махали Рэймонду, но

Рэймонд, зная их гастрономические пристрастия, в ответ не махал.

Проехав совсем немного, он добрался до дворца.

И столкнулся с охранником в маленькой будке.

— Стоять, кто идет? — спросил страж, поднимая свой планшет. — И кто бы ты ни был, вход воспрещен.

Рэймонд поддал газу, въехал прямо в охранника, сбив его с ног, и протаранил поднимающийся шлагбаум.

Грубо? Маловероятно? Несмешно?

Рэймонда это не волновало. Он просто с ревом помчался по аллее к самому дворцу.

* * *

Внутри король демонстрировал своё хозяйство (хм!).

— А эта штука по-настоящему дьявольская, — произнес он с коротким «ха-ха-хе». — Сначала она чудовищно растягивает конечности, а потом вот эти маленькие дисковые пилы отсекают их напрочь. Кровища повсюду. Прелесть, правда? Есть желающие?

— Можно я попробую? — вызвался Дисекто.

* * *

Парадная дверь дворца была открыта. Рэймонд припарковал мотоцикл и нырнул внутрь.

Он оказался в огромном вестибюле. Мозаичный пол, мраморные статуи, расписной потолок, панели на стенах, дорические колонны и обязательный атрибут любого уважающего себя дворца в наши дни: сувенирная лавка.

Рэймонд подошел к прилавку. — Эй, продавец! — позвал он. Но на прилавке висела табличка «Закрыто». Рэймонд не

растерялся, протянул руку и прихватил официальный путеводитель с картой. Развернув его, он принялся изучать содержимое.

— Так-так, посмотрим… — Рэймонд водил пальцем по схеме. — Большой зал, королевские покои, кухни, солярий, гостиная, секретная комната для голографических трансляций. Ага, вот оно — подземелья. Прямо по коридору, первый лестничный пролет, а дальше по указателям. Ясно.

Рэймонд зашагал прочь. Пара отличных мотоциклетных ботинок, одолженных у изнеженного эдемита, победно цокала по мрамору.

Первый лестничный пролет, следовать указателям.

Рэймонд торопливо спустился вниз. Именно здесь, как он ошибочно предположил, держали профессора Мерлина и его циркачей. Закованных в цепи и, разумеется, безумно обрадованных его появлению.

На стене висела табличка «В подземелья», и Рэймонд послушно свернул по стрелке. Вокруг по-прежнему ни души — очень кстати.

Вдоль стены тянулся ряд дверей в камеры. Рэймонд отодвинул противную стальную заслонку на первой из них и заглянул внутрь.

В не слишком отдаленном углу крошечной каморки жалась к стене фигура. Оборванная и жалкая. С длинными волосами, бородой и безумным взглядом. Фигура разговаривала с тараканом.

— Привет, — сказал Рэймонд. — Ты кто?

— Я граф Монте-Кристо, — отозвался узник.

— А, — хмыкнул Рэймонд. — Тюремные приколы, да? Полагаю, в соседней камере сидит Патрик Макгуэн.

— Нет, он в шестой, — хихикнул граф.

— Прощай, — сказал Рэймонд.

— Прощай, — отозвался граф.

Рэймонд прошел мимо узника крепости Зенда, человека в железной маске, принцев из Тауэра и нескольких женщин из блока Н. Он помахал рукой паре британских журналистов, ожидавших, пока их агенты оформят контракты, чтобы они могли вернуться домой и засесть за свои бестселлеры. Номер 101 Рэймонд решил пропустить. [4]

Наконец он добрался до массивной двери в конце коридора.

«Должно быть, это она». Рэймонд отодвинул противную тяжелую стальную заслонку и заглянул внутрь.

Большая группа людей сидела в чем-то, напоминавшем комнату отдыха. Там стояли мишень для дартса, бильярдный стол и несколько аркадных автоматов, но все сидели в креслах и смотрели телевизор.

Шел фильм «Птицелов из Алькатраса».

Рэймонд вздохнул.

— Эй, — позвал он. — Привет!

Лица повернулись к нему. Но это были не лица профессора Мерлина и его цирковой труппы. Однако эти лица Рэймонд узнал. Ну, по крайней мере, некоторых. Вот президент Соединенных Штатов — его-то он узнал. И премьер-министр Великобритании. И тот самый председатель из Китая, хотя Рэймонд и не мог припомнить его имени. И российский премьер, и еще целая куча народа.

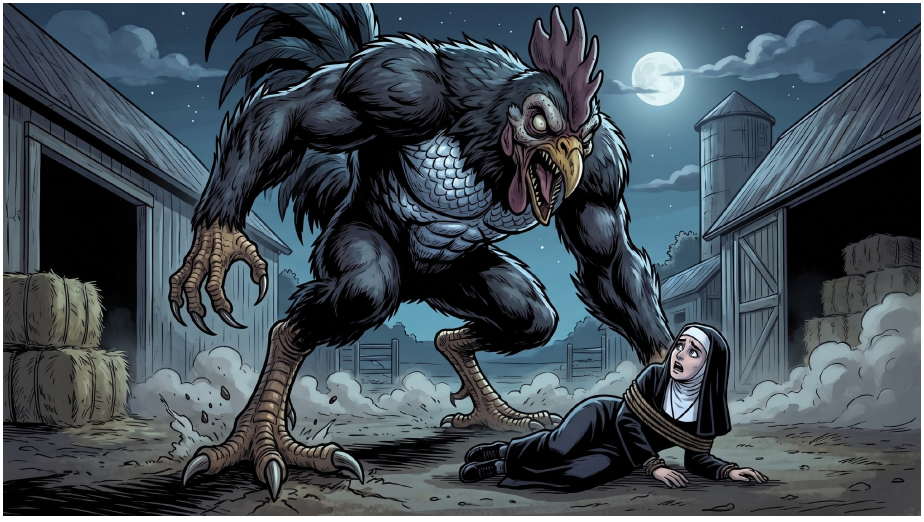
Все до боли знакомые физиономии.

— Привет, — сказал президент. — Если ты турист, то не обессудь, мы просить об освобождении не будем. Король дал нам выходной, и мы смотрим телек.

Что именно ответил на это Рэймонд, точных записей, опять же, не сохранилось. Но в его словах фигурировало то, что Долговязый Боб обычно вытворял с курами. Правда, на сей раз в контексте старого коричневого пса Рэймонда.

[4] Та комната из романа 1984, где с тобой вытворяют невыразимые вещи.

Глава 25

А что насчет самого любителя кур? В самом деле, как там, Долговязый Боб?

Дик-браконьер выставил трибуны, обступившие фермерский двор с трех сторон, прямо напротив двери в большой курятник. Двор был залит светом гирлянд из тех самых жутких уличных фонариков, что развешивают по праздникам невыносимые соседи, устраивая шумные барбекю. На это барбекю они вас, конечно, не зовут, зато приглашают кучу эффектных девиц, которые к концу вечера раздеваются и начинают резвиться в бассейне — на строительство которого сосед, кстати, так и не получил разрешения. Вы чуть не вываливаетесь из окна спальни, пытаясь разглядеть происходящее в бинокль, а потом кто-то вызывает полицию, сосед решает, что это сделали вы, и на следующий день приходит набить вам морду. Вот именно такими фонариками и был освещен двор. А гриль Долговязого Боба пылал вовсю.

И что это был за странный звук?

— Что это за странный звук? — спросил серый человек номер один. Он вместе со своими серыми товарищами притаился в густых кустах на вершине холма. — Это что, пение, или мне кажется?

Серый человек номер два поправил навороченный бинокль ночного видения, произведенный компанией «АКМЕ Оптические инструменты» из Эдема.

— Дверь большого курятника открывается. Мать честная, ну и ну, гляньте-ка на это.

Серый человек номер один приставил бинокль к своим прищуренным серым глазам и бросил прищуренный серый взгляд. И тоже выдал: — Мать честная, ну и ну.

Из курятника, тянулась извилистая процессия. Впереди шел Долговязый Боб во всем своем величии: облачение из мешков для семян, на груди — светящаяся пентаграмма из перьев и крылатый шлем. В руках он раскачивал кадило.

Он нараспев произносил что-то, подозрительно напоминающее «Ом Мани Падме Кур». Или, возможно, это была «Птичья песенка». А следом за ним шагали куры. Рядами по четыре. Чеканя шаг. И подпевая.

Такие нежные, тонкие голоса. Прямо хор херувимов. Как бы не так.

Долговязый Боб остановился у гриля в центре двора, а куры прошествовали мимо него, распевая во всё горло. Они проследовали к трибунам и, как по нотам, расселись по местам. Никакой толкотни, всё очень цивилизованно. Очень организованно.

— С капелькой того, с щепоткой сего и с чуточкой... — Долговязый Боб покрутил задом и принялся изображать пальцами клювы.

Полный бред. И вот...

Из фермерского дома вышли Красотка, Дэйв Вояка и три «Римские свечи» (речь всё ещё об инциденте с парашютами, а не о пиротехнике). Они подпевали и раскачивали кадила.

А где же ужасный Годольфин?

А, вот и он, собственной персоной.

Дверь сарая для инструментов распахнулась, и появился Дик, волоча за собой монахиню на высоких каблуках с кляпом во рту.

— Монашки в бандаже, — прошептал серый человек номер один. — Я бы на это посмотрел.

Следом за Диком, понуро опустив голову, плелся пёс в рясе.

Монашка с кляпом брыкалась и отбивалась, но Дик тащил её дальше, осыпая проклятиями и отвешивая трусливые тумаки.

— Что именно они вытворяют? — спросил инспектор Д'Рянь, зарывшийся в высокую траву, которую Саймон пропустил во время своей косьбы «Алленом». — Ни черта не разберу.

— Вы смотрите в бинокль не с того конца, — отозвалась главный инспектор Лестрейд под аккомпанемент хихиканья констебля Дерека.

— А, ну да, теперь вижу отчетливо. Но когда мы перейдем к действиям? Я не слышал ни писка от П.У.К. насчет того, когда они собираются выкуривать этого Попкина.

Констебль Дерек беспомощно забился в траве, засунув кулак в рот.

* * *

— О возлюбленные мои, — воскликнул Долговязый Боб, — мы собрались здесь сегодня вечером, святые братья и сестра, дабы приветствовать рассвет нового начала. Чтобы почитать, и поклоняться, и приносить жертвы Тому, кто спасет нас, когда свет обратится во тьму, а тьма покроет лик Земли. Ныне же, как

предсказано, когда луны сойдут с орбит и настанут Последние Времена, давайте же славить Великого, давайте поклоняться ему и вообще всячески подлизываться, если нам дорога наша шкура. Да будет так. Слава Курице-Феру.

— Слава Курице-Феру, — эхом отозвались те, кто раскачивал кадила, и бедолага, которому доставались яростные пинки.

— Слава Курице-Феру, — подхватил пёс того самого бедолаги. — Слышь, Дик, приятель, я умею говорить.

— Мы будем петь, — продолжил Долговязый Боб. — Гимн номер три из Сборника гимнов Последних Времен: «У старого Макдональда была ферма», пропуская куплеты про уток, коров, свиней, лошадей и пластиковые мешки для удобрений. Тональность ля-мажор. — Долговязый Боб дунул в камертон.

— Он же спятил, — прошептал Саймон, лежавший под «Лендровером» Долговязого Боба.

— И то верно, — согласился мистер Х. — А ведь куплет про мешки с удобрениями — самый лучший. С большой кучей здесь и большой кучей там.

— У меня есть план, — прошептал Саймон. — Если мне удастся добраться до... — Он запнулся.

— Сарая для инструментов, — подсказал мистер Х.

— Благодарю, — сказал Саймон. — Значит, сарай для инструментов.

* * *

— Вы при оружии? — поинтересовался президент США. — У вас есть ствол? Пушка есть?

— Нет, господин президент, прошу прощения. — Рэймонд вел глав государств по коридору. — Удачно, что ключ оказался в

замке, — добавил он, прежде чем кто-либо успел спросить. — Нам нужно найти профессора Мерлина.

— У него есть оружие?

— Нет, зато у него есть огромный корабль, на котором мы сможем сбежать.

— Я хочу сбежать на большом корабле, — заявил британский премьер.

— Так тому и быть, — ответил Рэймонд. — Давайте попробуем сюда, мне кажется, я что-то слышу.

* * *

— Ой, ай, о горе мне, Господи помилуй. — Дисекто издал совершенно неубедительный стон боли. — О, проявите же милосердие, пожалуйста.

— Заткнись! — рявкнул король, уже без маниакального смеха. — Тебе отрубили голову. Ты не должен продолжать вот это: «Ой, больно, ой, горе мне». Умирай в муках, как подобает мужчине, ради всего святого.

— Ох, батюшки, — отозвался Дисекто, — я помер.

— Нет, не помер.

— Да помер же.

— Нет, не помер.

— Да, помер, — хором отозвались циркачи.

— А ну заткнуться всем! Прихвостень, разожги дьявольски горячий стул для пыток. Посмотрим, кто тут хочет поджариться.

— Можно мне попробовать, пожалуйста? — вызвалась Феникс.

— Хи-хи-хи, хо-хо-хо, ха-ха-хохо, — зашелся король. — И хихик-хи-хи в придачу. Значит, дьявольски горячий стул, решено.

* * *

— Да, звук определенно доносится отсюда, — Рэймонд толкнул дверь.

— Могли бы сначала постучать, — заметила висящая прелесть.

— Прошу прощения. — Покрасневший Рэймонд захлопнул дверь.

— Я хочу заглянуть внутрь, — заявил британский премьер.

— Лучше не надо, — сказал Рэймонд. — Давайте попробуем сюда.

* * *

— Поджаривайся! Ха-ха, хихи-хи-хе.

— О-о-о! — заголосила Феникс в притворной агонии. — Ой, кричу. Ой, хныкаю.

— Недостаточно горячо. — Толстый король ткнул пальцем в стул. — О-о-ой! — взвизгнул он. — Ой, кричу. Ой, хныкаю.

— Можно я поцелую, чтобы прошло? — спросил доктор Бактерия.

* * *

— Определенно сюда, — сказал Рэймонд, распахивая следующую дверь. И точно. На него смотрела дюжина внушительных стволов.

— Руки вверх, — скомандовал офицер.

— Вот, — сказал Рэймонд. — Я же говорил, что они здесь.

* * *

— Мы здесь! — воскликнул Долговязый Боб. — Приди к нам, о Великолепнейший! Приди к нам, Ваше Величество!

Дверь большого курятника со скрипом отворилась. Изнутри хлынул яркий белый свет.

Сквозь ослепительное сияние, размывавшее очертания, выступило нечто чудовищное. Оно было выше мистера Хилсэвиза и гораздо мощнее сложено. С вечера оно явно подросло, и по мере того, как оно тяжелой поступью двигалось по освещенному фонарями двору, становилась очевидна вся чересчур-ужасность этого существа.

— Чтоб мне провалиться, — сказал первый серый человек. — Это что, Бигфут?

У существа и впрямь были огромные лапы. Здоровенные куриные ступни с когтями, как у велоцираптора (велоцирапторы! Спилберг, должно быть, их выдумал). Они вспарывали землю, поднимая облачка пыли.

Ноги были жилистыми, а темное оперение скрывало все то неприглядное, что болталось между ними. Мощную грудь покрывала чешуйчатая сеть серебристо-голубых перьев, а плечи были широкими и мускулистыми. На массивной голове с тошнотворными глазами и ужасающим клювом возвышался высокий темный хохолок.

— Слава Курице-Феру, — Долговязый Боб и его последователи пали на колени. Почуяв шанс, Лиза бросилась наутек.

— СТОЯТЬ. — Голос, донесшийся из жуткого клюва, эхом разнесся по двору фермы. Инспектор Д'Рянь едва сдержал непроизвольное мочеиспускание, а с лица констебля Дерека мигом слетела улыбка.

— Стоять.

Ноги у Лизы подкосились, и она рухнула на землю.

— Принесите мне мою жертву, — повелел Курице-Фер.

* * *

— Принесите мне того остолопа в черном кожаном костюме, — распорядился король Эдди, и солдаты поспешили исполнить приказ. Один из них сбил Рэймонда с ног прямо к стопам толстяка.

— А у тебя неплохой костюмчик, — прокукарекал король. — Я подарил точно такой же своему сыну Уилфреду на день рождения. У него, конечно, на воротнике был королевский логотип.

Король присмотрелся. — У тебя на воротнике тоже королевский логотип.

— А ваш сын ездит на «Харлей-Дэвидсоне»? — спросил Рэймонд.

— Я хочу «Харлей-Дэвидсон», — подал голос британский премьер.

— Молчать! Где мой сын Уилфред?

Рэймонд поднялся на ноги и переключился в режим «Саймона».

— Я взял вашего сына в заложники, — объявил он. — Пока что с ним ничего не случится, но если я не вернусь в самое ближайшее время вместе с профессором, его цирком и всеми этими главами государств, то кто знает, что может сотворить с ним мой безумный брат — тот самый, что заикается и помешан на лезвиях да глазных яблоках.

— О боже, — завыл король. — О горе, о пощадите.

— Так что мы пойдем, — улыбнулся Рэймонд. — Если вы, конечно, прикажете своим солдатам сложить оружие.

— О горе, — запричитал король. — Не знаю, что и делать.

— Я бы на вашем месте настоятельно рекомендовал прибегнуть к сценарию с разоружением, — заметил профессор Мерлин. — Разумеется, говорю я это как беспристрастный наблюдатель.

— Да-да. Бросить оружие!

Солдаты побросали винтовки.

— Пошли, — скомандовал Рэймонд.

— Папочка! — в боковую дверь ворвался изнеженный юноша в насквозь промокшем сюртуке. — Какой-то гадкий мальчишка украл мой костюм и мой байк!

— Оружие к бою! — взревел король. — И открыть огонь без разбора! Только не в мою сторону.

* * *

— Надо стрелять, — подал голос инспектор Д'Рянь. — Где П...

— Нет, умоляю, — констебль Дерек поднял ладонь. — Только не произносите это снова.

* * *

— Может, пристрелить эту тварь? — спросил серый человек номер три. У людей в сером была довольно навороченная экипировка — прямиком с оружейного завода «АКМЕ», Эдем.

— Мне платят не за то, чтобы я палил по таким монстрам, — отозвался серый человек номер два. — Лично я сматываюсь.

— Эй, — позвал серый номер один, не отрываясь от специального бинокля. — А что это за типы в черном крадутся по заднему двору фермы?

* * *

— Ко мне её! — взревел Курице-Фер, и это был воистину грозный рев. — Дайте мне её сожрать! Приведите её ко мне сейчас же!

* * *

— Огонь! — рявкнул король, и солдаты взвели курки.

— Простите, — шепнул Рэймонд профессору. — Кажется, я всё запорол.

— Огонь!

Солдаты нажали на спусковые крючки, но тут с неба с оглушительным свистом что-то рухнуло, врезалось во дворец и с грохотом взорвалось.

— Проклятые сатурниане! — Король, отлетевший в сторону от удара, вскочил на ноги. — Их тут не должно было быть! Мои ВВС всё ещё в отпуске, они ещё не вернулись!

Дворец сотряс ещё один взрыв.

— Пора показать класс, — сказал профессор Мерлин. — Ты готов, Рэймонд?

— К чему?

Профессор выбросил вперед телескопический палец. Тот пролетел через весь зал, ткнул ближайшего солдата в глаз, выбил оружие из его рук и швырнул прямо в руки Рэймонду.

— На твоем месте я бы пленил короля, — посоветовал профессор Мерлин.

— Руки вверх, — скомандовал Рэймонд, упирая ствол в большую жирную голову короля. — И велите своим солдатам снова бросить оружие.

— Делайте, как он говорит. Делайте, как он говорит!

Солдаты вновь побросали оружие и стали возмущаться.

В этот момент совсем рядом прогремел очередной взрыв, и они бросились врассыпную.

— Пошли, — сказал Рэймонд. — Работы еще невпроворот.

* * *

Люди в черном заняли позиции.

Дик Годольфин подтолкнул Лизу в спину. — К своему хозяину, — приказал он.

А в сарае для инструментов Саймон посветил вокруг фонариком и спросил:

— Что я вообще здесь делаю?

* * *

— Сюда, — сказал Рэймонд, подталкивая короля.

— Почему именно сюда? — спросил профессор.

Рэймонд указал на табличку на двери: «Секретная комната голографического вещания».

— Ага! — воскликнул профессор. — Ну не удачно ли вышло?

— Еще бы, — отозвался Рэймонд. — А теперь живо, давайте с этим покончим.

* * *

Если бы кто-то искал пустынный пляж, чтобы понежиться на солнышке, то им стал бы именно тот, к которому прибило Рэймонда.

Любители пляжного отдыха давно разбежались.

Над головой кружили сатурнианские корабли — мрачные аэроформы, напоминающие крылатые солнечные диски (дань египетской эстетике), — и изливали огонь на Эутопию.

Снаряды разрывались в море, на песке и вдоль набережной. В общем, не самое лучшее место для солнечных ванн.

Желтый камень трескался. Зиккураты сотрясались.

А следом за кружащими кораблями с небес спустился флот Урана: впечатляющие суда с высокими мачтами и рядами пушечных портов.

Султан стоял у штурвала флагманского военного корабля.

— Мистер прислужник, открыть бомболюки.

— Бомболюки открыты, сир.

— Сбросить груз согласно накладной.

— Груз сброшен, сир.

И сверху посыпались новые бомбы.

* * *

— Выключайте всё, — сказал Рэймонд королю. Они находились в той самой комнате трансляции. — Отключайте все голограммы на Земле.

— Я хочу выключить сам, — вмешался британский премьер-министр.

— Король справится, — отрезал Рэймонд. — Ведь правда, Ваше Величество?

— Вы не понимаете, что творите! — Король Эдди заломил толстые пальцы. — Вы же устроите там полный хаос!

— Ненадолго. Я намерен в самое ближайшее время вернуть всех глав государств домой.

— А мы позаботимся о том, чтобы о вашем существовании стало известно всем и каждому, — отозвался президент.

— О боже, о боже. Что же мне делать?

— Да отойдите вы! — Рэймонд отпихнул толстяка в сторону, взвел курок и разнес секретный блок голографической трансляции на миллион осколков.

— Вот так, — сказал он. — Готово.

— Гм, — кашлянул профессор Мерлин. — Очень основательно. Но не кажется ли тебе, что это может поставить под удар твой план по замене короля Эдди голограммой? Учитывая, что ты уничтожил необходимое оборудование.

— Черт! — выругался Рэймонд.

Грянул взрыв, обрушивший изрядную часть потолка.

— Назад на корабль! — закричал Рэймонд. — Все назад на корабль! — Он навел дуло на короля.

— Пожалуйста, не стреляй.

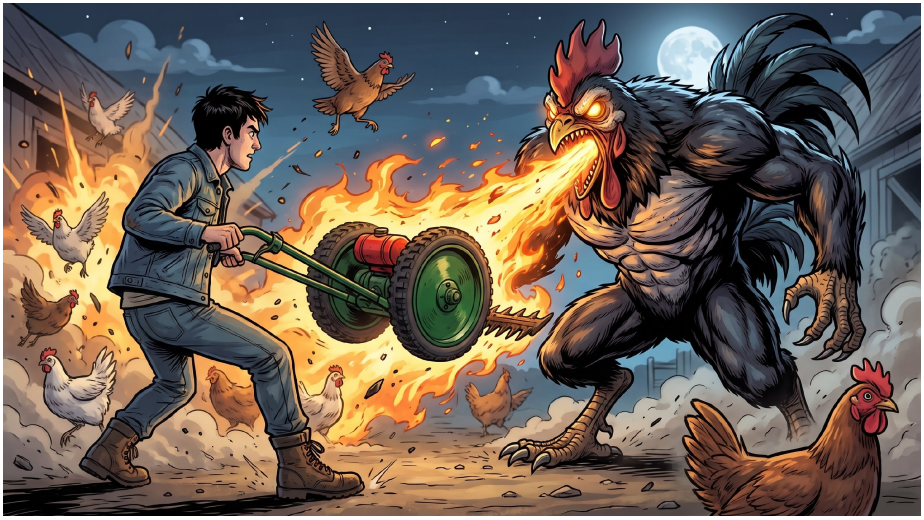
Рэймонд снова взвел курок и приставил дуло к огромному, жирному и теперь уже совершенно мокрому от пота лбу. — Назовите мне хоть одну вескую причину, почему я не должен этого делать.

— Потому что... — захныкал король. — Потому что...

— Потому что он гораздо полезнее в качестве заложника, — вставил профессор Мерлин. — И потому что ты — «хороший парень», а хорошие парни не стреляют людям в голову.

Рэймонд с облегчением опустил оружие. — Это две веские причины, — сказал он. — А мне нужна была всего одна.

Глава 26

— Подойди ко мне, — прогремел голос Курице-Фера. Поскольку скотный двор был невелик, Лиза оказалась прямо перед ним, дрожа в своем облачении и едва держась на цыпочках. Курице-Фер сорвал с нее кляп.

— Встань передо мной на колени, девица. Молись мне.

— Молись? — переспросил инспектор Д'Рянь. — Разве это не эвфемизм для...

— Именно так, — Дженни Лестрейд выхватила рацию. — Огонь! — скомандовала она.

И бойцы П.У.К. открыли огонь.

Беспорядочно. В конце концов, они были суровыми мужиками, а живая цель есть живая цель — неважно, та ли это цель, в которую следовало стрелять.

Куры вспорхнули неистовым облаком перьев, пока пули полосовали двор, впиваясь в землю и свистя над головами. Некоторые даже долетели до кустов, служивших укрытием.

— На нас напали! — заорал серый человек номер один, снимая с предохранителя нечто вроде компактной гаубицы. — Открыть ответный огонь!

— Да я, блин, только кур вижу! — крикнул серый человек номер два.

— Тогда стреляй по курам!

— А вот это мне по душе, — отозвался тот, и все серые люди открыли огонь.

— Вражеский огонь на склоне! — проорал мужчина с замазанными сажей глазами. — Накрыть их минометным залпом, большим радиусом!

Бойцы З.В.Е.Р.И. пробивались сквозь куриное месиво к фермерскому дому, где у них хранились запасы оружия.

— Знаю, я должен помочь, — пробормотал мистер Хилсэвиз, лежа под «Ленд-Ровером», — но в книге сказано, что я должен сидеть здесь и ждать... ах, ну да.

По заброшенным железнодорожным путям приближались они. Деревенские жители. И в руках у них были горящие факелы.

— Молитесь мне, — прокукарекал Курице-фер, не обращая ни малейшего внимания на пальбу, крики и кур. — Настают последние времена, и я явлюсь.

Если не таково зло, то что тогда?

* * *

— Бегом! — взревел Рэймонд. Они были уже за пределами дворца, где воцарился полный хаос. В небе военные самолеты Сатурна вели грандиозную битву с флотом Урана. Сверху

сыпалось всё подряд: бомбы, обломки самолетов, мачты, люди, снова бомбы.

— Я не могу бежать, — сказал профессор. — Оставьте меня здесь.

Геракл, силач, которому до сих пор не досталось особой роли, подхватил старика на руки.

— Мы поскачем. — Леди Алостраэль произнесла слова силы. Поднялся ветер, а вместе с ним начали обретать плоть неведомые формы. Лошади. Огромные белые кони, правда, слегка размытые по краям. — Садитесь. Все. Они долго не продержатся. Живее!

— Я хочу на мотоцикле, — заявил британский премьер-министр.

— Тебе сейчас по ушам прилетит, — отрезал Рэймонд. — Живо на лошадь!

* * *

Ничто так не убеждает солдат срочной службы вернуться в строй, как полномасштабная атака на город — это куда эффективнее, чем сидеть без дела, попивать чаек и пялиться в телевизор.

Солдаты в красно-белой форме хлынули из казарм.

Странная кавалькада полупрозрачных лошадей — на одной из них поперек седла был перекинут король, а во главе её парень в кожаном костюме принца, восседавший на мотоцикле, — пронеслась мимо солдат на предельно близком расстоянии.

Солдаты проводили их взглядами, оценили обстановку, пришли к единодушному решению и бросились в погоню.

* * *

Саймон отступил от двери сарая. Он всё видел и понимал, что должен что-то сделать. Но понятия не имел, что именно. В

отчаянии он обвел сарай лучом фонарика. Помещение было забито краденым сельхозинвентарем — Долговязый Боб, должно быть, тащил всё подряд годами. Но если только у него здесь не был припрятан танк «Шерман», ни одна из этих вещей не могла помочь. Свет фонаря метнулся по углам и выхватил нечто, наполовину прикрытое мешками с удобрениями.

Это была могучая косилка «Аллен» мистера Хилсэвиза.

— Бум-шанка, — пробормотал Саймон.

* * *

— Мы вообще-то должны стрелять в Саймона, а не в этих психов в черном, — рявкнул серый человек номер один и выпустил очередную очередь.

— А я в основном только по курам палил, — отозвался серый человек номер два.

— А я только что пристрелил собаку браконьера, — добавил серый человек номер три.

Какая жалость.

* * *

«Заводись, заводись», уговаривал Саймон, возясь с косилкой «Аллен».

* * *

— О господи! — завопил Рэймонд. — Посмотрите на причал!

* * *

— Солдаты! — воскликнул профессор Мерлин. — Сколько же их тут!

— Нам не прорваться.

— Что ж, мы обязаны попытаться. В атаку!

* * *

Деревенские жители с факелами уже добрались до ворот фермы. Но из-за всей этой пальбы, из-за того, что бригада Долговязого Боба открыла огонь из фермерского дома, и из-за того монстра, который вот-вот доберется до той монашки… и всего остального… И всего, что происходило вокруг…

У них пропало всякое желание двигаться дальше.

— Вперед! — скомандовал мистер Хилсэвиз. — В атаку!

* * *

— В пасть смерти! — Профессор Мерлин обнажил меч и пришпорил своего тающего скакуна.

Солдаты выстроились перед пароходом «Саламандра». В два ряда. Красное и белое. Прямо как при Роркс-Дрифте, только без Майкла Кейна. Они подняли винтовки, и командовавший ими офицер приготовился отдать приказ «огонь».

Рэймонд поддал газу на «Харлее». Лучшего способа уйти из жизни он придумать не мог.

— П-п-п… плохой до мозга костей, — проорал он и бросил сцепление.

— В атаку! — рявкнул профессор Мерлин, бросаясь вперед.

— Первому ряду ого…

Ракета со свистом пронеслась над головами атакующих всадников, над головой Рэймонда и совсем рядом с головами красно-белых стрелков.

А затем она врезалась в борт «Саламандры».

И грянул чертовски мощный взрыв.

Рэймонд, вильнув, затормозил.

— О нет, — сказал он.

Профессор натянул поводья своего исчезающего скакуна.

— Мой корабль.

Среди дыма и суматохи солдаты поднимались на ноги и подбирали оружие.

— Огонь! — взревел офицер. И солдаты вскинули ружья.

И тут...

И тут...

И тут через огромную зияющую дыру в борту корабля хлынули болельщики «Миллуолла». Две сотни рыцарей с самодельным оружием и скверным характером.

И рыцари уставились на солдат.

И солдаты уставились на рыцарей.

И узрели они: солдаты все как один в красном и белом.

В цветах «Манчестер Юнайтед».

* * *

Бойцы З.В.Е.Р.И. открыли огонь по людям из П.У.К. Люди из П.У.К. открыли огонь по бойцам из З.В.Е.Р.И. Серые люди стреляли и по тем, и по другим. А когда бойцы П.У.К. и З.В.Е.Р.И. не стреляли друг в друга, они палили по серым людям.

Досадно, что никто из них не догадался выстрелить в Курице-Фера, ведь тот как раз собирался сотворить с Лизой нечто невообразимое.

— Приготовиться, — скомандовал мистер Х. факелоносцам. — Это произойдет с минуты на минуту.

И это произошло.

В тот самый момент, когда ужасные когти Курице-Фера сомкнулись вокруг головы Лизы, раздался оглушительный треск дерева и рев мотора.

Могучая косилка «Аллен» вырвалась из сарая, а сзади в неё вцепился Саймон. Огромные цельнолитые колеса, обутые в шины от гоночных болидов пятидесятых годов, вспарывали землю, разбрасывая в стороны тех немногих кур, что ещё не успели разлететься, а массивная насадка для стрижки газонов в передней части лязгала острыми, как бритва, зубьями. Туда-сюда. Очень быстро.

Они прошили трибуны, словно те были сделаны из картона, осыпая всё вокруг щепками и опилками вперемешку с перьями и куриными ошмётками.

И Саймон держался за неё.

— Что это?! — Монстр отшвырнул в сторону свою несостоявшуюся коленопреклоненную жертву, и воздел когти. Лиза вскочила на ноги и бросилась бежать. Некий химический импульс в голове Саймона прошептал: «Убей его, приятель».

— Сейчас ты у меня получишь! — завопил Саймон, когда косилка «Аллен» набрала ход.

— Факелоносцы, вперёд! — крикнул мистер Х. у ворот. Деревенские жители перешли на бег.

— Назад! — глаза Курице-Фера вспыхнули адским пламенем, а из открытого клюва повалил сернистый дым. Уцелевшие куры взмыли в воздух с криками «нет-нет-нет» и полетели Саймону прямо в лицо.

Ученик садовника и воин Господень пригнул голову, и косилка вгрызлась в Курице-Фера.

Курице-Фер не дрогнул.

— Идолопоклонник! — взревел он.

Саймон выжал газ до отказа и отпустил рукоятки.

«Аллен» врезалась в ноги Курице-Феру. Огромные лезвия резали. Кромсали. Жутко. Монстр визжал и лягался. Из обрубка ноги хлестала кровь. Тяжёлая машина терзала его. Подмяла его, вгрызаясь в плоть. Кровь. Мясо. Мерзость.

И поделом ему.

А тут подоспели деревенские.

— Вернись в бездну, откуда пришел! — Мистер Хилсэвиз размахивал своим горящим факелом. — Гори в огне Аида, там тебе самое место!

И жители деревни швырнули факелы.

Существо вспыхнуло синим пламенем. Оно всё ещё визжало и дрыгалось. Языки огня лизнули косилку. Добрались до бензобака.

— Бегите! — посоветовал мистер Х. — Спасайтесь, я читал, что будет дальше.

И деревенские бросились наутёк.

А бойцы П.У.К. и мужчины, и женщины из З.В.Е.Р.И., и серые люди на холме — все те, кто до этого воздерживался от стрельбы, чтобы не усложнять картину, — пригнули головы, когда неизбежное свершилось.

Грохнуло так, что мало не показалось.

* * *

— Всем назад на корабль! — заорал Рэймонд, пока вдоль причала гремели новые взрывы. — Живо, на борт!

Болельщики «Миллуолла» вбивали в солдат всю свою футбольную ярость. И кто их осудит? У них накопилось немало претензий к миру.

— Живее! — кричал им Рэймонд. — Тут война идет! Возвращайтесь на корабль, пора домой.

— Это что, Арни? — спросил скинхед по прозвищу Винни, с размаху пиная поверженного солдата.

— Арни! Ар-ни! Ар-ни-Ар-ни! А-а-арни! А-а-арни!

— Давайте, пошли!

* * *

Тем временем высоко в небе Султан Урана попал в переплет.

— Мы горим, — пролепетал его раболепный прислужник. — Кажется, это доказывает, что самолеты всё-таки получше кораблей.

— Ты меня достал, — отрезал султан, схватил прислужника за штаны и вышвырнул за борт.

— А-а-а-а-а-а-а-а! — закричал прислужник. Оно и понятно.

— И скатертью дорога, черт возьми! — Султан крутанул штурвал, отчаянно пытаясь лечь на обратный курс. Крылатый диск Сатурна выпустил залп ракет.

Бабах!

И поминай как звали.

Султана Урана больше не существовало.

* * *

— Пошли. Я не шучу.

Воины «Миллуолла», завидев внушительный отряд красно-белых, который уже высыпал на причал вместе с бронетехникой, полугусеничными тягачами и прочим добром, совершили стратегическое отступление на палубу «Саламандры»,

где принялись осыпать наступающие войска грубыми ругательствами и демонстрировать им голые задницы.

— Корабль-то еще сможет летать? — спросил Рэймонд в рулевой рубке.

— Разумеется, мой дорогой мальчик. Не встать ли мне к штурвалу?

— Вы шутите, профессор.

— Я хочу быть рулевым, — заявил британский премьер.

Рэймонд обернулся и совершил то, о чем всегда мечтало целое поколение британской молодежи: одним точным ударом в челюсть уложил премьер-министра на пол.

— А теперь вперед.

— А как же самолеты и космические корабли?

В небо взмыли ракеты наземного базирования. Уцелевшие самолеты и корабли поспешно ретировались, чтобы попытать счастья в другой раз.

— Курс на Северный полюс, — скомандовал профессор Мерлин. — И поднажми, ради всего святого.

Стрельба вокруг фермы Долговязого Боба стихла. Люди с вымазанными сажей лицами обыскивали ряды сникших бойцов З.В.Е.Р.И., стоявших теперь с поднятыми руками у стены фермерского дома. Похоже, боевой дух их окончательно испарился.

— Вы все арестованы, — объявил инспектор Д'Рянь. — Обвинений столько, что статей не напасешься. А ты куда собрался, Саймон?

Саймон, который обняв Лизу, тихонько пытался улизнуть, отозвался: — И в самом деле, куда?

— Думаю, он собирается отвезти свою девушку домой, — предположила главный инспектор Лестрейд.

— Он под арестом, — отрезал Д'Рянь. — Он серийный убийца, если что.

— Женщина, которую я якобы убил, стоит вон там с поднятыми руками, — заметил Саймон. — И я полагаю, что Рэймонд с минуты на минуту вернется домой. А еще ты украл мой выигрыш, жулик.

Инспектор Д'Рянь рассмеялся: — Украл я, как же.

— Вы украли, сэр, — вмешался констебль Дерек. — Не могу я больше покрывать кражу его денег. Это он сделал, мэм, шеф. Он присвоил выигрыш Саймона. Около полумиллиона фунтов. Они спрятаны у него в сарае.

Главный инспектор Лестрейд улыбнулась той самой легкой улыбкой, что так удается Хелен Миррен.

— Меня направили сюда не только возглавить эту оперативную группу, но и расследовать жалобы на коррупцию в полиции, поданные на вас, инспектор. Думаю, теперь можно смело сказать: вы попались, не так ли?

* * *

— Думаю, можно сказать, что мы справились, — Рэймонд восседал во главе стола в главном салоне. Корабль шел на автопилоте — или на чем там еще. Вокруг толпились циркачи, поднимая бокалы. И главы государств внутренней Земли, тоже поднимая бокалы. Все, кроме одного, который лежал без сознания на полу в рубке.

И короля, который сидел связанный в трюме под присмотром двух сотен охранников.

— Ты одержал победу, — произнес профессор Мерлин. — Теперь вся внутренняя Земля узнает правду о тех, кто обитает

наверху. С королем в качестве заложника, с уничтоженными голограммами и главами государств, вернувшимися к власти, зная то, что они знают теперь, думаю, эдемитов удастся убедить изменить свое поведение. А ядерных ракет на Земле больше, чем в Эдеме. Угроза парочки таких «подарков», запущенных через полярные отверстия, может оказаться весьма убедительной, если они станут артачиться.

— Никаких больше войн, — сказал Рэймонд. — Давайте жить дружно. В мире и согласии. — Он поднял бокал. — За мир, и побольше мира!

— Вас ждет смерть, и побольше смерти, — раздался голос откуда-то сверху.

Рэймонд не придал особого значения сильному рыбному запаху, который уловил до этого в салоне. Наверное, буйабес начал портиться.

Все присутствующие подняли глаза.

К огромному куполу потолка прилепился Абдулла, летающая морская звезда с Урана.

— Как удачно, что вы все собрались в одном месте, — заметил Абдулла. — Теперь я смогу прихлопнуть вас одним махом.

Его отвратительная центральная часть раздулась, исторгая нечто невидимое, но плотное. Прозрачный купол накрыл всех, кто был внизу.

— А теперь, — изрек мерзавец, — я выкачаю воздух, и вы все подохнете, так-то.

— Нет, нет, нет! — раздалось дружное «нет» на многих языках. И послышался яростный стук по куполу. А еще крики.

— Попрощайтесь с Абдуллой. — Летающая морская звезда глубоко вдохнула.

Воздух покинул прозрачный купол.

— Прощайте.

Рэймонд судорожно схватился за горло. Главы государств сползали на пол, кашляя и задыхаясь. Профессор схватился за грудь. Циркачи, серые от ужаса, пошатываясь, валились с ног.

— Нет, — Рэймонд попытался вдохнуть, но воздуха больше не было.

Все было кончено.

И это было так ужасно несправедливо.

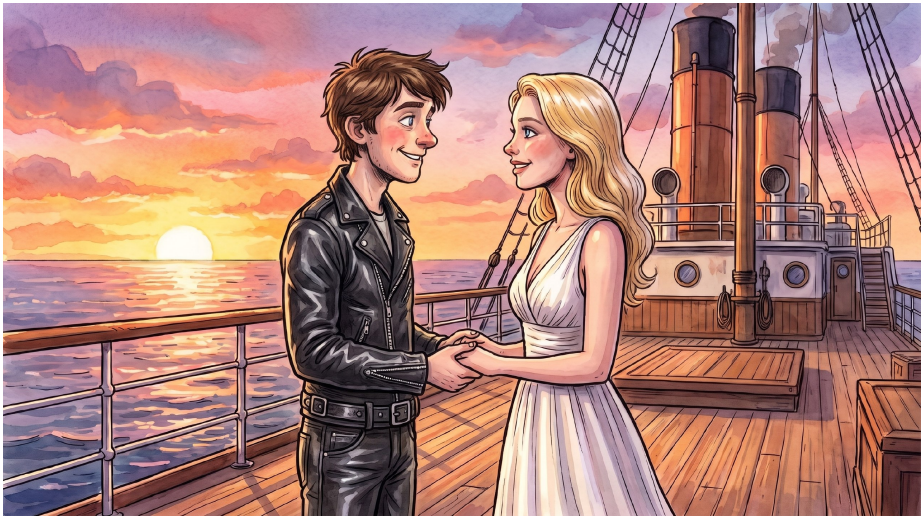
— Скажите «прощай», — расхохотался Абдулла.

— Прощай, Абдулла. — Голос прозвучал так нежно. Рэймонд едва расслышал его, но, подняв глаза, увидел, как на том, что Абдулла считал своим лицом, отразился неподдельный ужас.

Огромный нос рыбы-пилы вырвался из него ровно посередине, распоров тушу и забрызгав купол ихором. В ту же секунду купол растворился, внутрь ворвался воздух, Абдулла съежился, обмяк и грудой свалился на празднично накрытый стол.

— Зефир? — Рэймонд слабо улыбнулся и потерял сознание.

Глава 27

Всегда остаются какие-то незавершенные линии, которые не удалось припрятать. Одна, две. Или три. А может, и четыре. Это традиция, древний устав или что-то вроде того.

И иногда читатели остаются в недоумении: «А как же тот эпизод?» или «Что с ним в итоге стало?» или «Тут вообще ничего не объяснили».

Трудно поверить, но так оно и бывает.

Они могут спросить, например, что сталось с людьми в сером? Что ж...

* * *

— У меня кончились патроны, — сказал серый человек номер один.

— У меня тоже, — отозвался номер два.

— А у меня остался один, — сказал третий. — И голова Саймона как раз на мушке моего супер-пупер-оптического прицела.

— Ну так пристрели этого гада, и погнали домой.

Палец серого человека номер три лег на спусковой крючок.

Но тут чья-то тяжелая, твердая рука легла ему на плечо.

— На твоем месте я бы этого не делал, говночист.

Голос был низким и хриплым. По-настоящему зловещим. Где-то мы его уже слышали. Ах да.

— Брось пушку, — сказал Блэк Джек Вуллер.

— Слышь, ты...

— Не надо. — Блэк Джек поднял свободную руку, и его огромный питбультерьер угрожающе зарычал. — Я слышал, вы собирались в эту сторону. А я пришел передать вам сообщение.

— Вот как? — Серый номер три уставился на здоровяка с огромной собакой.

— Это от вашего шефа. Его секретарша звонила, сказала, что у него выходной по случаю дня рождения какого-то короля. И велела передать, что ваши услуги больше не требуются. Вы уволены.

Блэк Джек Вуллер вытащил из-под полы пальто обрез.

— Фас, — скомандовал он псу.

* * *

А как же Великий герцог? — возможно, спросят некоторые. Уж он-то точно получил по заслугам.

Что ж...

— Дингли-дангли, — проворковал Великий герцог своей пассии. — Ладно, битву мы, может, и проиграли, но осталось еще

несколько часов дня рождения. Так что давай задержимся, прекрасная дева, а потом я угощу тебя роскошным ужином. Пудели, лягушачьи лапки — бог весть что еще. И что это за адский шум?

Дверь опочивальни с грохотом распахнулась, и раболепствующий прислужник влетел внутрь, рухнув бесформенной кучей. Вслед за ним ворвалась целая орава зверья. Включая лягушек. А во главе всей этой процессии шествовал слон.

— Я не могу долго говорить, — сказал Моисей. — Конец света отложили, так что через минуту мне придется умолкнуть. Но ты... — слон обвил хоботом ногу Великого герцога, — ты покойник, Джек.

— Меня зовут не Джек, а Бинки! Отпусти меня!

Моисей стащил Бинки с кровати и поволок к окну. Они были где-то на четырнадцатом этаже.

— Скажи: «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!» — предложил Моисей.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

* * *

Но что — и это очень большое «что» — что насчет той книги из будущего?

Рэймонд и Зефир стояли на палубе «Саламандры». Внизу главы государств, ничуть не пострадавшие от козней Абдуллы, с аппетитом уплетали профессорскую стряпню и вели себя как старые добрые друзья, какими теперь, собственно, и стали.

— Мне пора, — сказала Зефир. — Сейчас не мое время, и я должна уйти.

— О, прошу тебя, — Рэймонд прижал ее к себе. — Ты не можешь снова меня бросить. Просто не можешь.

— Я должна, Рэймонд. Когда я говорю, что сейчас не мое время, это потому, что я из будущего.

Ага!

— Я когда-нибудь тебя увижу?

— О да, примерно через год. Когда выйдет книга.

— Какая книга?

— Та, которую я сейчас пишу о тебе. Она называется «Величайшее шоу за пределами Земли». Что-то вроде неофициальной биографии.

— Ничего себе, — сказал Рэймонд.

— Видишь ли, в будущем я руковожу небольшим издательством. Оно называется З.В.Е.Р.И. Это аббревиатура от Золо Воло Еоло Роло Иоло.

— Но это не похоже на английский.

— Нет. Это часть нового универсального языка, который ты создашь, чтобы установить мир и гармонию между планетами. В будущем. Если перевести приблизительно, это означает: «Издательская компания под управлением Рэймонда и его жены Зефир».

— Ого, — сказал Рэймонд.

— В будущем. Кстати, сегодня какое число?

— Шестнадцатое, кажется.

— Тогда мне пора. Экземпляр книги придет тебе, когда вернешься домой. Высматривай почтальона.

— Зефир, пожалуйста, не уходи. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, — Зефир поцеловала его. — Через год, — добавила она. И исчезла. Вот так просто.

Рэймонд остался совсем один.

— Через год, — вздохнул Рэймонд. — Ровно через год. Шестнадцатого. Нет, погоди, сегодня не шестнадцатое. Шестнадцатого меня выдернули с огородов. Интересно, важно ли это.

* * *

На следующей неделе в Брэмфилд приезжает цирк.

Очень рекомендую сходить. Ничего подобного вы еще не видели.

Рэймонд пойдет. И его лучший друг Саймон. И невеста Саймона — Лиза.

Они забронировали места в первых рядах. Точнее, они выкупили все билеты на первое представление. Саймон угощает всю деревню.

Это будет шоу, которое стоит увидеть.

Вы ведь не пропустите его, правда?

Величайшее шоу за пределами Земли.

* * *

КОНЕЦ